МИРОСЛАВ ИВАНОВ

ЛЕНИН в ПРАГЕ

ПРОГРЕСС

Книга "Ленин в Праге" занимает особое место в творчестве чешского литератора Мирослава Иванова. Она уже трижды издавалась в ЧССР. И каждое издание автор дополняет новыми материалами о пребывании В. И. Ленина в столице Чехословакии в 1900–1901 годах и в период проведения Пражской конференции — VI-й Всероссийской конференции РСДРП.

Многие годы М. Иванов кропотливо собирает факты, касающиеся этих исторических вех. Его книга читается с огромным интересом. Автор мастерски сочетает документализм повествования с введением читателя в свою творческую лабораторию. Он увлекательно показывает, как та или иная, казалось, незначительная деталь становится путеводным звеном, открывает новое направление в его поиске.

Книга "Ленин в Праге" повествует не только о событиях, связанных с исторической Пражской конференцией, проводившейся под руководством В. И. Ленина. Это широкое полотно, на котором автор нарисовал картину политической жизни тех лет, революционное преобразование которой произошло под влиянием идей Владимира Ильича Ленина.

МИРОСЛАВ ИВАНОВ

ЛЕНИН в ПРАГЕ

MIROSLAV IVANOV

LENIN V PRAZE

SVOBODA
PRAHA
1973

МИРОСЛАВ ИВАНОВ

ЛЕНИН В ПРАГЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ С. И. ПРАСОЛОВА

МОСКВА
ПРОГРЕСС
1980

Перевод с чешского *В. Н. Орла*
Редактор *Т. Б. Жданова*

Редакция литературы
по международным отношениям

И $\frac{10103 - 231}{006(01) - 80}$ 22 – 80   0103020000

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ*

...Прага, Гибернская улица, Народный дом. Прежде он принадлежал Чехословацкой социал-демократической партии. В январе 1953 года здесь был открыт Музей В. И. Ленина. Чехословацкие друзья готовили экспозицию тщательно и любовно. Во внутреннем дворе – внешне ничем не примечательный подъезд. Поднявшись на третий этаж, вы оказываетесь в помещении, где в январе 1912 года состоялась VI Всероссийская конференция РСДРП(б). Каждого, кто здесь бывает, поражает контраст между величием события и будничной простотой обстановки, в которой оно происходило. Удлиненная, небольшая комната. Против единственной двери – несколько окон, за ними – типичный для стобашенной Праги пейзаж: красные черепичные крыши, выше их шпили Пороховой башни, дальше угадываются силуэты Староместской ратуши, Тынского храма, готических костелов, вплетенных в паутину средневековых улочек и проходных дворов Старого города. Мебель в комнате – самая скромная: непокрытый длинный стол, вдоль него – деревянные скамьи, в разных местах потертые венские стулья, шкафы, вешалки. В левом углу стоит картотечница, хранившая когда-то адреса подписчиков,

* Настоящее издание дополнено новыми материалами автора. (Впервые книга издана на русском языке в переводе О. М. Малевича, М., Политиздат, 1963.)

продавцов и распространителей социал-демократической газеты "Право лиду".

Зимой 1912 года всюду здесь было людно и шумно: с раннего утра и до позднего вечера хлопали входные двери подъезда, вверх и вниз по лестнице сновали, заполняя коридоры и комнаты, всегда спешащие работники редакции и типографии, продавцы и распространители рабочей газеты. Сюда же по разным делам частенько заглядывали функционеры и другие посетители Народного дома. В этом потоке без труда затерялись два десятка русских "нелегалов". К тому же со двора было несколько выходов. Выбирая место для проведения VI Всероссийской конференции, в Праге хорошо позаботились о том, чтобы уберечь ее делегатов от назойливой "опеки" сбившихся с ног шпиков тайной полиции двух европейских империй.

В организации конференции, во всей ее работе сказывалась твердая и опытная рука Ленина. Он требовал строжайшего соблюдения правил конспирации, никому не позволял их нарушать. Русские революционеры, годами работавшие в глубоком подполье, прошедшие через тюрьмы и ссылки, с понятной завистью наблюдали, как местные социал-демократы действовали в условиях полной легальности. Чешские товарищи, помогавшие в подготовке и проведении конференции, проявляли большую заботу о безопасности ее участников. И все же не все было учтено. Нескольких большевиков сначала поселили в социал-демократической гостинице "Бельведер", находившейся на Летне, за старой водонапорной башней, на Коруновачной улице. Кто мог подумать, что придет время и совсем неподалеку отсюда будет находиться посольство СССР – социалистического государства, рожденного революцией, победу которой подготовляла и Пражская конференция.

"Вскоре после приезда в Прагу,– рассказывал питерский рабочий Онуфриев,– мы, четверо делегатов,

разместившиеся в одном гостиничном номере, после плотного обеда уселись за небольшим шахматным столиком. Двое играли, двое наблюдали за жаркой схваткой, развернувшейся на шахматной доске. Все были так увлечены игрой, что никто не обратил внимания на тихий стук в дверь, не заметил, как в комнату кто-то вошел.

– Ну, теперь, кажется, белым крышка!– услышал я над самым ухом чей-то голос, показавшийся мне таким знакомым.

Все обернулись в сторону произнесшего эти слова. Это был Ленин. Мы вскочили со своих мест и плотным кольцом обступили Ильича..."

Когда беседа закончилась, Ленин сказал, что в гостинице жить делегатам нецелесообразно. Какая же это конспирация, говорил он, если они будут жить у всех на виду? Ленин сказал, что надо рассредоточиться по разным местам. Он сообщил, что чешские товарищи позаботились об этом и подыскали надежные адреса. Сам Ленин не один раз менял свои квартиры и так запутал следы, что в них не могут разобраться до сих пор.

В социалистической Чехословакии вот уже четверть века ведется выяснение обстоятельств, связанных с пребыванием Владимира Ильича в Праге. Центром всей работы, естественно, стал ленинский музей в чехословацкой столице. Этой работе придан большой размах. Архивные документы и публикации прессы, воспоминания современников и свидетельства очевидцев, фонды библиотек и музеев – все это тщательно изучается. В поиски вовлечено множество людей, и среди них – одним из самых деятельных и неутомимых является автор книги "Ленин в Праге" Мирослав Иванов.

С нашей страной он связан не только своими творческими устремлениями. Его отец Антонин в годы первой мировой войны, попав на Восточный фронт,

отказался сражаться за Габсбургов против русских. Вернувшись в Чехословакию после плена, Антонин Иванов до конца дней своих сохранил верность убеждениям молодости: в годы гитлеровской оккупации он боролся против общего врага. В 1942 году его расстреляли фашисты.

Историк и писатель М. Иванов создал немало повествований об интернациональной дружбе двух братских стран. Для его творчества характерно тяготение к рассказу о важных, но не расследованных до конца исторических событиях. Книга "Ленин в Праге" основана на документах и проверенных фактах. Она написана в жанре, который называется литературой фактов.

В этом произведении писатель открывает для читателя свою творческую лабораторию. Он приглашает войти в нее и вместе с ним отправиться в поиск. Сопоставляя письменные источники и порой изустные свидетельства, М. Иванов обнаруживает интересные, но трудносовместимые, а то и исключающие друг друга факты. Затем он устраивает им своего рода очную ставку, подвергает их перекрестному критическому "допросу". В результате добываются на первый взгляд не столь уж многозначимые детали. Однако для автора эти второстепенные детали оказываются путеводной нитью для дальнейших размышлений и поисков.

Метод работы М. Иванова можно продемонстрировать на примере "проблемы кнедликов со сливами". А. Запотоцкий, рассказывая о беседе чехословацких делегатов с Лениным во время II конгресса Коминтерна, упомянул, что Владимир Ильич спрашивал: а что, чехи до сих пор едят кнедлики со сливами?

Из рассказа А. Запотоцкого автор выделяет слова "кнедлики со сливами" и, отталкиваясь от них, начинает размышлять. Владимир Ильич, вероятно, вряд ли бы запомнил эти самые чешские кнедлики, если бы их не отведал сам. Ленин же, как считалось раньше,

приехал в Прагу только в январе 1912 года, за несколько дней до открытия VI Всероссийской конференции РСДРП. Но в январе он не мог есть кнедликов со сливами! Зимой слив нет, а потому не готовят таких кнедликов. Приготовляли их только во время сбора слив в сентябре. Что же все это значит? Может быть, ленинские слова не точно переданы А. Запотоцким? Новая проверка, и такое допущение отпадает. Что же означает в таком случае явное противоречие, чем оно вызвано? Вопросы поставлены, появилась отправная точка для новых поисков. Они в конечном счете приводят к гипотезе, что Ленин побывал в Праге почти за полгода до Пражской конференции, скорее всего где-то в середине сентября 1911 года, в разгар сезона "кнедликов со сливами". Следует новая проверка, выявляются новые факты. Гипотеза становится все более достоверной... Попутно (однако совсем не случайно) автор сообщает массу сведений о революционной борьбе пролетариата России под руководством большевистской партии во главе с Лениным, о рабочем движении в Австро-Венгрии и в Чехии, он рисует живые фигуры рядовых, самоотверженных его участников. И у читателя из мозаики этих деталей постепенно складывается широкая картина по мере того, как он с увлечением прочитывает страницу за страницей книги чешского писателя.

Книга о пребывании В.И. Ленина в Праге, выходящая на русском языке в знаменательный год, когда все прогрессивное человечество отмечает 110-ю годовщину со дня рождения В.И. Ленина, вписывает еще одну страницу в большую тему: ленинизм и судьбы чехословацкого народа. Документальная повесть М. Иванова снова свидетельствует о том, что отношение к ленинизму, к опыту ленинской партии, к Советскому Союзу служит тем рубежом, который разграничивает подлинных революционеров, борющихся за счастье своих народов, и оппортунистов разного толка,

предающих дело рабочего класса.

На протяжении всей новейшей истории Чехословакии, на каждом новом этапе ее развития революционный пролетариат и его марксистско-ленинский авангард всегда руководствуются ленинизмом, определяя правильный путь дальнейшей борьбы.

"Все лучшее, подлинно прогрессивное в истории чехословацкого революционного движения,– отмечает Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Г. Гусак,– связано с глубоким влиянием Ленина и его учения"[1].

Коренное обновление мира под воздействием революционных сил, вооруженных марксизмом-ленинизмом, оказало благотворное влияние на самые разные стороны исторического бытия всех народов нашей планеты. Потому-то у каждого народа есть свои побудительные причины воздать дань уважения и признательности гениальному мыслителю и великому революционеру нашей эпохи–Владимиру Ильичу Ленину.

Этими чувствами, искренними и глубокими, проникнута и книга чешского писателя, посвятившего много лет выяснению обстоятельств, связанных с пребыванием В.И. Ленина в столице его родины. В неутомимых поисках ему помогали, как он сам отмечает, много людей – знакомых и незнакомых, со всех концов страны, людей разных профессий. "Прежде всего это их заслуга, что на свет родилась эта книга о пребывании Ленина в Праге",– подчеркивает автор.

Ленин живет в благодарной памяти потомков. Ленинизм живет в завоеваниях борцов за социальную справедливость и демократию, за свободу и счастье людей труда, в великих революционных свершениях нашего времени.

С. И. Прасолов

[1] Г у с а к Г. Избранные статьи и речи. М., 1973, с. 122.

1

Под широким окном переливается блеском Влтава.

Мой собеседник умиротворенно улыбается и негромким голосом говорит:

– Этот вид особенно красив к вечеру, когда Прага зажигает огни и вода приобретает какой-то необыкновенный оттенок. Еще мальчишкой я часто прибегал сюда с самого Жижкова, чтобы застать этот момент...

Он отодвигает кресло, встает и делает два-три шага к окну. Это человек высокого роста, немного сутулится, голова обрамлена серебряным венчиком волос. Когда улыбается, глаза излучают доброту и участие.

Я молчу.

Обернувшись, возвращается к разговору:

– Вы меня спрашивали, как мы когда-то в панкрацкой тюрьме выпускали "Шершень"... Чего мне тогда больше всего не хватало, так это воздуха, неба, того, что там над рекой.

Он стоит у занавески серьезный, руки сцепив за спиной.

– Казалось бы, обыкновенный воздух, а вместе с тем даже трудно себе представить, как его не хватает человеку в тюрьме. Однажды – это было в начале двадцатых годов – об этом нам говорил и Владимир Ильич Ленин.

– Вы встречались с Лениным?

– Это было уже давно, более тридцати пяти лет... Владимир Ильич нам рассказывал о том, как когда-то

был в Праге. Ему нравилось у нас...

Под Пражским Градом раскинулся город с рекой и деревьями. На воду потихоньку ложится туман.

Антонин Запотоцкий возвращается к столу и говорит:

– Только диву даешься: столько написано книг о том, какие знаменитые иностранцы посещали Прагу, но полистайте их и поищите что-нибудь о Ленине – ни слова не найдете.

На мгновение наступает ничем не нарушаемая тишина. Затем уже иным тоном он продолжает:

– Но все же вернемся к этому "Шершню". Ведь вы из-за него пришли, не так ли?..

Он улыбается, и ты совсем забываешь, что находишься у президента.

За широким окном только что родилась темнота.

2

По-видимому, и с вами подобное случалось, что западет что-нибудь в сердце и мысли, казалось бы, так, ненароком, но на поверку настолько прочно, что даже по прошествии многих лет вдруг наступает момент, когда вы уже не можете устоять перед страстным желанием разобраться во всем до конца.

И вот такой момент наступил. Рано или поздно это должно было произойти.

Я блуждаю по пражским улочкам и говорю про себя: вот здесь где-то был Ленин. Меня охватывает невыразимое чувство, когда только я представлю себе, что, может быть, именно здесь он шел, а там на набережной он остановился в задумчивости, вспомнив о чем-то...

Ленин в Праге... Когда же это было?

Прага в те дни была еще вся увешана австрийскими гербовыми орлами, и некоторые наши достопочтенные отцы города еще воздавали хвалу императору Францу-Иосифу. По неровным мостовым извилистых улочек еще громыхали старинные кареты, хотя одновременно уже бренчали и первые трамваи.

Прага накануне первой мировой войны... Прага, веселящаяся под звуки духовых оркестров, в вихре вальсов и канканов, заполненная крахмальными воротничками и котелками, Прага рабочих окраин, демонстраций и забастовок...

Закончилась война. Пожелтели страницы тогдашних газет, и время стерло из памяти одно за другим события тех дней. Тем не менее стоит закрыть глаза, и как наяву видишь его у балюстрады возле Национального музея. Он задумчиво смотрит вниз на Вацлавскую площадь, а любознательные глаза чуть прищурены в легкой улыбке.

В одном из своих писем Владимир Ильич писал: "Жалею, не занимался я чешским языком. Интересно, очень близко к польскому, масса старинных русских слов"[1]. И это не были просто так, невзначай оброненные слова. Карел Крейбих, который в 1920 году на конгрессе Коминтерна в Москве неоднократно встречался с Лениным, вспоминает, что в одной из бесед он с улыбкой заметил: "Между прочим, я собираюсь заняться чешским языком, чтобы иметь возможность самому следить за всем, что у вас делается..."

Потом ему рассказывали, будто на одном из заседаний присутствующие заметили, что Ленин что-то читает... В конце концов ему пришлось показать эту книгу, которая оказалась... учебником чешского языка!

И вот сегодня я брожу по этому городу, останавливаюсь, уходя мыслями в прошлое, бросаюсь на

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 205.

поиски того, что могло бы напомнить о его пребывании здесь.

С чего начать?

По-видимому, с самого важного вопроса: когда же это, собственно, было?

3

Пражский институт журналистики, библиографический отдел. Несколько простых столов и стульев, вешалка. Один из сотрудников института рассказывает:

– Пару дней тому назад пришли сюда двое молодых людей. Говорят, хотим изучить некоторые вопросы, связанные с пребыванием Ленина в Праге. Ну пожалуйста, почему бы и нет. Тема интересная, а мы здесь для того и сидим, чтобы помогать. У нас тут найдутся вырезки о чем угодно. В общем, принес я им большие коробки, в которых уложены статьи о Ленине в Праге. А их много, даже трудно представить, сколько уже об этом написано... Но если вы все это прочтете, то обнаружите, что большей частью там пишется одно и то же. Повторяется несколько одних и тех же фактов, говорится лишь другими словами. Поначалу, увидев эти большие коробки, молодые люди просияли, но, чем дальше они изучали вырезки, тем больше убеждались: немного они найдут в этих статьях.

Остается только удивляться, что еще никому у нас в Чехии не пришло в голову все эти сведения сопоставить, сравнить, критически осмыслить и затем письменно обработать в какой-нибудь книжке, чтобы люди узнали, как же на самом деле было с пребыванием Ленина в Праге. Когда-то большой и солидный труд о Ленине написал Зденек Неедлы. Но тогда, когда рождалась его монография, еще не была полностью извест-

на вся переписка Лениина. Она была опубликована много позже, поэтому многие выводы Неедлы о пребывании Ленина в Праге делались на основе имевшихся тогда материалов.

Видите ли, случилось так, что, к сожалению, никого не оказалось, кто заинтересовался бы этим вопросом сразу же после первой мировой войны и попытался разобраться в нем тогда, когда еще были живые свидетели. Тогда еще можно было бы добиться успеха. А теперь? Большинства из тех, кто лично знал Ленина, уже нет в живых. Один за другим они уходят от нас... Поэтому если кто и захочет сегодня восстановить все детали пребывания Ленина в Праге, то на это придется затратить колоссальный труд. Да и вряд ли что-либо из этого выйдет...

Несколько дней молодые люди работали здесь, делали выписки, потом распрощались. Они были явно разочарованы. Я им пожелал удачи, хотя и говорил про себя, что все равно ничего нового они не обнаружат. Правда, уже в дверях я все-таки посоветовал им почитать воспоминания Антонина Запотоцкого о его беседах с Лениным. Они поблагодарили и ушли. Вот и все, что могу я вам сказать...

4

Да, мы поблагодарили и ушли. Наш дальнейший путь лежал в городскую публичную библиотеку, где, выслушав нашу просьбу, нам принесли книгу "Они говорили с Лениным".

Раскрыв ее, мы быстро нашли то место, где Запотоцкий вспоминает о своей первой поездке в Советскую Россию:

"Это было после первой мировой войны, летом

1920 года... В Москве был созван всемирный конгресс III Коммунистического Интернационала. Я был направлен на этот конгресс в качестве делегата от левой оппозиции, которая сформировалась внутри социалдемократической партии Чехословакии. Наиболее активную революционную деятельность оппозиция развернула в районе Кладно. Красное Кладно и послало меня на конгресс. Я поехал. Это был нелегкий путь. В Польше шла война, советские войска победоносно наступали на Варшаву. Нужно было ехать через Германию. Из Германии пароходом до эстонского Ревеля, оттуда в латышскую Ригу, из Риги – в Петроград* и Москву. Повсюду задержки и затруднения. Наконец я добрался до Москвы, но со значительным опозданием, когда конгресс уже начался. Он заседал в московском Кремле, в зале, где прежде короновали царей.

Я пришел во время перерыва и тут впервые увидел товарища Ленина. На ступеньках сцены в торце зала, на которой находился президиум, сидел небольшой, ничем не примечательный человек. На колене у него лежал раскрытый блокнот, в который он что-то быстро записывал. Как и многие другие делегаты, я остановился, не решаясь беспокоить его. Так вот какой он – Ленин..."

Затем Запотоцкий рассказывает о посещении Владимира Ильича:

"Однажды июльским днем, когда я пришел в гостиницу, то обнаружил там сообщение, что мне нужно прийти в Кремль к товарищу Ленину, который приглашает к себе на беседу чешских делегатов. Приглашение вызвало смятение. Неожиданно мы, чехословацкие делегаты, оказались в центре внимания. Несомненно, нам завидовали многие из делегаций других стран. Я, однако, оробел. Как я буду говорить с Лени-

* В тексте написано: "Ленинград".–*Здесь и далее примечания переводчика.*

ным и что ему скажу? Я, обыкновенный социал-демократический активист из шахтерского Кладно? Чем вообще может интересоваться Ленин в нашей Чехословакии?

Я размышлял таким образом еще перед дверью в кабинет Ленина. Однако все опасения оказались напрасными. Ленин был в курсе многих наших дел.

Прежде всего обнаружилось, что он понимает по-чешски. Мы тоже понимали по-русски, хотя говорить не могли. Таким образом, переводчик не потребовался. Ленин знал Прагу, он был там в 1912 году на нелегальной конференции РСДРП.

Он начал беседу с вопроса, который, безусловно, не привел бы в растерянность ни одного чеха. Он спросил, едят ли все еще в Чехии кнедлики со сливами. Он запомнил это излюбленное чешское блюдо со времени своего пребывания в Праге. Естественно, что после такого вступления беседа сама собой приобрела дружеский, доверительный характер, хотя и касалась политических вопросов.

Ленин интересовался Чехословакией. С наших слов он начал синим карандашом отмечать на карте ее новые границы. Потом разговор перешел на Закарпатскую Украину, на отношения с Венгрией (это было после падения Венгерской коммуны) и на целый ряд других политических проблем..."

Тут я, пораженный, отрываюсь от чтения и затем опять возвращаюсь к одному абзацу. Медленно, не торопясь, я его перечитываю еще раз: "Он спросил, едят ли все еще в Чехии кнедлики со сливами. Он запомнил это излюбленное чешское блюдо со времени своего пребывания в Праге..."

– Погоди, я тебя не понимаю,– обращается мой друг, которого я придумал, чтобы легче писать этот рассказ.

– Да что здесь непонятного: ведь кнедлики со сливами – это же след!

– След?– удивленно переспрашивает Иржи.

– Пожалуй, так это можно назвать, потому что эта фраза наводит на кое-какие мысли... Давай порассуждаем: общепринято утверждать, что Ленин впервые был в Праге весной 1901 года, затем – в январе 1912 года на Пражской конференции. Однако, как пишет Антонин Запотоцкий, он помнил чешское национальное кушанье – кнедлики со сливами...

– Ну и что из этого следует?

– А вот что: когда у нас делают кнедлики со сливами?

– Когда же еще их делать... Когда сливы созреют.

– А это в сентябре. В 1912 году Ленин был здесь в январе, а в это время кнедлики со сливами не готовят. Мы точно знаем, когда началась и когда закончилась Пражская конференция. Из этого следует, что воспоминание Ленина о кнедликах, как его запечатлел Запотоцкий, не относится к этому периоду.

– Да, но еще остается первый приезд Ленина в Прагу...

– Это было весной 1901 года, когда никакие кнедлики со сливами не появляются на нашем столе.

– И в самом деле... Но не исключай возможности, что Ленин мог просто слышать о них от кого-нибудь. Хотя бы от его жены Крупской, которая тоже бывала в Праге.

– Если бы он знал о них лишь понаслышке, то это не врезалось бы так сильно в память. К тому же и Крупская приезжала сюда весной и пробыла здесь неполный день. Кроме того, обрати внимание на следующую вещь: в воспоминаниях Запотоцкого слова "он запомнил это излюбленное чешское блюдо со времени своего пребывания в Праге" точно указывают на то, что Ленин узнал об этом непосредственно во время своего посещения Праги.

– Ну хорошо. Но существует еще одна возможность – ведь Ленин мог попробовать это блюдо в

каком-нибудь ресторане. Почему бы там не делать кнедлики со сливами и весной?

Я опровергаю этот аргумент:

– Для того чтобы Ленин обратил внимание на то, что чехи любят кнедлики со сливами, и запомнил это на многие годы, ему нужно было видеть это блюдо много раз, а не однажды случайно в ресторане. Короче говоря, должен быть "сезон" кнедликов со сливами. А это – лишь осенью... Ведь в те времена фрукты не замораживали. Впрочем, можно и проверить: давай спросим в двадцати ресторанах, делают ли у них кнедлики со сливами весной.

Сказано – сделано.

В одном месте от нашего вопроса рассердились– нашли же о чем спрашивать, в другом его воспринимали как шутку, в третьем лишь пожимали от удивления плечами, а кое-где в ответ надевали маску сдержанной вежливости... И хотя мы побывали в разных районах и заходили в рестораны различных разрядов, везде звучал один и тот же ответ: весной в ресторанах кнедлики со сливами не подают, только осенью, примерно в сентябре.

Но тот, для кого наш эксперимент кажется малоубедительным, может обратиться к классику чешской литературы, самому Яну Неруде, который за свою многолетнюю работу репортером в газете "Народни листы" не один раз писал о сливах и кнедликах со сливами и всегда однозначно указывал, что их делают в сентябре месяце. В первом из таких фельетонов, относящемся к 1885 году, он пишет:

"Я хочу написать о сливах... Ведь журналист всегда находится в зависимости от времени и должен писать о том, что время требует от него. Ну а найдется ли сейчас на свете что-нибудь более актуальное, чем сливы? Идешь ли по Йозефовой площади или же по фруктовому рынку, оглядываешься ли направо или же быстро бросаешь взгляд налево, везде: на повозках, прогляды-

вая между решетинами, на земле, в узлах и кошелках, в плетеных корзинах из-под соломы и вики – сливы, сливы, сливы! Стоит только произнести: "кнедлик со сливами", как смолкают все разговоры. Только этим и можно объяснить, почему о Сливовом Кнедлике еще не создана своя литература. Именно сейчас, в сентябре месяце, пришла пора чудесного и сладкого и, конечно же, возлюбленного царствия Его..."

И в таком же юмористическом тоне Неруда вновь возвращается к своей любимой теме в 1888 году. В фельетоне от 16 сентября он пишет:

"Как раз сейчас вновь наступила пора кнедликов со сливами. Сливы только что созрели, и нет сейчас в деревне и даже в Праге такой семьи, где бы не готовили кнедлики..."

– Ладно, время кнедликов со сливами установлено точно, и что из этого вытекает? – не унимается мой товарищ.

– Я ведь уже говорил: это первый след.

– Но не станем же мы определять время посещения Владимиром Ильичем Праги по этой, хотя и занятной, но вовсе ничего не доказывающей, детали, – возражает Иржи.

– Разумеется, нет. И вместе с тем нельзя же отрицать того, что этот, как сказали бы некоторые, "ненаучный" факт порождает определенное сомнение: действительно ли Ленин здесь впервые побывал лишь весной 1901 года? А что, если он был тут еще до этого? Скажем, осенью 1900 года?

Однако для ответа на этот вопрос еще мало установить время, когда в Чехии готовят кнедлики со сливами...

5

Когда в 1893 году Ленин приехал в Петербург, то за его плечами уже был опыт бурных лет политической деятельности. Шесть лет назад он был исключен из Казанского университета за участие в революционном студенческом движении. Полиция неспроста считала этого молодого человека наиболее опасным.

Однако запугать Владимира Ильича не удалось. В Казани и Самаре он изучает марксизм и благодаря своим глубоким познаниям вскоре становится широко известным среди марксистов. По приезде в Петербург он уже после первых своих выступлений привлекает к себе рабочих и очень быстро выдвигается в число руководителей марксистских кружков. Он блестяще знает труды Маркса, умело применяет марксизм к русским условиям, обладает исключительными организаторскими способностями, поэтому не удивительно, что именно он объединяет в 1895 году все петербургские рабочие кружки, признающие марксизм, в единый "Союз борьбы за освобождение рабочего класса".

Один из членов этих кружков, рабочий Бабушкин, даже по прошествии многих лет вспоминал: "Наши лекции носили характер очень живой, интересный... Мы все бывали очень довольны этими лекциями и постоянно восхищались умом нашего лектора".

Но не дремало полицейское око...

Ленин пишет книгу "Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?", составляет листовки, а в декабре 1895 года охранка предъявляет ему "счет" и арестовывает "за нарушение общественного спокойствия и порядка".

Но и в тюрьме он продолжает работать. Здесь рождаются брошюра "О стачках" и листовка "Царскому правительству", которые в целях конспирации он

пишет молоком между строк медицинской книги, которую разрешили передать ему в тюрьму. Таким же способом был написан и проект программы партии.

Однако у полиции не было уверенности, что Ленин полностью отрезан от своих друзей и работы. Ленина нужно заставить замолчать.

Поэтому следует ссылка.

Его отправляют в Сибирь, где он живет в селе Шушенском.

Проходят весна, лето, осень, зима. И вновь — весна, лето, осень, зима. Ожидание писем от друзей и родных, ожидание с утра до вечера, с весны до зимы.

Говорят, ожидание может истомить человека. Сломить его.

Но ожидание может и закалить.

Поэтому каждый час пребывания здесь до предела заполнен занятиями, чтением, собственным трудом публициста и ученого. Уходили годы, но с ними росли знания.

В начале 1900 года заканчивается ссылка Ленина, и полиция полагает, что теперь он в достаточной мере познал силу царского аппарата, который уже "вправил мозги" не одному бунтовщику. И вот еще зимой по замерзшей снежной дороге вдоль берега Енисея со скрипом летят сани...

Одновременно с Лениным из ссылки вернулись и другие члены "Союза борьбы", все преисполненные твердой решимости продолжать работу. Как раз в это время Ленин задумал создать большую нелегальную газету, которая объединила бы марксистские кружки, разбросанные по всей стране, и которая стала бы связующим звеном между всеми революционерами.

Но где разместить ее редакцию?

Если издавать газету в России, то охранка быстро ее обнаружит, а это означало бы провал... За границей условия лучше, тем более что там уже работает со своими сподвижниками русский революционер Плеха-

нов. Поэтому Ленин на совещаниях со своими соратниками в Уфе, Пскове, Москве и Петербурге вырабатывает план налаживания нелегальной связи между заграницей и Россией, договаривается о шифрах, тайных адресах для засылки отдельных номеров газеты.

Казалось, все было в полном порядке.

Но не тут-то было.

Полиция следила за каждым шагом Владимира Ильича, и перед самым его отъездом за границу он был вновь арестован. Полицейские власти что-то заподозрили, хотя и ничего не знали точно. Как говорится, береженого и бог бережет... При обыске на квартире у Ленина забрали все бумаги, документы, книги и деньги. А это была немалая сумма — две тысячи рублей, предназначенные для издания нелегальной газеты за границей. Положение становилось особенно серьезным в связи с тем, что среди конфискованных вещей были все заметки Ленина о газете. Счастье еще, что они были написаны невидимыми чернилами, хотя стоило немного нагреть бумагу, как все написанное проступило бы совершенно отчетливо...

Догадаются ли в полиции?

Нет, не догадались.

Несмотря на тщательный обыск и допросы, полиция не нашла ничего подозрительного и вынуждена была освободить Ленина из-под ареста.

И только в конце июля 1900 года Ленин уезжает наконец из России. Долгие годы он пробудет на чужбине. Много произойдет перемен, прежде чем Владимир Ильич вновь увидит силуэты Петербурга, ощутит запахи его набережных, торопливое движение по Невскому проспекту.

Теперь судьба уготовила ему эмиграцию.

6

Куда он поехал?

В Прагу?

Спокойно, не будем торопиться. Уже через несколько дней, 8 августа 1900 года*, жена Ленина Н. К. Крупская в письме М. А. Ульяновой сообщала, что она получила от мужа первую весточку "из Австрии", которую почта доставила ей через восемь дней после отправки. Откуда она пришла? Мы этого точно не знаем.

Еще через три недели, 31 августа 1900 года, Ленин в письме своей матери просит посылать ему письма на парижский адрес, при этом он замечает: "Я писал тебе уже дважды из Парижа..."[1]

Значит, следы ведут во Францию!

И все же...

...Известно, что во второй половине августа 1900 года Ленин жил в Швейцарии, где он впервые встретился с эмигрантской группой русских марксистов "Освобождение труда". 28 августа он оттуда поехал в Нюрнберг, чтобы уладить дела по изданию газеты. Там он пробыл немногим более недели и 6 сентября уехал в Мюнхен, который был выбран в качестве главного местонахождения редакции "Искры". Здесь он обосновался более основательно. При помощи мюнхенского врача социал-демократа Рудольфа Шолленбруха он под именем Мейер поселился на Кайзерштрассе, 53 (теперь номер 46), у содержателя трактира социал-демократа Георга Риттмейера. Жил он там нелегально.

— А при чем же его парижский адрес?— спрашивает Иржи.

* Даты в книге указаны в соответствии со старым стилем.

[1] В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 55, с. 189.

– Он хотел сбить с толку полицию, направив ее на ложный след. Поэтому он и просит своих родных в России направлять ему корреспонденцию в Париж, откуда его знакомые пересылали ее сначала в Швейцарию, а потом в Германию... Сама М.И. Ульянова впоследствии вспоминала об этом: "...когда он жил в Швейцарии или в Мюнхене, мы писали ему на Париж или Прагу".

– Постой, но здесь, кроме Парижа, упоминается еще и Прага.

– Вот именно, и поэтому мы подходим к главному вопросу, который состоит в следующем: какое место занимала или какую роль сыграла Прага в жизни Ленина? Точнее, Прага того времени, Прага начала этого столетия?

Иржи молчит, поэтому я продолжаю сам:

– Пожалуй, можно было бы ответить так. Тогда Ленин уже окончательно решил, что будет жить в Мюнхене. Однако посмотри на карту или же закрой глаза и представь себе расположение на ней отдельных городов. Из России письмо сначала шло на запад, в Париж, а оттуда вновь на восток, в Мюнхен. Вследствие этого почта на много дней задерживалась, и поэтому Ленин стремился подыскать "транзитный" адрес, через который можно было бы ускорить ее доставку. Таким местом мог быть лишь такой город, который расположен на прямой линии между Германией и Россией. Об этом. кстати, говорит в своих воспоминаниях и Максим Литвинов.

Указывая на то, что Ленин придавал большое значение организации доставки "Искры", он одновременно отмечает, что приходилось принимать много мер безопасности, в том числе и такую, как переправка литературы сначала в какой-нибудь город в центре Германии или Австрии.

Если внимательно посмотреть на карту, то станет ясно, что такая воображаемая прямая проходит через

Чехию. То есть это должен был быть какой-нибудь чешский город... А поскольку центром всей деятельности чешской социал-демократии была Прага, то наряду с Берлином и Веной Ленин выбрал и ее.

— По-видимому, не так все просто было...

— Конечно. Когда Ленин поселился в Мюнхене у трактирщика Риттмейера, то сначала он не знал, за что взяться прежде всего. Было столько работы... Обеспечить газету бумагой, найти в Лейпциге типографию, заготовить первые статьи, создать сеть доставки — все это действительно было не простым делом.

Хорошо еще, что он нашел здесь несколько верных и преданных товарищей, среди которых в первую очередь следует упомянуть доктора медицины Карла Лемана. На его адрес на Габельсбергерштрассе, 20 также пересылалась почта для Ленина.

— Как его звали? Леман?

— Да, Леман.

С Леманом Ленин познакомился через польского революционера-публициста Юлиана Мархлевского, который до этого уже два года прожил в Мюнхене, был хорошо знаком с местными товарищами и во многом мог помочь Ленину.

Жена у Лемана была русская. Когда в 1905 году в России разразилась революция, то он поехал туда, однако был арестован царской полицией и сослан в Сибирь.

Именно Леман свел Ленина с владельцем типографии М. Эрнстом...

— Не слишком ли ты уходишь в сторону?

— Нам еще может пригодиться имя доктора Лемана...

— С какого же времени начал функционировать пражский "транзитный" адрес?

— Об этом можно судить лишь приблизительно. До тех пор пока письма и книги из России пересылались Ленину через Париж, он в своих ответных письмах

старался создать впечатление, что действительно живет в Париже. И хотя он жил в ту пору в Швейцарии, а затем в Германии, в письмах своим близким он делал вставки с упоминанием о парижской жизни, чтобы утвердить царскую охранку в убеждении, будто и на самом деле проводит это время в городе со знаменитой Эйфелевой башней, не интересуясь ни политикой, ни общественной жизнью...

Он продолжает поступать таким же образом и после того, как нашел новый адрес в Праге, который значительно сократил весь путь прохождения почты. И в этих письмах он упоминает о пражской жизни, чтобы опять создать у полиции впечатление, что он живет в Праге.

– Когда в письмах Ленина стали появляться эти упоминания о Праге?

– С осени 1900 года.

Иржи раздумывает вслух:

– Это означает, что где-то осенью 1900 года он нашел в Праге человека...

– ...который делал для него то же, что до сих пор выполняли его друзья в Париже, то есть получал письма и деньги из России, вкладывал все в новый конверт и отправлял ему в Мюнхен. И наоборот, Ленин посылал в Прагу свое письмо в большом конверте, который здесь вскрывался, а находящийся в нем другой конверт отсылался его близким в Россию. Ленин был достаточно осмотрительным, чтобы письмеино договариваться о таких доверительных вещах. Весьма правдоподобно, что он сам съездил в Прагу и лично обговорил все подробности организации этой "почты".

– Когда же в таком случае Ленин впервые побывал в Праге?

– Некоторые исследователи до сих пор утверждают, что весной 1901 года, точнее, в начале марта.

– На основании чего?

– Существуют два письма Ленина, из которых можно сделать такой вывод. Первое датировано 27 февраля 1901 года, в нем Ленин пишет, что на следующий день, то есть 28 февраля, он вместе с Блюменфельдом уезжает через Вену в Прагу[1]. Здесь интересно то, что это письмо было адресовано другому эмигранту, Аксельроду, который тоже жил за границей, поэтому Ленин мог, не опасаясь царской цензуры и полиции, писать правду. Во втором письме от 2 марта 1901 года Ленин пишет матери, что недавно куда-то уезжал, а сейчас, после возвращения в Прагу, ему особенно бросился в глаза ее "славянский" характер. Затем он упоминает о фамилиях на "чик" и "чек", о словечках вроде "лекарня", то есть письмо оставляет впечатление о том, что оно написано в Праге[2].

Поэтому все единодушно считали, что в этих письмах Ленин говорит о своем пребывании в Праге. Оба письма написаны весной 1901 года, на основании чего и давался ответ: впервые Ленин был в Праге весной 1901 года. И тем не менее здесь остается одно "но"...

– Кнедлики со сливами?– усмехается Иржи.

– Нет, это недостаточно серьезный аргумент. Существует другая неувязка. Мы уже выяснили, что упоминания о Праге, которыми Ленин вводил в заблуждение полицию и которые указывают, что его почта уже шла не через Париж, а через Прагу, начинают появляться в его письмах с осени 1900 года. Это означает, что он должен был найти человека в Праге, который бы заботился о его почте, осенью 1900 года!

– Понятно. И поскольку ты полагаешь, что Ленин не ограничился бы лишь письменной договоренностью с чешским социал-демократами об этом человеке и

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 88.
[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 205.

что он хотел обязательно лично обговорить все с ним, то это означало бы, что он должен был здесь впервые побывать еще осенью 1900 года. Но, согласись, это всего лишь гипотеза.

– П о к а гипотеза. Но посуди сам: Ленин хорошо знал конспиративную работу, разбирался во всех тонкостях подпольной организаторской деятельности, поэтому он никогда не доверил бы столь важную задачу, как пересылка корреспонденции, человеку, которого он не знал лично. Кроме того, как известно из источников, Ленин просил того же человека достать ему в Праге паспорт на нмя кого-лнбо, кто был на него, то есть на Ленина, похож. Абсолютно исключено, чтобы н такую важную просьбу он доверил бумаге.

– Погоди, давай все-такн разберемся во всем этом. Так ты утверждаешь, что все упоминания о Праге в письмах Ленина имеют тот же смысл, что и его упомннания о Париже, то есть сбнть с толку полицию?

– Да, н я уже цитировал М.И. Ульянову, которая это подтверждает.

– И далее, учитывая, что такне упомннания начинают появляться с осени 1900 года...

– ...точнее говоря, в письме от 6 ноября 1900 года...

– ...то к этому временн у него в Праге уже должен был быть посреднпк, которого еще до этого он лично навестил.

– Правильно. В пнсьме его сестре Марин от 6 ноября он упоминает, что обменивается с одним чехом уроками немецкого и русского языка[1]. В следующем письме от 6 декабря 1900 года, адресованном теперь матерн, он упомннает о пражском катке[2] (известно, что Ленин страстно любнл коньки), н, наконец, в

[1] Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 193.
[2] Там же, с. 195.

письме матери от 20 февраля 1901 года он пишет, что чешские перья — "дрянь страшная"[1]. Выходит, что посредник Ленина должен был "функционировать" еще с осени 1900 года.

— А теперь возникает вполне понятный вопрос: пытался ли уже кто-нибудь разыскать этого человека?

— Да, в 1930 году такую попытку предпринял известный журналист Эгон Эрвин Киш...

7

Я зашел в университетскую библиотеку, попросил старые журналы и газеты и в одном из потемневших от времени номеров нашел статью Киша, в которой он пишет:

"В своих "Воспоминаниях о Ленине" Крупская рассказывает, как она поехала в Прагу, полагая, что там живет Ленин под именем Модрачек, на адрес которого он просил посылать ему письма. Но последнего письма от Ленина с его мюнхенским адресом, которое было вложено в переплет какой-то книги неполитического содержания, Крупская не успела получить. Она сообщила телеграммой, когда приедет в Прагу, и, когда не увидела на перроне Владимира Ильича, сильно забеспокоилась. Не зная, что случилось, она подождала немного, потом наняла дрожки, на которых сидел извозчик в цилиндре, погрузила свои чемоданы и уехала. Извозчик привез ее в узкую улочку рабочего квартала и остановился перед громадным домом, на подоконниках которого проветривалось множество перин. Надежда Константиновна взбежала на четвертый этаж, где ей открыла дверь белокурая чешка.

[1] Там же, с. 204.

– Модрачек! Герр Модрачек! – взволнованно произнесла Крупская.

В дверях показался рабочий:

– Я Модрачек.

– Нет,– заикаясь от волнения, сказала Крупская.– Модрачек – это мой муж.

Модрачек догадался, кого ищет эта женщина – того русского, кому он пересылал письма в Мюнхен. Как раз сегодня он переправил ему телеграмму.

В своих воспоминаниях Крупская пишет: "Модрачек провозился со мной целый день, я ему рассказала про русское движение, он мне – про австрийское, жена его показывала мне связанные ею прошивки и кормила чешскими клецками".

Но тогда на обеде Н.К. Крупскую угощали вовсе не кнедликами, которые она называет клецками. Если бы она знала, чем ее на самом деле кормили в Праге, то вряд ли забыла бы об этом. Это был гуляш из конины...

Как же это получается, что мы решаемся настаивать на таких деталях, о которых не знала сама участница этой встречи? Дело в том, что об этом хорошо знали и точно помнят до сих пор хозяева.«Сразу же после выхода "Воспоминаний" Крупской, – пишет далее Эгон Эрвин Киш,– мы обратились к Франтишеку Модрачеку, потому что только он, и никто иной, мог быть тем Модрачеком, о котором упоминается в "Воспоминаниях"». Он охотно рассказал о своих встречах с загадочным иностранцем и его женой:

– Летом 1900 года из редакции газеты "Право лиду", размещавшейся в то время на площади Палацкого, ко мне направили русского товарища, который, как потом выяснилось, жил под вымышленной фамилией Майер. Ему нужно было о чем-то со мной переговорить и условиться о ночлеге. Я жил тогда в Вршовицах на углу улиц Коллара и Неруды, квартира выходила во двор и была настолько мала, что у меня не нашлось места, даже тюфяка, чтобы устроить иностран-

ца на ночлег. Поэтому он не смог заночевать у меня...

Через несколько месяцев после прихода русского рано утром перед нашим домом на улице Коллара остановились дрожки, из которых вышла худенькая, просто одетая симпатичная женщина лет тридцати на вид — жена Майера. Немного разговорчивее, чем ее муж, она на вполне приличном немецком языке рассказала, что была с ним в ссылке, потом работала учительницей в доме богатого русского купца, но теперь хочет жить вместе со своим мужем.

В ту пору я жил действительно бедно, так что моя жена не могла предложить иностранке ничего лучшего, чем жиденький кофе и гуляш из конины. Уже несколько дней одна соседка убеждала нас вместо каждодневных постных обедов попробовать приготовить однажды конину, и как раз в тот день мы впервые решились последовать ее совету. Мы опасались, что незнакомая иностранка распознает, чем ее угощают, и с отвращением откажется от еды, но по всему было видно, что она основательно проголодалась, так что ей все понравилось, впрочем, как и нам.

Проехав без остановки весь путь из России, женщина была очень утомлена, поэтому моя жена постелила ей нашу постель, в которой незнакомка поспала несколько часов.

Вечером, когда рабочие как раз возвращались с заводов, я проводил ее на Государственный вокзал,— продолжается рассказ,— откуда она поехала дальше в Мюнхен...

На рождество 1901 года из Мюнхена от госпожи Майер пришла для моей дочки коробка с куколками, звездами и другими елочными украшениями...

Весной или летом 1902 года (дай бог память, что это действительно было в 1902 году) ко мне по рекомендации Майера пришел один молодой русский, который, как я от него узнал, нелегально ехал в

Россию с заданием переправить туда несколько ящиков с брошюрами. Он переночевал у меня две ночи и потом уехал в Краков. Через три дня газеты сообщили, что на русско-галицийской границе был застрелен нигилист, который пытался тайно перевезти на тележке в Россию революционные книги и газеты.

С того времени я потерял связь с Майером, а романтическое знакомство забылось бы, если бы время от времени ко мне не приходили из Швейцарии русские печатные издания, среди которых журнал "Заря", без указания имени отправителя..."

8

Мы сидим с товарищем и размышляем над полученными от Киша сведениями. Все это нужно не спеша усвоить и обдумать, так как они вносят много нового.

– Ничего не скажешь, это подтверждает гипотезу...

– Безусловно, но давай все же подумаем: значит, Модрачек утверждает, что все это произошло **летом 1900 года**, а не весной 1901... Однако потом, когда было опубликовано несколько статей, в которых на основании двух писем, написанных весной 1901 года, утверждалось, что Ленин впервые приезжал в Прагу лишь весной 1901 года, Модрачек стал колебаться. Когда после окончания второй мировой войны его попросили написать воспоминания, то в них он уже указал 1901 год, хотя после этого в скобках все-таки поставил вопросительный знак. Вот почему для нас представляет такой интерес свидетельство Киша – здесь Модрачек еще не путается в датах, на него еще не оказывают влияние другие утверждения, поэтому он без колебаний называет лето 1900 года.

– Но как тогда объяснить те два письма Ленина,

написанные весной 1901 года, одно – матери, другое – П.Б. Аксельроду, в которых он пишет, что находится в Праге.

– Не исключено, что он тогда действительно приезжал сюда. Как раз в то время он хлопотал о паспорте для своей жены, которая собиралась за ним в эмиграцию, а учитывая то, что в течение полугода он в своей переписке умышленно создавал впечатление, что живет в Праге, то и сейчас ему нужно было писать так, что он якобы уезжает из Праги в Вену за паспортом, хотя в Вену он приехал из Мюнхена. Но вполне возможно, что по пути в Вену он и в самом деле останавливался в Праге весной 1901 года. Однако это не был его первый приезд в Прагу, он должен был побывать в ней еще раньше – осенью 1900 года... Это доказывают факты.

– Ну, не так уж их много...

– В самом рассказе Киша их уже два: во-первых, самим Модрачеком установленная дата – лето 1900 года...

– Об этом мы уже говорили.

– ...во-вторых, его упоминание о приезде Крупской в Прагу.

– Не понимаю,– озадаченно перебивает Иржи.

– В статье Киша есть одна фраза, в которой Модрачек говорит: "Через несколько месяцев после прихода русского рано утром перед нашим домом на улице Коллара остановились дрожки".

– А когда Крупская приехала в Прагу?

– Весной 1901 года! Вот и следующее доказательство того, что Ленин впервые приезжал в Прагу осенью 1900 года. Логически рассуждая, можно прийти к следующему выводу: Модрачек утверждает, что между отъездом Мейера-Ленина из Праги и приездом в Прагу Крупской прошло несколько месяцев; однако если бы Ленин был в Праге весной 1901 года, точнее говоря, в марте, то со времени его пребывания до

прнезда Крупской могло пройтн, скорее, несколько дней, а не месяцев. Единственная возможность состонт в том, что Ленин прнезжал в Прагу осенью 1900 года, а Крупская – весной 1901 года, вот тогда действительно между нх посещеннями Прагн прошел значительный отрезок времени – около шестн-семи месяцев.

– Что ж, звучит убедительно. А как насчет других доказательств?

– Самого важного доказательства у Киша нет, да н не могло быть. Когда он писал свою статью в 1930 году, то еще не была нзвестна вся переписка Ленина с его родными. Она была опубликована в Советском Союзе позже, сначала в периодической печатн, а затем, в 1957 году, в 37-м томе Сочинений В.И. Ленина[1], в который вошли не опублнкованные до тех пор письма Ленина интересующего нас периода. Для нас наибольшую ценность представляют два из них: первое от 7 сентября 1900 года н второе от 19 сентября 1900 года. В первом письме Ленин пишет своей матери: "Я уже несколько дней вернулся нз своей поездкн на Рейн. Думаю не долго оставаться здесь – вскоре двинусь, вероятно, куда-нибудь. Куда именно – еще не знаю, напишу, когда это определнтся"[2].

– Это было еще в то время, когда почта шла к нему через Париж?

– Да, н пнсьмо написано якобы нз Парнжа. Из него также явствует, что как раз в это время Ленин задумал переменить свой "транзитный" парижский адрес, так как он считал, что почта из Россин до Мюнхена ндет через Париж слншком долго. И вместе с тем ясно также, что в этот момент, то есть 7 сентября 1900 года, у него еще не было нового "транзитного" адреса! Обратн вннманне на это место в его письме: "...двинусь,

[1] Имеется в виду IV изданне (соответствует 55 тому V нздания).

[2] Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 190.

вероятно, куда-нибудь. Куда именно – еще не знаю, напишу, когда это определится". Значит, он уже решил переменить адрес, но еще не остановил своего выбора на каком-то определенном городе.

Второе письмо представляет для нас решающее значение. Оно тоже адресовано матери и датировано 19 сентября 1900 года, то есть двенадцатью днями позже. В нем Владимир Ильич сообщает, что уже послал сестре Марии адрес[1].

–' Какой адрес?

– Ленин не пишет какой, а лишь обращает внимание матери, что адрес уже послан. В первом письме, отправленном за двенадцать дней до этого, он обещает ей сразу же написать, как только узнает свой новый адрес. И вот теперь он выполняет свое обещание.

– Но нам все-таки не известно, что это за адрес.

– Узнаем и это. Проследим пока, как развивались далее события. 21 сентября сестра пишет ему из России, а так как до этого дня она еще не получила письма Ленина, в котором он писал своей матери 19 сентября, что послал в нем свой новый адрес, то направляет свое письмо еще на Париж, и Ленин получает его со значительным опозданием. Прождав несколько дней подтверждения от сестры, что она получила это важное письмо с новым адресом, он на всякий случай в письме матери от 20 октября 1900 года опять повторяет свой новый адрес. Хотя о судьбе первого письма сестре до сих пор ничего не известно, а о том, что оно существовало, мы знаем лишь по упоминанию о нем в письме матери от 19 сентября 1900 года ("Я *послал уже Маняше адрес*"[2]), о втором мы осведомлены лучше. Оно благополучно дошло до адресата, но затем (вот опять незадача!) было изъято полицией при обыске квартиры в ночь на 1 марта 1901 года.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 191.
[2] Там же.

– А содержание его известно?

– К сожалению, письмо затерялось в полицейском участке, но кое-что о том, что в нем было, все-таки дошло до нас. Полицейский чиновник, которому было поручено это дело, внимательно прочитал письмо и выписал из него одну фразу.

– Ты меня интригуешь...

– Это был адрес, и вот какой: Herrn Franz Modrácèk (для В.И.), Směcky, 27. Prag. Австрия.

– И эта выписка сохранилась?

– Сохранилась. Сейчас она находится в Центральном государственном историческом архиве в Москве, в фонде Московского губернского жандармского управления. Учитывая, что в то время полицию больше всего интересовало местожительство Ленина, из всего письма был выписан именно адрес. Тем самым подтверждается поиск Киша и "при помощи полиции" устанавливается пражский посредник Ленина. Более того, Ленин не был до конца уверен, что его второе письмо с пражским адресом было действительно получено (в начале ноября ему по ошибке прислали чужую посылку), поэтому для верности он в третий раз сообщает сестре свой адрес. Это было в письме от 6 ноября, в котором он вновь указывает: Herrn Franz Modráček, Směcky, 27. Prag. Oesterreich. Австрия. Это письмо полностью сохранилось[1].

Я уже совсем запутался в многочисленных числах и датах.

– Тогда я вкратце подведу итог. 7 сентября 1900 года Ленин пишет, что подыскивает новый адрес и сообщит о нем сразу же, как только найдет; 19 сентября он извещает мать, что уже послал адрес. Следовательно, он нашел его между 7 и 19 сентября. А так как это пражский адрес, то это означает, что именно в эти дни он должен был договориться о нем с Модра-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 193.

чеком. Надеюсь, ты не забыл мое предположение о том, что Ленин, привыкший к осторожности в конспиративной работе, ни за что не доверил бы заключение такой договоренности бумаге и, безусловно, все обсудил устно. Об этом свидетельствует и его фраза в письме от 7 сентября: "Вскоре двинусь, вероятно, куда-нибудь..."

– Следует ли из этого, что Ленин впервые был в Праге между 7 и 19 сентября 1900 года?

– Да.

– В таком случае это соответствовало бы той "ненаучной детали"– кнедликам со сливами. Фельетоны Неруды написаны в сентябре, один из них даже 16 сентября...

– Все это так, но ты сам упираешь на ненаучный характер этой детали. И это правда. Гораздо важнее и убедительнее те два до недавних пор еще неизвестных письма Ленина от сентября 1900 года, которые ограничивают время поисков Лениным своего нового адреса. Им мы верим и на их основе делаем наш вывод.

– А как сложилась судьба Модрачека?

– Давай сходим к нему.

– А что это за человек?

– Был рабочим, затем стал анархистом, участником движения "Омладины". Трудно одной фразой сформулировать его взгляды. В то время когда с ним встретился Ленин, он примыкал к социал-демократам, потом стал представителем правого движения и реформистом...

9

В небольшой комнате возле окна стоит письменный стол, заваленный бумагами, документами и

тетрадями. У стены – громоздкий книжный шкаф со старыми книгами. Мы сидим друг против друга, и Модрачек рассказывает:

– Было это давно, еще задолго до первой мировой войны. Однажды зашел к нам один товарищ, имя его я забыл, но помню, это был поляк, хотя и жил он в Праге. Он передал мне привет от Ленина. Я удивился, так как никакого Ленина не знал, но поляк все твердил свое и даже начал расспрашивать, где я познакомился с Лениным. Я опять ему ответил, что не знаю, о ком он говорит, но он мне, видимо, так и не поверил. Потом я долго ломал себе голову над этим разговором... Через какое-то время из Швейцарии вернулся тогдашний председатель социал-демократической партии Антонин Немец. Там он участвовал в съезде или каком-то заседании и на нем встретился с Лениным, который опять передавал мне привет. Я нахмурился и спрашиваю, не ошибся ли он, но Немец говорит, что нет... Так до самой осени 1917 года я и не знал, кто же такой Ленин. Но когда я в тот год впервые увидел в газетах его фотографию, то все стало ясно. Зову я жену и говорю: "Погляди, вот это и есть Ленин!" Мы оба смотрим на фотографию и смеемся – ведь это, оказывается, наш Майер...

– Так вы знали Майера?– с любопытством спрашиваю я.

– Как же мне его не знать,– отвечает он. – Как-то... постойте, я уж точно и не припомню... не то летом 1900-го, не то весной 1901-го... в общем, пришел ко мне один иностранец, назвался Майером и сказал, что его направили ко мне из редакции "Право лиду" или из партийного секретариата – точно не могу сказать...

– А как он выглядел?

– Не забудьте, молодой человек, что это было более полувека назад. Вот вы через пятьдесят лет будете помнить, что сегодня на вас надето? Не помню,

были у него усы или нет. Выглядел он так примерно лет на тридцать – тридцать пять. Я его ни о чем не спрашивал, а сам он на слова был скуп. Сказал только, что не так давно был в ссылке в Сибири... Ничем особенным он не выделялся. Обыкновенный – не большой, не толстый, скорее невысокий, коренастый. Больше ничего я уже не помню.

– На каком языке вы с ним разговаривали?

– На немецком, я русского не знал. Он говорил хорошо, с каким-то особенным спокойствием и решительностью. Попросил меня раздобыть ему паспорт, но у меня ничего не вышло – мы в Чехии не были так подготовлены к подпольной работе, как в России. Потом он попросил меня о другой услуге, чтобы я время от времени переправлял ему корреспонденцию из России и обратно. Я согласился, так как это соответствовало решению нашей социал-демократической партии – раз там дали ему мой адрес, то, значит, поручили мне оказать ему помощь.

Он хотел, чтобы в Москве думали, что он живет у меня. А на мой пражский адрес из России будут приходить посылки с книгами и письма, которые я должен буду пересылать ему на Запад.

– А откуда вы знали, куда вам нужно было посылать эту корреспонденцию?

– Откуда.. Потом он мне передал адрес, даже два. Один – на имя Карла Лемана, Мюнхен, Габельсбергерштрассе, 20, для господина Майера, а другой – какому-то трактирщику Риттмайеру, опять же в Мюнхене. Мы также условились, что время от времени Майер будет посылать мне свои письма в Россию, которые я должен буду сдавать на почту в Праге, чтобы царская полиция думала, что он действительно живет в Праге.

– Не привлекало ли это внимание жильцов вашего дома – вдруг столько корреспонденции?.. Что говорили ваши соседи?

Ничего не говорили, и это не привлекало ничьего

внимания. Я ведь сначала дал ему свой служебный, а не домашний адрес. В то время я работал в кооперативном издательстве социал-демократической партии, размещавшемся в Смечках, в доме 27, а туда ежедневно приходили сотни посылок, газет, брошюр, так что никого не удивляло, когда изредка среди них оказывалась и почта из Мюнхена. Я думаю, что ему потому и дали мой адрес, что я там работал.

– И он тогда у вас заночевал?

– Нет, к сожалению, в этом я вынужден был отказать – у нас была настолько маленькая квартира, что в ней помещалась лишь одна кровать.

– А кто оплачивал расходы по пересылке почты айера, вы сами или социал-демократическая партия?

– Майер-Ленин мне сказал, чтобы я записывал, сколько все это будет стоить, а затем он оплатит почтовые расходы.

– И как вся ваша договоренность осуществлялась на деле?

– Вскоре из России ко мне начали приходить письма и книги, которые я пересылал в Мюнхен. Это происходило, как правило, раз в две недели. Майер был прилежным человеком и обычно писал своим родным каждую неделю. Запечатанное письмо приходило в большем по размеру конверте, который я разрывал, вынимал оттуда письмо с русским адресом и относил его на почту, обычно во Вршовицах, где мы жили. Потом таким же образом я пересылал пакеты с брошюрами и газетами "Искра" и "Заря". Их мы в издательстве складывали в ящик и отправляли на один адрес в Кракове. Во время встречи с Кишем у меня еще сохранилось несколько почтовых квитанций, но когда в мае 1945 года ко мне пришли красноармейцы и попросили обо всем рассказать, то я передал эти квитанции капитану Филиппову и профессору Сутоцкому для Института марксизма-ленинизма в Москве.

– Постойте, а что за адрес был в Кракове?

– Я уже не помню. Знаю только, что местом назначения был Краков. Так продолжалось какое-то время, и вот однажды нагрянула полиция, конфисковала почту из Мюнхена и начала расследование. Кто мог донести? В полиции мне об этом ничего не сказали... Я сразу же предупредил о случившемся Майера, и с того времени почта из Мюнхена перестала приходить.

– Интересно. Может быть, кто-нибудь из издательства сболтнул лишнее? Не помните, когда это случилось?

– К сожалению, нет...

– Ну а хотя бы примерно, когда началось все это дело с корреспонденцией? Весной или осенью?

– Я ведь уже говорил, что это было очень давно.– В голосе собеседника почувствовались нотки раздражения.

– Вы уж простите меня за такую настырность... – И вдруг меня осенило: – Знаете что, подойдем к этому с другой стороны. Скажите вот что: переписка с Мюнхеном началась еще до вашей встречи с Лениным или же вы стали посредником между Мюнхеном и Россией только после вашей устной договоренности?

– Уважаемый, я же с самого начала толкую вам, что мы обо всем договорились с Лениным устно и что до этого никакой переписки между нами не было. Просто он приехал, уладил все здесь и уехал. Никогда до этого я и не слыхивал ни о каком Майере, и никогда потом я его больше не видел. **Только после его отъезда из Праги начала приходить эта корреспонденция. Вам этого достаточно?**

Достаточно. Загадка разрешена.

10

– Погоди, не торопись так. Кое-что еще не до конца ясно,– отозвался приятель.

– Что еще?

– Хотя бы адреса. Ты веришь тому, что тебе только что рассказали?

– Еще в 1945 году Модрачек писал об этом: "Вскоре после этого я получил от Майера письмо, в котором он сообщил мне этот адрес, куда я должен буду посылать предназначенную для него корреспонденцию и денежные переводы: dr. med. Karl Lehmann, Gabelsbergerstrasse, 20a, II, München, für Mayer. Через несколько недель он мне дал новый адрес: Georg Rittmeyer, München, а улицу я забыл..."

– И что из этого следует? Ведь нечто подобное Модрачек говорил и тебе.

– Да, но только в этой цитате есть важная деталь – второй адрес, то есть адрес Риттмайера, он получил через несколько недель.

Не понимаю, к чему ты клонишь?

– Дело вот в чем: если внимательно присмотреться к переписке Ленина за 1900 год, то мы обнаружим, что с 10 октября 1900 года она адресована на имя К. Лемана. На его адрес письма для Ленина приходили до декабря 1900 года, но потом адрес изменился, и с этого времени корреспонденция стала приходить на имя Риттмайера.

– Это точно соответствует воспоминаниям Модрачека.

– Безусловно, и **это еще одно доказательство, что Ленин должен был впервые приехать в Прагу еще осенью 1900 года, до 10 октября**. И сообщение Модрачека о том, что Ленин тогда старался раздобыть паспорт, правдиво.

– Но только Ленин доставал паспорт для своей жены лишь весной 1901 года. По крайней мере так об этом утверждалось до сих пор...

– Это был второй случай, когда он доставал паспорт.

– А когда же был первый?

– В октябре и ноябре 1900 года Ленину потребовался паспорт для своих товарищей, которые занимались нелегальной доставкой газет и брошюр в Россию. Об этом Ленин пишет в письме В.П. Ногину: "Насчет русского паспорта – дело обстоит хуже. Пока еще нет ничего, и "перспективы" еще очень неопределенны. Может быть, до весны и это наладится"[1]. Не приходится сомневаться, что именно об этом паспорте Ленин просил Модрачека осенью 1900 года.

Иржи на минуту задумывается, потом спрашивает:

– А как обстоит дело с той конфискованной почтой, о которой тебе говорил Модрачек?

– Я проверил это. Сотрудники Музея Ленина в Праге сказали, что действительно в архиве пражской полиции имеется документ, свидетельствующий о том, что в декабре 1901 года были конфискованы два пакета по 35 килограммов с брошюрами "Коммунистического манифеста" и девятым номером ленинской газеты "Искра". Для верности я зашел в Государственный архив и там на самом деле обнаружил этот документ, который оказался телеграммой с финансовым отчетом пражскому полицейскому управлению. На ней стоит дата 10 декабря 1901 года и точное указание времени – 2 часа 15 минут. Больше ничего в ней не говорится, но и это для меня пригодилось.

– И никаких других документов там больше не было?

– Только протокол, но и в нем не было никакой особенной информации. Но вот в самом верхнем углу

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 59.

протокола кто-то в полиции написал два имени. Собственно говоря, это были два адреса. Я их записал...

– Что же это оказалось?

– Это были адреса Алоиза Крацмана, проживавшего по улице Новотного, дом номер 11, и Адольфа Патеры, Гавельская улица, 25. Я пошел по следу. Пражский справочник мне ничем не помог, но один мой знакомый подсказал мне, что некий Патера в свое время был официантом в кафе "Унион", где собирались пражские художники. Об этом якобы пишет в своих воспоминаниях народный художник Йозеф Лада. Я начал искать официанта Патеру...

– А он уже умер, да?

– Не перебивай. Я начал рассуждать так: Крацман и Патера должны были иметь какое-то отношение к конфискации пакетов. Никто просто так, шутки ради, не записал бы их имена на полях протокола. А что, если это были шпики?

– Опять у тебя разыгралась фантазия,– обронил Иржи.

– К сожалению, ты прав. Все оказалось совсем не так. В архиве Праги удалось точно установить, чем занимались оба эти человека. Крацман работал в депозитном управлении и был присяжным судебным экспертом.

– Что за депозитное управление?

– Туда сдавали не доставленную адресату корреспонденцию и тому подобное.

– А Патера?

– С 1891 года он был хранителем библиотеки Чешского музея, а с 1901 года – библиотекарем, одновременно его привлекали в качестве присяжного судебного эксперта. Этим и объясняется, почему кто-то записал их имена на протоколе о конфискованных пакетах. Они потребовались как судебные эксперты литературы – ведь в пакетах были газеты.

– От этого нам не стало легче, и мы ни на шаг не продвинулись вперед.

– В общем-то, да. И все же... Квитанция о конфискации пакетов была выписана на имя Антонина Свецены.

– А это кто?

– В то время он заведовал одним из отделов издательства в Смечках, где работал Модрачек. Эти пакеты были адресованы прямо на издательство, и их получил Свецена. Вообще, как мне кажется, во всем этом деле о посредничестве главную роль играло издательство, куда ежедневно приходило много различной корреспонденции, и поэтому пакеты и письма Ленина не вызывали никакого подозрения. Роль же Модрачека была намного скромнее, чем он об этом говорил. Он выполнял лишь то, что ему поручала партия или его начальники.

– Постой, со Смечками связан еще один вопрос. Ты уже обращал внимание на то, что в Сочинениях Ленина можно найти все его известные на сегодняшний день адреса периода 1894–1922 годов. Кроме того, что там опубликованы и те два важных письма от сентября 1900 года, там же приведено его письмо матери от 2 марта 1901 года, о котором мы уже говорили. И вот в начале этого письма Ленин сообщает свой новый адрес: Herrn Franz Modráček, *Vršovice bei Prag*, № 384, Oesterreich[1]. Обрати внимание, что указаны уже не Смечки, а Вршовице!

Это было действительно интересно. Мы отправились во Вршовице в поисках указанного дома номер 384. Он стоял на углу улиц Коллара и Неруды.

– Ты не забыл, что говорил Модрачек в беседе с Кишем? Будто вся эта история произошла летом 1900 года. И далее: "Я жил тогда во Вршовицах на углу улиц Коллара и Неруды, квартира выходила во двор

[1] **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 55, с. 205.

и была настолько мала, что у меня не нашлось места, даже тюфяка, чтобы устроить иностранца на ночлег..." Однако, судя по письму Ленина матери, Модрачек переехал сюда, в дом номер 384 на углу улиц Коллара и Неруды, лишь весной 1901 года...

Тут где-то концы не сходились с концами.

Поэтому мы зашли в архив и выписали все адреса, по которым проживал Модрачек. Получилась вот какая картина:

с 13 апреля 1900 года по 28 февраля 1901 года – Вршовице, № 312;

с 28 февраля 1901 года по 5 декабря 1901 года – Вршовице, № 384;

с 5 декабря 1901 года по 10 ноября 1908 года – Вршовице, № 368.

Мы сопоставляем эти даты и размышляем. Существует несколько возможных объяснений, к тому же и в архиве нас предупреждали, что указанный день смены местожительства может и не соответствовать действительной дате переезда.

Как же так? – может возникнуть вопрос.

Архивариус объясняет:

– Вполне могло случиться, что Модрачек переехал из дома 312 по улице Палацкого в дом 384 на углу улиц Коллара и Неруды еще летом 1900 года. В то время не так уж точно соблюдались правила о прописке, и регистрация переездов производилась лишь после того, как сам переехавший приходил и заявлял об этом. А это могло произойти и через полгода. Так что получающееся несоответствие можно было бы объяснить следующим образом: Модрачек переехал на новую квартиру еще летом (тогда бы это соответствовало тому, что он говорил Кишу), но заявил об этом позже, как только подвернулась удобная возможность. И в регистрации проставили дату не действительного переселения, а его сообщения об этом.

Существует, однако, и другая возможность. До-

пустим, что регистрация в полиции является точной и что, когда в сентябре 1900 года Модрачек встретился с Лениным, он и в самом деле еще жил в доме № 312. Там была маленькая квартира, и поэтому Владимир Ильич не смог у него переночевать. Тогда же он дал Ленину свой адрес в Смечках, то есть служебный, а не домашний адрес. Рассказывая об этом Кишу, он перепутал адреса, так как в квартиру на углу улиц Коллара и Неруды он переселился несколькими месяцами позже – около 28 февраля 1901 года. Уже сюда, в эту квартиру, приходила жена Ленина Надежда Крупская. После переезда в новую, лучшую квартиру Модрачек весной 1901 года сообщил свой новый адрес Ленину, который сразу же, 2 марта, написал об этом в Россию. С этого момента корреспонденция для Ленина направлялась не в Смечки, а в угловой дом № 384 во Вршовицах.

– Ты говоришь, "после переезда в новую, лучшую квартиру...", но какая существует связь между "лучшей квартирой" и переменой "транзитного" адреса Ленина? Ведь ты сам утверждал, что было удобно посылать почту через Смечки, где находилось издательское кооперативное общество и где корреспонденция легко ускользала от глаз полиции. Почему же тогда после переезда Модрачека Ленин переводит "транзитный" адрес с места его работы на его квартиру?

– Как мне представляется, на это были две причины. Первая состояла в том, что Модрачек узнал о предстоящем в будущем месяце, то есть в апреле 1901 года, переезде издательства с улицы в Смечках на Мысликову улицу. А так как он не знал, каковы будут условия на новом месте, то на всякий случай сообщает Ленину свой домашний адрес.

И вторая причина: зимой 1901 года Крупская решает уехать вслед за мужем в эмиграцию на Запад. Она знала адрес Модрачека в Смечках, куда посылала для Ленина почту. Владимир Ильич понимает, что,

разыскивая его в Праге, она пойдет в издательство, где масса служащих, и если она привлечет к себе внимание, то может оказаться в большой опасности. Намного спокойнее будет, если она остановится на квартире у Модрачека. Поэтому он меняет адрес, и Крупская в поисках Ленина в Праге действительно пришла не в издательство, а во Вршовице. Все случилось так, как и предполагал Ленин.

– То же самое можно было бы сказать и про первую возможность – Модрачек переселился еще летом 1900 года, но зашел в полицейский участок, чтобы заявить об этом, лишь тогда, когда в Прагу должна была приехать жена Ленина и когда потребовалось по соображениям безопасности перевести "транзитный" адрес из Смечек во Вршовице.

– Этого нельзя исключить...

– Вот видишь. Правда, остается уточнить еще три момента. Во-первых, Модрачек утверждает, что когда к нему пришел Киш, то у него еще сохранились почтовые квитанции. А сам Киш пишет что-нибудь об этом?

– Да, в своей статье, написанной в 1930 году, он подробно описывает свою беседу с Модрачеком и, в частности, приводит его слова: "На квитанциях значился адрес: dr. med. Karl Lehmann, München, Gabelsbergerstrasse, 20a, II, für Herrn Mayer. На других квитанциях стояло: Karl Lehmann, München, и Georg Rittmeyer, München. На самой старой была проставлена дата 13 марта 1901 года, и в ней подтверждалось отправление пакетов весом 3 килограмма 300 граммов и 3 килограмма 700 граммов. Все это, однако, еще не доказывало, что моим гостем был именно Ленин. Но тут я нашел подтверждение почтового отделения во Вршовицах об отправке 3 мая 1901 года заказного письма на имя Fray Uljanof, Moskau ..." Вот что рассказывает Киш.

– Прекрасно. А теперь второй вопрос: а что, если Ленин заезжал в Прагу еще раньше, до сентября 1900

года? Нельзя ли допустить, что он договорился с Модрачеком о "транзитном" адресе еще в августе, то есть сразу же по отъезде из Петербурга на Запад? Что, если он уже тогда проезжал через Прагу?

– Нет, такая встреча в августе 1900 года исключена. Об этом, в частности, убедительно пишет в своей монографии Зденек Неедлы, так что я мог бы лишь повторить его доводы. К тому же ты забываешь, что тогда Ленин дал Модрачеку два точных адреса в Мюнхене, но когда он уезжал в конце июля из России, то еще не знал, где обоснуется. И только в Швейцарии он решает, что это будет Мюнхен. Поэтому он не мог быть в Праге до того, пока не побывал в Швейцарии и Мюнхене, где получил адреса своего жительства.

– Да, ты прав,– соглашается Иржи и тут же задает новый вопрос: – Вот что еще не ясно: часто упоминается псевдоним Ленина, при этом Киш и Модрачек говорят "Майер", а ты – "Мейер". Как же правильно?

– Дело тут вот в чем: обычно говорится "Майер", хотя в соответствии с написанием правильно будет "Мейер". По крайней мере сам Ленин в письме от 21 июля 1901 года писал: "Пишите (и посылайте рукописи и все прочее), пожалуйста, *исключительно* по адресу: Herrn Dr. Med. Carl Lehmann. Gabelsbergerstraße 20a/II. München (внутри: *für Meyer*)"[1].

Разве тебе не приходило в голову, что это же, собственно, часть фамилии хозяина, у которого жил Ленин,– Георга Риттмайера?*

Итак, мы постепенно подходим к концу первой части нашего исследования. Несмотря на все затруднения, нам все же удалось установить время на пороге нашего столетия, а именно между 7 и 19 сентября 1900

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 127.

* В русской транскрипции В. И. Ленин писал "Риттмейер" (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 127). Н. К. Крупская писала "Риттмейер" и "Мейер" (см.: Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1972, с. 44).

года, когда Ленин впервые побывал в Праге. Об этом свидетельствуют и письменные документы, в частности, два письма Ленина, и некоторые другие доводы, например то, что между приездами в Прагу Владимира Ильича и Крупской прошло несколько месяцев. Наконец, не последнюю роль играет и утверждение Модрачека о том, что он начал получать корреспонденцию для Мейера лишь после его приезда в Прагу и что оба адреса в Германии он получил не одновременно, а один за другим, а это соответствует тому, как посылалась ленинская почта,– сначала через Лемана, затем через Риттмайера.

Таким образом, сентябрь 1900 года становится той датой, когда Прага впервые принимала у себя Владимира Ильича...

А весна 1901 года?

Весьма возможно, что и тогда Ленин побывал в Праге, однако его первое посещение относится к сентябрю 1900 года.

Через Прагу расходились на восток газеты и брошюры, издаваемые Лениным за границей, через глухую улочку в Смечках в Россию проникала газета со знаменательным названием "Искра". Газета – боевая, революционная, эпиграфом которой были слова: "Из искры возгорится пламя!" Это были слова ответа декабристов поэту Пушкину на его послание, которое он направил им в ссылку в далекую Сибирь. Слова пророческие, ибо из искры возгорелось могучее пламя, испепелившее все старое и прогнившее и очистившее для человечества путь в новую эру.

11

Было обыкновенное лето.

Влтава приобрела какую-то строгую седину, в которую лишь изредка вплетались светлые блики.

Молчаливые рыбаки в утлых лодчонках спокойно оглядывали водную гладь, с узких улочек Старого города веяло теплым воздухом, а размягченный асфальт еще сохранял жар солнца.

Предвечерний покой.

Но вот на Питршине стали появляться светлячки, обозначая пунктиром дорожки, где-то вдали задребезжал трамвай.

Мы в задумчивости стоим на набережной. Наконец я прерываю молчание:

– Что ж, теперь займемся вторым приездом Ленина в Прагу.

– И опять там будут кнедлики со сливами?– ехидно спрашивает Иржи.

– Не язви.

– Ладно. Так что ты хочешь сказать?

– Ведь в 1912 году Ленин снова был здесь...

– Только не начинай опять с хронологических дат. Все они уже приведены в исторических исследованиях.

– С чего же начать? С того, что люди не думали о войне, жили беззаботно и...

– ...грянул 1914 год. Мировая война. Убитые и искалеченные. Миллионы жертв... А почему?

– Потому что жили беззаботно...

– Все?– задает вопрос Иржи.

Я отвечаю, что нет. Именно поэтому необходима эта хронология и необходим этот 1912 год. Он многое объясняет... Хотя началось все несколько раньше. Вам ведь знакома история 1905 года? Бурного года...

В России разразилась революция, громовые раскаты которой отозвались по всей Европе, в том числе и у нас в Чехии. Тогда на защиту своих прав поднялись народные массы. Хотя их демонстрации и заставили трепетать господ, в то время те еще были достаточно сильны, чтобы устоять.

Ветер с востока дул сильно, но его час еще не пришел.

Потом настала пора, когда многие уныло повесили голову, в то время как другие умирали в изгнании и в тюрьмах... Но вечно так продолжаться не могло. И снова появились люди, у которых было достаточно отваги.

В "Истории Коммунистической партии Советского Союза" дается следующая характеристика этого периода:

"Летом 1910 года вспыхнули стачки московских рабочих, придавшие бодрости массам. В конце года в Петербурге, Москве и в других городах произошли политические демонстрации. Начались студенческие сходки и забастовки. В 1911 году брожение в массах продолжало нарастать. Бастовало вдвое больше рабочих, чем в предыдущем году.

...Предвидение большевиками неизбежности революционного подъема подтвердилось. Повсеместно росли недовольство и возмущение народа.

...Рабочие пошли за революционными лозунгами большевиков, найдя в них ясное выражение своего стремления к свободе и лучшей жизни.

...Стачки рабочих, политические демонстрации и митинги, борьба крестьян против помещиков и кулаков, движение демократической молодежи в городах — все это были признаки близости новой революции.

...Завязавшиеся революционные бои остро поставили вопрос об укреплении партии и о новых задачах в руководстве массовым революционным движением.

Формальное объединение большевиков и меньшевиков в рамках единой РСДРП создало своеобразное положение и определило внутриполитические задачи большевиков. Большевики ставили цель отстоять, сохранить партию, очистить ее от оппортунистических элементов. Многого они уже достигли. Почти все нелегальные партийные организации были большевистскими... Ликвидаторы так далеко зашли в измене пролетариату, что партийные массы все яснее созна-

вали необходимость полного разрыва с ними и изгнания их из партии.

Большевики энергично взялись за подготовку партийной конференции".

Она вошла в историю под названием Пражской.

И вот Прага вновь стала местом, куда направил свой путь Владимир Ильич Ленин. И вновь его увидели ее мостовые, дома, мосты, река и небо, парки и набережная, улицы и переулки. Увидели утомленного и похудевшего, но, как всегда, полного энергии. Увидели его лицо с бородкой и зоркими глазами, увидели человека, который способен проникнуть в душу другого и поддержать его в трудную минуту, а если нужно, то и безжалостно разоблачить его, ибо работе революционера чужда сентиментальность.

– Остановись в своем красноречии. Для простого человека более понятными являются конкретные вещи, которые он может себе представить. Ты вот говоришь о Праге, мол, ее мостовые, дома и мосты, река и небо, парки и набережная, улицы и переулки – все они увидели Ленина. Но в этой фразе многое требует уточнения. Ведь любой может спросить: какие мостовые? Какие дома? Какие мосты? Зачем приплел сюда небо? А, улицы и переулки?.. Короче говоря, необходимо, чтобы фраза что-то содержала. И это "что-то"– весьма немаловажная вещь... Например, ты не задавался вопросом, почему так случилось, что именно пражские мостовые и пражские улицы в 1912 году вновь увидели Ленина? Разве не было других европейских городов, более крупных, чем Прага, да и рабочее движение в которых было посильнее?

На этот вопрос можно достаточно точно ответить словами одного из наиболее компетентных в этом деле людей – жены Ленина Н.К. Крупской. В своих "Воспоминаниях" она объясняет, почему для проведения конференции Ленин выбрал именно Прагу. Для этого, по ее словам, было несколько причин.

Прежде всего, это было недалеко от России, граница проходила сравнительно близко. Не последнюю роль играл и "славянский характер" Праги. Нельзя забывать, что значительная часть делегатов не знала никаких иностранных языков, а чешский несравнимо ближе к русскому, чем любой западноевропейский язык. Третий довод в пользу Праги состоял в том, что там не было русской колонии и поэтому в отличие, к примеру, от Парижа царская полиция не держала в Праге своих шпиков. И наконец, Владимир Ильич уже знал Прагу со времени своего приезда в 1900 году, был лично знаком с тогдашним председателем Чехословацкой социал-демократической партии Антонином Немецем, с которым они встречались прежде на заседании Международного социалистического бюро. Все эти доводы, вместе взятые, и определили выбор Праги.

Однако предстояло проделать массу организационной работы и преодолеть немало трудностей. Для обеспечения успеха конференции десятки самоотверженных людей не щадили ни сил, ни времени. Среди них в первую очередь нужно назвать Серго Орджоникидзе.

Еще летом 1911 года Ленин тайно направил его из парижской эмиграции обратно в Россию с целью создания комиссии, которая могла бы организовать выборы делегатов на Пражскую конференцию. Орджоникидзе свое задание выполнил. Во всех крупных городах царской России развернулась подготовка к выборам делегатов, проводился сбор средств на их дорогу до места проведения конференции, обсуждались вопросы, которые должны быть подняты на ее заседаниях. В начале ноября 1911 года один из членов этой комиссии получил от Ленина, находившегося в то время в Париже, письмо с просьбой немедленно выехать в Прагу и организовать на месте все необходимое. Одновременно Владимир Ильич написал письмо и в Прагу.

– Кем был тот человек, который должен был приехать в Прагу?

– В 1926 году вышли интересные воспоминания одного из участников Пражской конференции – О. Пятницкого – "Записки большевика". Автор вспоминает, как он работал в Российской организационной комиссии по созыву конференции и как однажды по просьбе Ленина выехал в Прагу. По приезде на место он явился к Немецу и передал ему письмо Ленина...

– Какое письмо?

– Я же говорил, что Ленин написал в Прагу письмо.

– А вручил его Пятницкий?

– Вот именно. В своей книге он пишет в этой связи: "В начале ноября я получил от Ильича спешное письмо, в котором мне предлагалось немедленно поехать в Прагу и там все приготовить для партконференции. В том же письме была записка к чешскому социал-демократу Немецу от Ильича. Я сейчас же поехал в Прагу. Немец познакомил меня с двумя чешскими социал-демократами..."

– Это письмо Ленина опубликовано?

– Теперь уже да, хотя в течение десятилетий оно оставалось неизвестным. Сегодня мы уже знаем, что Ленин неоднократно писал Немецу, но, кроме этого письма, остальные еще не найдены. Пока не найдены...

– Как это понимать?

– Так, как я говорю. Известно одно письмо, а остальные утеряны.

– И их действительно нельзя разыскать?

– Нет. Это уже пытались делать. Но куда обратиться? Ты можешь сказать: к материалам, оставшимся после смерти Антонина Немеца. Это кажется яснее ясного, но только там ничего нет. Ничего не оказалось и у его зятя, который перед второй мировой войной был бургомистром в Пльзене. Сотрудники пражского Музея Ленина обнаружили там лишь письмо от Горького, и ничего более...

А как же появилось на свет то единственно известное письмо Ленина Немецу?

– Это занятная история. Еще при первой Чехословацкой республике, в 1929 году, какой-то человек, по имени Станислав Клик, представившийся корректором газеты "Право лиду", предложил это письмо советскому посольству в Праге.

– Где он его достал?

Трудно сказать. Знать бы это точно, то можно было бы продолжить поиски. Как будто он был приятелем сына Немеца.

– И посольство купило письмо?

– Нет, сделка не состоялась из-за каких-то валютных осложнений. Поэтому сохранилась лишь фотокопия.

– Так найдем этого Клику!

– Легко сказать. Он умер 18 июня 1942 года. Недавно жена обыскала всю квартиру, но письма не оказалось. Осталась только копия в чешском переводе, так как оригинальный текст был написан по-немецки.

12

"Париж, 1 ноября 1911.

Уважаемый товарищ!

Вы меня очень обяжете, если сможете помочь мне советом и делом в следующем обстоятельстве. Ряд организаций нашей партии намерен собрать конференцию (за границей – конечно). Число членов конференции около 20 25. Не представляется ли возможным организовать эту конференцию в Праге (продолжительностью около одной недели)?

Самым важным для нас является возможность организовать дело *архиконспиративно*. Никто, никакая

организация не должны об этом знать. (Конференция *социал-демократическая*, значит по европейским законам легальная, но большинство делегатов ***не имеют паспортов*** и не могут назвать своего настоящего имени.)

Я очень прошу Вас, уважаемый товарищ, если это только возможно, помочь нам и сообщить мне, по возможности скорее, адрес товарища в Праге, который (в случае положительного ответа) мог бы осуществить практически это дело. Лучше всего было бы, если бы этот товарищ понимал по-русски,– если же это невозможно, мы сговоримся с ним и по-немецки.

Я надеюсь, уважаемый товарищ, Вы простите мне, что я беспокою Вас этой просьбой. Заранее приношу Вам благодарность.

С партийным приветом *Н. Ленин.*
Мой адрес:
VI. Oulianoff
4. Rue Marie Rose, 4.
Paris XIV.[1]

13

Антонин Немец дочитал письмо и на минуту задумался. Затем нерешительно еще раз пробежал глазами текст. Сидя на стуле, Пятницкий терпеливо ждал, осматривая кабинет, который своей добротной обстановкой никак не напоминал о том, что он принадлежит руководителю рабочего движения. Да и сам Антонин Немец не очень-то походил на рабочего деятеля. Пятницкий не сдержал улыбки – сколько тут во всем благополучия... И ему вспомнилась комнатка Ленина в Париже.

[1] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 48, с. 40.

Тем временем человек с письмом в руке поднял глаза на русского и неуверенно кивнул. Затем он иаправил его к двум чешским социал-демократам, которым было поручеио заниматься конференцией. В то время когда Пятницкий писал свою книгу, их имеиа ои уже, к сожалеиию, позабыл.

– А сейчас оии известны?

– Надеюсь, их удастся нам узнать. Только для зтого нужно собрать как можно больше воспоминаний о коифереиции. Не исключено, что где-нибудь и промелькиут их имеиа. Затем иадо будет проверить все полученные сведения и лишь после этого иа осиове достоверных фактов можно будет приняться за розыски.

Итак, мы иачали работу по зтому плану. Сиачала мы виовь зашли в Иистиут журналистики и в библиографическом отделе перечитали все вырезки о Пражской конференции.

После зтого иашим ежедневным приютом стала университетская библиотека, где было тихо и тепло и не беспокоил даже телефои.

– С чего же мы иачнем?– в замешательстве спросил Иржи, увидев перед собой груды журиалов, ожидающих нашего просмотра. – Может быть, с годовых подшивок, в конце дат которых стоит двойка или семерка? Ведь коифереиция проходила зимой 1912 года, а зто зиачит, что 1922 и 1932 годы были юбилейиыми и о ией, возможно, что-иибудь писали.

– А семерка?

– Революция 1917 года!

Звучит резонно, так как в юбилейиых статьях о Великой Октябрьской социалистической революции, опубликованиых в 1927 и 1937 годах, действительио кто-иибудь мог вспомнить и о Пражской коиференции, сыгравшей столь существенную роль в укреплении основ партии.

И вот перед иами подшивки журналов и газет за

1912, 1917, 1922, 1927, 1932 и 1937 годы. Это означало, что нам предстояло перелистать и просмотреть многие сотни страниц.

Но наш терпеливый труд вскоре был вознагражден. В одной из подшивок за 1932 год мы обнаружили статью неизвестного нам Фастена, представлявшую собой запись воспоминаний делегата конференции Воронского, который рассказывал, как в соответствии с инструкциями по приезде в Прагу он вместе с другими делегатами стал разыскивать в редакции "Право лиду" товарища Гавлену, как тот их сердечно приветствовал, заметив при этом, что русских делегатов в Праге узнают по галошам. Они посмеялись и пошли переодеться и переобуться. Потом Гавлена показал им типографию газеты, снабдил чешскими деньгами и разместил по частным квартирам в разных концах Праги. Вечером они пошли в Национальный театр, где в тот день ставили оперу Оффенбаха "Сказки Гофмана". Делегат был утомлен и признается, что его все время клонило ко сну...

— Этот пункт нетрудно проверить, нужно только выяснить, когда давали "Сказки Гофмана".

— Конечно, после чего... переживем первое разочарование.

— С чего бы, разве не сохранились театральные афиши того времени?

— Я не об этом... Репертуар установить довольно просто, достаточно зайти в архив Национального театра и обратиться за помощью к архивариусу. Можно поступить и иначе — возьми тогдашние газеты, пролистай их день за днем и в каждом номере найдешь объявление о том, что играют в театрах.

— При чем же тогда разочарование?

— А вот при чем. Делегат вспоминает, что пошел в театр в тот же вечер, когда и приехал. Установив дату представления "Сказок Гофмана", тем самым мы могли бы установить и дату приезда делегатов в Прагу...

Но вот тут уже обнаруживается небольшая неувязка: в соответствии с архивными данными "Сказки Гофмана" давали в воскресенье 19 ноября 1911 года, следующее представление должно было состояться 12 декабря 1911 года, но в последний момент было отменено и, наконец, эта опера вновь появилась на пражской сцене лишь 31 января 1912 года. Таким образом, у нас в наличии только две возможные даты: воскресенье 19 ноября 1911 года и затем 31 января 1912 года. Но конференция-то началась 18 января 1912 года!.. Разве могли делегаты съехаться уже 18 ноября?

– За два месяца до открытия конференции? Нет, это, пожалуй, рановато...

– Вот именно. Вспомни также и о приведенном ранее письме Ленина Немецу, на котором стоит дата: "Париж, 1 ноября 1911 года". Немец мог его получить самое раннее через три-четыре дня, то есть около 5 ноября. И лишь после того, как он дал согласие, в Праге началась подготовительная работа. А представить себе, что все было сделано за каких-то 14 дней – ведь "Сказки Гофмана", как нам известно, ставили 19 ноября,– практически почти невозможно!

– Но с другой стороны, нельзя же просто так отмахнуться от этого свидетельства. Ведь известно, попади за границей в какой-нибудь театр, на всю жизнь запомнишь, что там играли. Просто это врезается в память намного сильнее, чем то же самое, но у себя дома. Поэтому если делегат утверждает, что был в Праге на "Сказках Гофмана", то ничего не остается...

– ...да, ничего не остается, как только иметь в виду то представление, которое состоялось 31 января 1912 года. Конференция закончилась 30 января 1912 года, на следующий день делегаты были свободны, и вполне возможно, что они пошли в театр. За долгие годы, прошедшие с тех пор, воспоминание Воронского об опере Оффенбаха стало подсознательно связываться с какой-то поездкой. Поэтому когда он рассказывал о

происшедшем, то связал это с приездом, хотя на самом деле это произошло при его отъезде...

Фастен далее пишет, что делегаты использовали свое свободное время для посещения пражских памятных мест и музеев и что в связи с этим Серго Орджоникидзе порой взрывался от негодования за проявляемую ими неосторожность. Но ведь вокруг было столько интересного!

Через несколько дней, как он пишет, пришел Серго и заявил: "Ленин приехал и сердится!"

За что?

Оказалось, что Ленин упрекал делегатов, приехавших в Прагу до него, за то, что без согласования они пригласили на конференцию и некоторых оппортунистов.

...А потом дни замелькали один за другим, конференция вошла в нормальное русло, своим чередом шли дискуссии. Владимир Ильич поселился с одним из делегатов. Обедали в ресторане на первом этаже того же дома, где проходила конференция. Случалось, что делегатам не хватало хлеба, тогда его покупали в соседней булочной. Ленин обычно садился на одно и то же место и читал газету. Нередко делегаты группой провожали Ленина до гостиницы, где он остановился. Однажды он пришел крайне взволнованный – при выходе из гостиницы его пытался кто-то сфотографировать. Кто это был? С какой целью?

Содействие в выяснении этого дела как будто оказали чешские социал-демократы...

Конференция продолжалась ежедневно с утра до позднего вечера. К закрытию был организован прощальный вечер...

Вот и все, что нам удалось узнать из рассказа делегата конференции. Когда мы размышляли над ним, то отдавали себе отчет в том, что многие данные могут быть неточными и неполными – приходилось считаться с тем, что воспоминания отдельных людей

не могут претендовать на достоверность исторического документа. И все же мы узнали о некоторых новых вещах: имя чешского социал-демократа Гавлены, который заботился о русских; как был организован прием делегатов; то, что какое-то время Ленин жил вместе с одним из делегатов, и, наконец, такое важное обстоятельство, что Ленин остановился не в той же самой гостинице, где проживали остальные делегаты.

– Но ведь об этом в статье ничего не говорится.

– А ты вспомни, что там сказано: "...нередко делегаты группой провожали Ленина до гостиницы, где он остановился..." Если бы он жил вместе с ними, то им не надо было бы его провожать.

Хотя эта статья Фастена, написанная со слов Воронского (достоверность которой, кстати, мы не могли проверить), и давала нам новые сведения, было ясно, что нужно было продолжать поиски других письменных воспоминаний об этом событии. Мы понимали, что, только собрав как можно больше материалов: рассказов очевидцев, статей и различных других документов,– мы сможем путем их сопоставления достигнуть определенных результатов, напасть на новые следы и только потом уже сделать заключения.

Но это, естественно, дело далекого будущего.

А пока нам суждено опять терпеливо высиживать десятки часов в читальном зале университетской библиотеки, перелистывать кипы журналов и газет в поисках хотя бы самой незначительной информации. Нередко после безрезультатного копания в годовых подшивках падало настроение, начинали одолевать сомнения и скепсис. А иной раз, когда мы находили что-нибудь полезное, то нам уже казалось, что раскрыть всю систему организации конференции – пустяковое дело и мы добьемся своего уже на будущей неделе.

Однажды, когда уже стало вечереть и в читальне только начинали зажигать лампы, мы натолкнулись в

"Право лиду" от 18 декабря 1917 года на статью редактора этой газеты Эмануэля Шкатулы. Из нее явствовало, что Шкатула, который хорошо говорил по-русски, был наряду с Гавленой тем самым вторым чешским социал-демократом, к которому Немец послал Пятницкого за помощью в организации конференции.

В статье, точность которой, правда, вызывает некоторые сомнения, писалось:

"Бурные события в России и личности, возвеличенные великой революционной эпохой, пробуждают многие воспоминания. В памяти, уже несколько затуманенной дымкой времени, предстают те, кому судьба поручила сыграть одну из грандиознейших и ответственнейших ролей. Многие из этих людей бывали у нас, были нашими гостями, мы же ходили рядом с ними, разговаривали, совсем не подозревая того, какая им уготована будущность. Да что там говорить. Прага принимала съезд, решения которого постепенно соткали ткань последующих революционных событий. Этому съезду и этим личностям посвящаются мои воспоминания".

Рассмотрев различные доводы, почему именно Прага была выбрана местом проведения столь важной конференции, автор далее пишет:

"На этот съезд 1912 года поодиночке съезжались делегаты с запада и востока... Последним приходилось преодолевать неимоверные трудности, так как в глазах царских властей участие в съезде за границей было государственной изменой, которая каралась смертной казнью или пожизненной ссылкой в Сибирь. Я слышал, что многие русские делегаты так и не смогли перебраться через границу. Что с ними сталось? Не удивительно, что при таких обстоятельствах предпринимались меры особой осторожности. Удостоверения и мандаты на съезд, написанные на куске тонкого шелка, вшивались в подкладки пиджаков. Вспоминаю одного

делегата с Кавказа, простого рабочего с умными глазами, который приехал в диковинной, бросающейся в глаза лохматой папахе и в столь же необычном одеянии. Чтобы не слишком выделяться и не привлекать к себе внимания, мы сразу же отвели его в магазин Странского. Многих из русских гостей, скромных и замкнутых, безусловно, помнит приветливый хозяин ресторана Б., который тогда охотно помогал не только любезным советом, но и материально. Прошло несколько недель, пока собрался весь состав съезда. Делегаты съезжались по одному, чтобы не привлекать внимания, да и в пути они сталкивались с неожиданными препятствиями. Те, кому была поручена организация, делали все, чтобы съезд русских товарищей протекал спокойно. Организационные и жилищные заботы пали главным образом на товарища Г. Это была немалая и нелегкая работа. Г. доставал делегатам, некоторые из которых едва знали несколько немецких слов, все, что им было необходимо...

Ему лучше, чем кому-либо другому, известно, сколь откровенно груба ложь, которую недавно опубликовала одна словинская газета и которая затем была повторена и чешской буржуазной печатью, будто русские делегаты предавались здесь кутежам. Бедняги озабоченно пересчитывали свои "деньги", по десятку раз перекладывали из ладони в ладонь каждый крейцер, прежде чем решиться истратить его, а наше плльзеньское пиво (тогда еще по 24 геллера за пол-литра) отпивали небольшими глотками, как пьют вино.

Русский съезд в Праге проходил тайно, о нем не должны были знать даже наши власти, которые, разумеется, не преминули бы поспешно доложить о нем венскому правительству, а те в свою очередь поставить в известность русское посольство с его сыскным аппаратом. Только через несколько месяцев в социалистических газетах Европы, а также и в "Право лиду" появилась принятая на съезде резолюция. Но даже

тогда не упоминалось, где проходил съезд. На нем речь шла о вопросах организации и тактики, и одним из них был вопрос о большевистской и меньшевистской линиях борьбы.

По вечерам и в свободные минуты русские гуляли по Праге, которая им очень нравилась. Обычно их сопровождал кто-нибудь из местных товарищей. Насколько красноречивыми они были на конференции, настолько же замкнутыми становились с чужими. Но все производили впечатление людей решительных и прямых.

Вспоминаю Ленина, человека среднего роста, довольно широкоплечего, с выступающими скулами... Он казался подвижным, неутомимым, напористым. Голос у него был сильный и звучный, но какой-то чуть-чуть приглушенный. Воплощение энергии, прирожденный организатор, человек глубоко образованный. Хозяин одной из гостиниц на окраине города, номер в которой стоил 1 крону 60 геллеров в сутки, вряд ли догадывается, что тот, кто у него провел несколько ночей, зарегистрировавшись как австрийский гражданин Майер, является не кем иным, как нынешним председателем Совета Народных Комиссаров России.

Разъехались эти гости так же незаметно, как и приехали. Друг друга они знали по вымышленным именам и вряд ли догадывались, кто куда возвращается. И вместе с тем они составляли партию, чья система руководства и организации оказалась столь надежной в революционной борьбе".

Свидетельство Шкатулы, безусловно, представляет ценность. С одной стороны, мы здесь нашли подтверждение о первом из чешских организаторов конференции, с другой — в этой статье оказалось много новых сведений, которые следует взять на заметку и при случае проверить, если это вообще возможно. Кто знает, например, как разыскать того хозяина ресторана Б., о котором с симпатией вспоминает Шкатула? Как

нам уже известно из рассказа Воронского, товарищ Г., заботившийся о размещении делегатов,– это Яхим Гавлена, но где искать ту гостиницу, в которой жил Ленин, и где номер стоил в сутки по тогдашним ценам 1 крону 60 геллеров? Интересно и упоминание о том, что русские гуляли по Праге с чешскими провожатыми, только как сейчас разыщешь этих товарищей?

Не так уж сложно было проверить ссылку на большевистскую резолюцию, которая, по словам Шкатулы, была опубликована в газете "Право лиду". Мы вновь берем подшивку, перелистываем ее и в субботнем номере от 16 марта 1912 года, то есть через три недели после окончания конференции*, действительно находим статью под названием "Всероссийская конференция Российской социал-демократической рабочей партии". Она начиналась словами: "В прошлом месяце состоялась конференция РСДРП..." Во всей статье, посвященной программе ленинцев, не было, разумеется, и намека на то, что конференция происходила в Праге. Говорилось о современном положении, о тактике, которой будет придерживаться большевистская партия на выборах, провозглашались лозунги... До сих пор остается загадкой, как эту статью пропустила полицейская цензура.

Опубликование этой программы в чешской газете имело историческое значение: тем самым публично провозглашалась программа большевистской партии. В то время как в России приходилось распространять брошюру с программой нелегально, Чехия стала первой страной во всем мире, где через периодическую печать с ней были ознакомлены самые широкие рабочие массы.

– А каким образом эта резолюция попала в редакцию "Право лиду"?

* Здесь, по-видимому, в книге опечатка и имеется в виду газета от 16 февраля 1912 года, так как Пражская конференция закончилась 30 января 1912 года.

– Об этом опять же пишет Шкатула, но в другой статье, напечатанной в журнале "Дельницка освета". Вначале он вспоминает о прощальной вечеринке после окончания конференции:

"Около шести вечера мы, несколько человек, собрались в небольшой пивной, куда можно было попасть прямо из проезда, ведущего в сад Народного дома. Здесь был также и Ленин. Это был коренастый человек в простом коричневом костюме и приплюснутой кепке. Лицо живое, выразительное... Говорил и жестикулировал темпераментно. Сразу же бросались в глаза его стремительность и энергия – качества, как бы являвшиеся следствием его крепкого телосложения. Тут мы просидели около часа, а затем перебрались в столовую Народного дома. Столы были расставлены двумя длинными рядами. Официанты опустили жалюзи и закрыли деревянные ставни на окнах, выходящих на Гибернскую улицу. Примерно к 8 часам вечера за столом уже сидели все делегаты, начался ужин, а затем официальные выступления. Говорил и Ленин, который благодарил за гостеприимство, после чего пришлось выступить по-русски и мне..."

Далее Шкатула рассказывает, как вскоре после конференции получил из Франции брошюру с резолюцией, на которой стоял автограф "V.I. Uljanoff". Эту брошюру –"Всероссийская конференция РСДРП",– изданную ЦК большевистской партии в Париже, делегаты получили еще до своего отъезда в Россию, когда они остановились на несколько дней в Лейпциге. Как известно, Ленин сразу же после конференции уехал через Лейпциг в Париж, чтобы срочным образом организовать там опубликование всех ее итоговых документов. Сжатое изложение основных положений этой брошюры, полученной Шкатулой от Ленина, и появилось в "Право лиду".

Тем самым прояснился вопрос, каким образом большевистская программа попала в чешскую газету.

Впрочем, в ту пору "Право лиду" вообще была хорошо информирована о русских делах. За время конференции редакция получила от делегатов весьма обширную информацию. Например, в вечернем выпуске "Право лиду" от 16 января 1912 года появилась статья под названием "Из русских ужасов", начинавшаяся словами: "Печален рассказ одного русского товарища, ставшего свидетелем ужасов царизма и его бесчинств против социал-демократических депутатов..." А 18 января 1912 года в "Право лиду" была напечатана статья "Русский участник о работе Копенгагенского съезда, направленного против Плеханова..."

Таким образом, свидетельство Шкатулы – пусть кое в чем и проблематичное и не совсем точное – предоставило достаточно пищи для размышлений.

После этого вновь потянулись дни дальнейших поисков. С того момента, как мы заинтересовались этой проблемой, прошло более месяца, и в папке с надписью "Ленин в Праге" заметно прибавилось выписок, конспектов различных статей и листков с разрозненными сведениями. Я жил в состоянии особого напряжения, каждую свободную минуту садясь к пыльным фолиантам, склоняя голову над старыми статьями и сообщениями,– и так день за днем по замкнутому кругу. "Терпение, и еще раз терпение",– вдалбливал я эти слова в непослушную голову, жаждущую поразительных открытий и сенсаций. Болели глаза от просмотренных газетных подшивок, количество которых на столе передо мной все же заметно и неуклонно уменьшалось. И вот однажды совсем неожиданно в глазах появился радостный блеск. Читаю раз, и два и убеждаюсь, что статья действительно называется "Ленин в Праге". Сразу же смотрю дату: "Право лиду" от 1 июля 1917 года... Подзаголовок статьи, достоверность которой опять же нелегко проверить, раскрывал ее основное содержание: "Воспоминания из довоенного времени" Охватывает

необыкновенное возбуждение, от волнения буквы беспорядочно скачут перед глазами, не желая выстраиваться в строки. Наконец я успокаиваюсь и начинаю читать...

14

"Теперь, видимо, я уже могу открыть тайну, которую нужно было сохранять до тех пор, пока в России не настали новые времена...

Нет необходимости точно указывать дату, когда все это произошло, короче говоря, было это в период между поражением русской революции 1905 года и началом мировой войны.Тогда несколько недель в Праге находился русский революционер, стоящий сейчас во главе левого крыла русского революционного движения. И был он тут не один, а с целой дружиной своих сподвижников – делегатов нелегальных революционно-социалистических организаций со всех концов России: из Петербурга, с Кавказа, даже с Урала,– которые тайно собрались здесь, преодолев невероятные трудности, лишения и бесчисленные опасности. Многие из них, так и не успев перейти границу, попали в руки царской полиции и были брошены в тюрьму. Это было еще во времена самодержавного правления нынешнего гвардии полковника Романова, арестованного русскими рабочими и солдатами за измену родине. Из некоторых организаций сюда добрался лишь третий или четвертый делегат, посланный вместо тех, кто был схвачен в пути на конференцию. В этих условиях не было удивительно, что прошли целые недели, прежде чем собрался достаточно представительный состав участников конференции, позволивший начать заседания.

Когда в Прагу уже приехала часть делегатов, откуда ни возьмись появился Ленин. Молодой крепкий мужчина с русой бородкой, лысый, со следами тюрьмы и лишений на бледном лице и взглядом, выражавшим твердую решимость и несокрушимую волю, силу характера и, я бы сказал, определенную долю фанатической увлеченности великой целью. Он был как бы отцом для всех оказавшихся здесь рабочих и студентов, чувствовавших себя безотрадными на чужбине, особенно потому, что, кроме своего родного языка, многие из них не знали ни одного иностранного слова...

Смешной эпизод вписал в историю тех дней один наш товарищ с Жижкова, которому было поручено выяснить личность подозрительного гражданина, прохаживавшегося около здания, где заседала конференция. Русские товарищи высказали подозрение, что это — русский шпик, что казалось правдоподобным, потому что любой пражанин с первого взгляда узнал бы в нем иностранца. И вот наш жижковец придумал прямо-таки блестящий способ проверки этого человека — официально, при помощи полиции. Он просто-напросто остановил иностранца на улице и обвинил его в том, что вчера в кафе тот украл у него пальто. Бедняга стал клясться, что он в Праге первый день, что это ошибка, он показывал документы на имя коммерсанта из Бухареста, убеждал, что ждет здесь агента из бюро путешествий,— ничего не помогало. Нашему Шерлоку этого было недостаточно, и он потащил подозреваемого в полицию, где заставил убедить себя, что этот господин действительно не мог унести из кафе чужое пальто, а главное, что он вне всяких "политических подозрений" и из-за него ленинская конференция может не бить тревогу. Разумеется, после этого он с неподдельной искренностью и с выражением глубочайшего сожаления просил прощения у невинно пострадавшего. Добряк успокоился. Знал бы только он, в чем его на самом деле заподозрили!

Это был единственный случай, вызвавший беспокойство у участников ленинской конференции. В основном же она проходила без каких-либо эксцессов до самого конца. Находясь в хорошем настроении и полагая, что уже ничего плохого не может произойти, ленинцы согласились на дружескую встречу с некоторыми пражскими товарищами в Народном доме. Но на всякий случай мы все же заказали маленький отдельный кабинет, где сидели в страшной тесноте, буквально один на другом, как заговорщики в подземелье. К тому же говорить приходилось тихо, так как в соседнем помещении проходило какое-то профсоюзное собрание и после каждого нашего "За здоровье!" оттуда приходили утихомиривать нас, удивляясь, что это тут за таинственное сборище. И лишь когда над Прагой опустилась ночь и ресторан опустел, мы перешли в более просторное помещение, и только тогда по-настоящему началась товарищеская вечеринка. Русская речь перемежалась чешской, немецкой, польской и французской. Потом мы пели революционные песни разных народов...

Лица людей светились удовлетворением, радуясь неожиданному полному успеху конференции. Принятых на конференции резолюций оказалась целая книга, многие из этих пражских решений, несомненно, составляют для ленинцев основу их нынешней работы в возрожденной России.

Уже близилось утро, когда Ленин встал и предложил делегатам расходиться. Как по команде, все поднялись и через пять минут растворились во тьме пражских улиц. И с того момента они словно сквозь землю провалились, бесследно исчезли из Праги, вернувшись к своим заводам и студенческим кружкам. После этого я еще раз видел Ленина на Съезде социал-демократической партии Германии в Хемнице, где у него оказалось много знакомых среди немецких социал-демократических теоретиков и журналистов.

А затем, после свержения русской деспотии, он появился на горизонте со своей пламенной программой социалистической революции, вернулся на родину, чтобы вместе с соратниками завершить дело своей жизни. Возможно, теперь на совещаниях ленинцев часто звучат слова "пражская программа", "пражская резолюция", "Пражская конференция", хотя вряд ли сейчас там много говорят о Праге, разве что в связи с тем, что в этом большом чешском городе также живет социалистическое движение".

15

Мы поражены. Автор этой статьи должен был очен много знать, почти все...

– Кто же это написал?– восклицает Иржи.

– Знать бы это... Под статьей стоят лишь инициалы J.S.,– разочарованно отвечаю.

Да, одни лишь инициалы, за которыми могут скрываться имена стольких людей... Йозеф, Ярослав, Иржи, Ян все это самые распространенные имена, которые, как назло, начинаются с буквы J*. А что касается фамилий на S, то их тысячи...

Положение выглядело не очень-то обнадеживающим. Как разыскать человека с такими инициалами, который, что самое интересное, несмотря на то что был информирован так хорошо, как мало кто другой, написал на эту тему всего лишь одну-единственную статью? Других его статей по крайней мере нам обнаружить не удалось. Почему позднее, во времена первой

* На чешском языке эти имена соответственно пишутся: Josef, Jaroslav, Jiři, Jan.

республики*, он ничего не написал более подробно о тех же событиях?

Стоп! А может быть, в этом направлении искать след?.. Что, если это означает, что уже потом, в период первой республики, этот человек перестал симпатизировать Ленину и большевикам и постарался "тактично" умолчать о своем участии в организации Пражской конференции? Короче говоря, после раскола в социал-демократии, когда была создана самостоятельная Коммунистическая партия Чехословакии, он не примкнул к "левице", а пошел вправо?..

Может быть... Мы вновь принялись просматривать подшивку "Право лиду" за 1917 год и через несколько номеров обнаружили новую статью, опять же подписанную J.S. На сей раз автор писал не о Ленине, а о том, что он видел на русском фронте, где недавно побывал.

Вот тут можно попытаться расшифровать инициалы. Нужно только узнать, кто из чешских социал-демократических журналистов пробыл какое-то время на Восточном фронте. И кто из тогдашних партийных функционеров или журналистов имел такие инициалы.

Слишком много вопросов сразу. Начнем, пожалуй, со второго...

Когда еще до этого мы обнаружили в "Право лиду" статью Шкатулы, то и там тоже не было приведено полное имя автора, а лишь инициалы E.Š. Однако их расшифровка не представляла трудности, потому что во всей редакции лишь у Эмануэля Шкатулы были такие начальные буквы имени и фамилии. Но сейчас мы оказались в худшем положении – три известные в то время личности могли скрываться за этими загадочными буквами: Ян Скала, Йозеф Скалак, Йозеф Стивин.

* Речь идет о первой буржуазной Чехословацкой республике, образованной в 1918 году после распада Австро-Венгерской монархии.

Который из них?

Иржи прежде всего направился к Йозефу Скалаку, бывшему издателю газеты "Право лиду". Тот повспоминал о минувших событиях, о которых много знал, но авторство статьи категорически отверг.

После этого я посетил Яна Скалу. Сидя в редакционном архиве, он не спеша говорил:

– Немало лет прошло с тех пор, и многое со временем забылось... Кое-что из того, что произошло перед первой мировой войной, еще припоминаю, но как-то смутно, туманно. Прямого участия в организации конференции я не принимал, хотя и знаю некоторые подробности. Но вряд ли вы за этим пришли... Помню вот, как однажды днем Ленин вышел прогуляться по Карлову мосту, его сопровождал Теодор Шмераль, тот, который переводил на чешский "Капитал" Маркса, и Богумир Шмераль, ставший потом одним из основателей Коммунистической партии Чехословакии. Они пошли куда-то на Малу Страну, где размещался партийный секретариат...

В то время я был главным редактором вечернего издания "Право лиду" и помню, как нашей редакции даже пришлось освободить для конференции кое-какие помещения в Народном доме. Но что касается Восточного фронта, то там я не был, и эту статью, что вы мне показываете, я определенно не писал.

Итак, двое не в счет, оставался последний – Йозеф Стивин. А что, если и это не он? Когда-то он был одним из ведущих редакторов "Право лиду" и его даже хорошо знала писательница Мария Майерова.

Мы решили наведаться к ней. Небольшая вилла утопала в зелени клумб и деревьев, все навевало душевное спокойствие, мир и покой, небо казалось близким, а город – далеким.

Но народной писательницы не оказалось дома.

16

– Ваш визит для меня неожиданность,– не скрывал своего удивления Карел Крейбих. И добавил с улыбкой: – Я уже привык к тому, что сюда ко мне мало кто заглядывает.

У него были великолепные борода и усы, казалось, что именно такие я видел на портретах Карла Маркса. Густые, белые... Лицо у Крейбиха живое, полное заинтересованности.

– И что же вас сюда привело? Хотите расспросить меня о Ленине? Боюсь, я вас разочарую, ничего особенного я не знаю... Правда, я с ним беседовал несколько раз, но это было уже позднее, после первой мировой войны. До этого же, в частности на Пражской конференции 1912 года, я с ним не встречался. Тогда я жил в Либерецкой области и работал, как вы, вероятно, знаете, в социал-демократической партии Германии, а потом – в немецкой "левице". Что касается Пражской конференции, то в ее подготовке я не участвовал и на ней не присутствовал. Этим занимались чешские социал-демократы.

Но эта статья действительно интересная. Правда, трудно определить, кто ее написал. Как я уже говорил, я жил в Либерецкой области и в то время в Праге не был. Мое внимание здесь привлекла одна вещь. Я имею в виду то место, где автор пишет: "После этого я еще раз видел Ленина на съезде социал-демократической партии Германии в Хемнице, где у него оказалось много знакомых среди немецких социал-демократических теоретиков и журналистов..." Это значит, что на съезде присутствовал и Ленин. Кто же из чешских журналистов ездил на съезды немецких социал-демократов? Этого нельзя сказать точно. То один, то другой... Съезды обычно проходили осенью и почти ежегодно.

Статья написана в 1917 году, Пражская конференция была зимой 1912 года, значит, этот съезд должен был состояться где-то между этими датами.

Извините, что больше ничем не могу вам помочь, я и в самом деле больше ничего не знаю...

17

Высокого роста старик, опять же с бородой и усами. Глаза когда-то были как буравчики, но и сейчас еще могут уколоть. Волоча ноги, он вышел из сада, предложил мне войти в дом.

Усевшись в кресло, испытующе осматривает меня. Я показываю статью и задаю первый вопрос.

Он удивленно отвечает:

– Откуда же мне знать этого автора? Это ведь чешская газета, а я русский.

– Да, но вы же общались с теми людьми, которые были хорошо информированы о конференции.

– Откуда вам это известно?

– Слышал...

– От кого?

– Мне об этом говорил профессор университета доктор Флоровский.

На минуту старик успокаивается, но затем начинает фехтовать указательным пальцем перед моим лицом и как выкрикнет:

– А мою статью вы знаете?

Теперь уже я обескуражен и отрицательно качаю головой, а он самодовольно улыбается. Оказывается, что когда-то он, С.П. Постников, неоднократно схватывался в полемике с Лениным.

– О чем эта статья?

– О Пражской конференции. – Он выжидательно

смотрит, что я скажу. На губах играет удовлетвореиная ухмылка.

– Когда оиа вышла?

– В 1932 году.

Я припоминаю, что с зтого года у меня есть лишь выписки из пересказа Фастена.

– Как будто у меня ее иет,– нерешительио говорю я.

– Я написал ее под псевдонимом. Вы знаете иемецкий?

– А что?

– Как будет по-немецки "пост"?

Я с натугой вспоминаю.

– Или как будет по-немецки "поститься"?– зкзаменует меня старик, а я краснею.

Он смакует свою победу.

– Ведь "пост"– зто "das Fasten" а "fasten" озиачает "поститься". – Ои замолкает, потом коротко бросает:– Моя фамилия Постииков.

И вдруг до меия доходит, что вместо автора статьи, подписанной J.S., я нашел того, кто записал воспомииания делегата Воронского,– Фастена.

– В зтом случае я читал вашу статью,– с улыбкой отзываюсь я.

Старик удивлен. По всему видно, что он мне не верит, поэтому я вытаскиваю из папки различные записи, а также карточку за 1932 год с выписками из его статьи.

– Что бы вы еще могли добавить к зтой статье?

Он в замешательстве закрывает ладонью лицо, видимо вспоминая. Я даю ему время подумать, и мы оба молчим. Через несколько минут он поднимает глаза, теперь полные грусти, руки у иего трясутся, и я вдруг остро осознаю, что такое старость.

– Извините,– произносит ои тихо,– но я уже иичего не могу вспомнить. Все, что я знал, иаписал тогда в той статье...

18

— У телефона Мария Майерова... Извините, товарищ, меня не было дома, и только сейчас я обнаружила вашу записку, поэтому сразу звоню, чтобы хотя бы по телефону рассказать о том, что знаю... Да, я представляю, о чем идет речь,— вы разыскиваете и проверяете материалы о Пражской конференции и об участии Ленина... Только я не очень-то много знаю. Стивин действительно был посвящен в дела конференции, но в то время он об этом не говорил... Что делал мой отец? Тогда он был привратником в Народном доме, где проходила конференция, и он-то определенно кое-что знал, но его уже давно нет в живых... Где жил Ленин? Да, это важно, но только у нас никто из делегатов не останавливался. Это было не так просто. Мы были активными политическими деятелями и постоянно находились под наблюдением полиции. Я убеждена, что Гавлена и Шкатула разместили их у менее известных партийных работников, которые не были так на виду у властей... Да, конечно, в интересах их безопасности... Я знала тогда, что что-то важное происходит, но о Ленине мне Стивин рассказал уже позднее... Кто еще занимался этим? Про Шкатулу я вам уже сказала, это был такой вечный молодежный активист. Очень работящий и добросовестный... Исколесил почти весь свет, знал несколько языков, был даже в Персии и Бирме, откуда привез мне однажды шаль... Не забудьте еще про Вацлава Вацека — бывшего приматора Праги, он тоже должен кое-что знать... Но в общем, понимаете ли, слишком много очевидцев уже умерли...

Ах, статья? Да, прочитала ее, спасибо, что оставили. Мне кажется, это статья Йозефа Стивина. Мы с ним вместе жили, и я его хорошо знала. На каком фронте был во время войны? Постойте... на русском, ну да,

конечно, на русском. Я еще помню, как однажды даже приезжала к нему. В город Радом...

Если вам еще что-нибудь понадобится, то напишите, а то и заходите. Я люблю вспоминать эти годы – жили мы в нужде, но это не портило нам настроения. Нет-нет, вы меня ничем не побеспокоили... До свидания.

19

Воскресенье. Под окнами прогуливаются люди, издалека доносятся звуки пущенного на полную громкость радио.

Вчера мы дополнительно узнали, что статья о Ленине в Праге, опубликованная в "Право лиду" 1 июля 1917 года, была также напечатана в чешской красноармейской газете в Москве, но и это, разумеется, ничем не помогло нам в поисках автора.

– Нам нужно сопоставить и проанализировать имеющиеся факты,– говорю я. – Скалу и Скалака вычеркиваем из списка, поскольку они не были на Восточном фронте, тогда как автор статьи был, и, кроме того, они сами отрицают авторство. Остается предположить, что статью написал Йозеф Стивин. Что эа это говорит? Прежде всего свидетельство Марии Майеровой, которая сама считает, что, судя по стилю, статья могла быть написана Стивином.

– Это еще не доказательство.

– Есть и другие доводы. Во-первых, Стивин был на Восточном фронте, и еще одна вещь... В старых подшивках "Право лиду" я нашел дату, когда проходил съезд в Хемнице, нынешнем Карл-Маркс-Штадте, на котором должны были присутствовать Ленин и автор статьи. Это было в 1912 году, с 16 по 21 сентября. "Право лиду" послало на съезд своего специаль-

ного корреспондента, которым был, как это явствует из статьи, тот самый J.S. А поскольку известно, что в "Право лиду" был единственный литсотрудник с такими инициалами – ныне уже покойный Йозеф Стивин,– то тем самым установлено и авторство статьи.

– Постой, а не могли туда поехать Скала или Скалак?

– Нет, они не были литсотрудниками "Право лиду". Скалак был издателем, а Скала в то время работал в "Вечернике". И еще одно обстоятельство подтверждает этот вывод: в июле 1917 года Стивин еще с гордостью заявляет, что встречался с Лениным в Праге, но затем происходит раскол в чешском социал-демократическом движении и, когда в 1921 году создается Коммунистическая партия, то есть партия, стремящаяся применить ленинское учение к условиям нашей страны, Стивин остается на позициях социал-демократии и вскоре становится прямо-таки фанатическим противником большевизма... К тому времени с ним уже расходятся Мария Майерова и другие честные рабочие деятели, придерживавшиеся левых взглядов. Теперь он предпочитал помалкивать о Ленине и уже больше никогда не считал для себя честью, что помогал в подготовке большевистской конференции в Праге, а, напротив, старался, чтобы это забылось и чтобы его новые хозяева – буржуа – знали об этом как можно меньше...

– Вроде бы все похоже на правду,– соглашается Иржи. – Впрочем, гораздо важнее то, что, собственно, нового дает эта статья.

– Не так уж мало. Помимо забавной истории о том, как чешский рабочий выяснил личность "подозрительного" иностранца, в ней подтверждается, что действительно по окончании конференции состоялась прощальная встреча, на которую русские пригласили и чешских товарищей. И другое, о чем говорил и Карел

Крейбих,– участие Ленина в съезде в Хемнице осенью 1912 года. До сих пор мы не знали, что Ленин участвовал в этом съезде. В то время он жил в Кракове и вполне возможно, что заехал в Хемниц, чтобы присутствовать там в качестве наблюдателя. Это тем более вероятно, потому что на съезде были официальные представители меньшевиков, и Ленин, видимо, решил поехать туда, чтобы обезвредить их влияние. Йозеф Стивин, который лично знал его с Пражской конференции и так подробно описал его в этой статье, совершенно определенно утверждает, что Владимир Ильич там был. Ошибка почти исключена, поскольку со времени Пражской конференции прошло всего семь месяцев.

– Ты чуть не забыл еще об одном.

– О чем?

– Ведь Мария Майерова обратила наше внимание на Вацлава Вацека и на его роль в организации конференции. Надо бы встретиться с ним...

20

Вам не приходилось бывать на Лготке?

Представьте себе пару небольших вилл, которые из любопытства вскарабкались на приветливый холмик или, если хотите, на своего рода крохотное плоскогорье и удобно расположились там в окружении стоящих на цыпочках деревьев, гордо оглядывая окрестности. Поля перемежаются с садами, на пруду гогочут гуси, а с футбольного поля ветер доносит выкрики и возгласы.

Доктор Вацлав Вацек тщательно протирает стекла очков, затем медленно надевает их и задумывается. Седина, по-стариковски сгорбленная фигура, но в глазах еще сохраняется живой блеск.

– Значит, вы собираете факты, касающиеся пребывания Ленина в Праге,– говорит он и словно заглядывает тебе в душу.

Молча киваешь, исподволь изучая его, а про себя еще раз повторяешь то, что хочешь у него спросить. За его спиной большая жизнь, наполненная работой, далеко не всегда тихой и спокойной. С молодых лет в первых рядах, и всегда на левом фланге. Журналист, оратор, политик, приматор столицы, ныне на заслуженном отдыхе. Вглядись в его лицо – не ошибешься в справедливости решения этого человека...

– Я уже об этом не раз рассказывал на беседах и в статьях, написанных по разным поводам. Был я в то время совсем еще зеленым, опыта немного, но зато энергии и доверчивости хоть отбавляй. Я работал в редакции "Право лиду", когда однажды, примерно в конце 1911 года, у нас появился этакий статный добрый молодец. Выглядел он довольно необычно, так что все с любопытством уставились на него. Представьте себе: юфтовые сапоги, каких у нас никто не носил, белый полушубок, а на голове тоже своеобразный убор. У него были густые волосы, подстриженные на русский манер, как мы говорили, "под горшок". Он что-то начал объяснять, но мы ничего не понимали. Говорил он только по-русски, а мы в то время этого языка еще не знали. Тут кто-то вспомнил, что Шкатула, который вел иностранную рубрику, вполне сносно владеет русским, а посему мы отвели иностранца к нему.

Я вспоминаю статью Эмануэля Шкатулы, в которой описание иностранца полностью соответствовало тому, что говорит доктор Вацек.

– Без особых вступлений,– продолжал Вацлав Вацек,– он коротко отрекомендовался: "Здесь будет нелегальный русский съезд, а я его делегат". Шкатула, видимо, был уже в курсе дела, поэтому он не выразил никакого удивления. Он только внимательно осмотрел

незнакомца и повел его вниз.

— Вы знаете, кто это был?— прерываю рассказ Вацека.

— К сожалению, нет. Тогда ни один делегат не представлялся по имени... Да, так на чем я остановился? Проводил, значит, его Шкатула во двор Народного дома, где находилось "царство" некоего Гакла. Это был наш "придворный" парикмахер и брадобрей социал-демократической партии, как мы его в шутку окрестили. Над его маленьким заведением величественно красовалась большая золотая вывеска "Coiffeur". Это слово звучало весьма возвышенно, отдавая ароматом Франции, и милый Гакл постоянно заставлял своего ученика до блеска начищать вывеску. Помню, как потом, уже во время мировой войны, ему пришлось снять ее, так как по распоряжению имперско-королевской полиции по всей Праге устранялись надписи на языках тех стран, с которыми Австро-Венгрия находилась в состоянии войны. Так вот к этому-то Гаклу, самоотверженному партийному активисту, и отвел Шкатула гостя, попросив "огаклить" его, как мы между собой называли стрижку у Гакла. Потом они зашли в кооперативный обувной магазин, тоже размещавшийся в Народном доме, где русский сменил обувь. Последней остановкой был магазин готового платья некоего Странского, находившийся напротив, там Шкатула подобрал одежду...

— И так вы проделывали с каждым делегатом?

— Нет, лишь с теми, кто был одет "по-русски". Они не должны были вызывать подозрений у пражской полиции. Даже поесть мы их не выпускали из Народного дома. Питание было организовано в Розовом зале, так что стоило им спуститься вниз со второго этажа, где заседала конференция, как здесь в безопасности они могли спокойно поесть. Заведывал рестораном некий Бергр, бывший позднее заместителем пражского старосты и владельцем ресторана "Унгельт",

а заодно, если не ошибаюсь, и гостиницы с тем же названием.

– Товарищ Вацек, а что вам лично пришлось делать во время конференции?

– Понятно, что в заседаниях я не принимал участия. Только когда под конец организовали прощальную встречу, то и меня пригласили. Когда же шла конференция, то в комнату заседаний никто из нас не заходил, лишь однажды я отнес туда почту, которую мне передал Гавлена.

Как у них была организована почтовая связь с Россией и другими странами?

– Этого я точно не знаю, но, безусловно, им не писали прямо на Прагу, а на какой-то другой город, откуда письма потом пересылались на адрес Гавлены.

– Вы когда-нибудь говорили с Гавленой о конференции?

Говорил и до сих пор хорошо помню об одной истории. Это было уже в конце конференции. С Яхимом Гавленой мы были близко знакомы, захаживали поболтать в ресторан "У Брейшку", куда и Шкатула заглядывал, однажды даже с делегатами. Так вот, как-то подзывает меня Гавлена и говорит: "Вацлав, тебе нужно сходить на вокзал и купить для одного русского билет. Забери чемодан, в кассе возьми билет до Дрездена и иди на перрон. Никого там не ищи, не оглядывайся по сторонам, а иди прямо в вагон. Главное, держись неприметно. Билет и оставшиеся деньги передашь тому, кто войдет следом за тобой..." Я кивнул, взял деньги и в назначенный день и час отправился на вокзал. Хотя там было довольно оживленно, я все же заметил на перроне одного русского товарища, которого видел на конференции.

– Как он выглядел?

– С тех пор прошло много лет, но, насколько помню, он был невысокого роста, даже приземист, широкоплечий, и что привлекло внимание, так это

русая бородка. Я молчал и не подошел к нему, он тоже не сказал ни слова, увидев меня, и лишь пошел вслед. Я быстро вошел в вагон, он за мной. Улыбнулся, взял билет и деньги, пожал руку и исчез в купе. Долго я не ведал, кто же это был, имени я не знал, и лишь лицо его врезалось в память. И только потом, уже после 1917 года, когда в газетах я увидел фотографии Ленина, его лицо мне показалось знакомым. Возможно, это и был он, но утверждать не берусь, может быть, и ошибаюсь...

Я делаю заметки, потом говорю:

— Приятное воспоминание, но...

Вацек поднимает голову и вопросительно смотрит, потом снимает очки в ожидании, когда я закончу.

— ...но вы не сказали об одной важной вещи. Если бы тот делегат, кому вы покупали билет, был Лениным, то это означало бы, что вам известно, когда Владимир Ильич уехал из Праги...

— Точнее говоря, тогда было известно... Ведь с того времени прошло без малого пятьдесят лет. Тут уж немудрено забыть, было ли это в пятницу или в воскресенье... Не так ли?

Но я не сдаюсь:

— Может быть, запомнилась какая-нибудь подробность, связанная с этим случаем?

Вацек задумчиво молчит и затем медленно говорит:

— Постойте... может, это чем-нибудь поможет... Билет я пошел покупать утром, поезд на Дрезден отправлялся с первого пути примерно в полдень. Я вернулся в редакцию, сел за свой стол, где уже лежали послеполуденные выпуски некоторых газет, или, как их называли, "вечерники". По привычке я стал их механически просматривать и вдруг наткнулся на сообщение, которое заставило меня заволноваться. Произошло какое-то ограбление, и объявлялось о чрезвычайных мерах сыскной полиции. В ту минуту я вспомнил о русском: полиция поднята на ноги, а что

если она остановит поезд и начнется досмотр пассажиров? Есть ли у этого делегата какие-нибудь документы? Есть ли у него вообще паспорт? Я не говорил с ним и ничего не знал, поэтому начал опасаться, как бы вместо банды грабителей полиция не схватила делегата Пражской конференции...

Вот и все, что я знаю. Не очень много, но, может быть, и это вам чем-нибудь поможет...

Закрылась за мной дверь. По улице кружатся опавшие листья, небо на западе затянуто тучами, ветер обламывает ветви деревьев, на землю падают первые капли. Автобус до Праги набит битком; он осторожно спускается вниз, вот показалась вспученная поверхность Влтавы, и в этот миг раздался первый раскат грома.

21

"Вечерник Богемия", среда 31 января 1912 года, № 30.
Ограбление кассы в магазине семян

"Сегодня ночью дерзкие грабители навестили оптовый магазин семян "М.Лаубер-сын" в доме номер 7 по Соукеницкой улице, взломали несгораемый металлический сейф и выкрали значительную сумму денег. Пока не обнаружено никаких следов. Злодеи работали умело и быстро, так что и речи не может быть о каких-то новичках. Пока нельзя сказать, не принадлежат ли они к международной шайке, не исключено также, что это те же самые преступники, которые уже в течение нескольких месяцев периодически совершают подобные ограбления касс. Из таких краж сегодняшняя является примерно десятой. Однако она оказалась не столь крупной, как, видимо, предпола-

гали грабители. В руки им попало всего 780 крон, так как пострадавшая фирма выплатила вчера более 8000 крон, чем значительно сократила наличность в кассе. Благодаря этому для фирмы, которая не была застрахована от ограблений, ущерб оказался не столь чувствительным.

Об ограблении кассы стало известно следующее. Когда сегодня в 7 часов утра работник и приказчик упомянутой фирмы открыли двери, ведущие в кассовое помещение, то не обнаружили никаких повреждений на металлической шторе. Замок на шторе тоже не был поврежден, хотя и оказался открытым. Это показалось обоим подозрительным. Когда же они вошли в магазин, то увидели там необычайный беспорядок..."

Далее следует подробное описание, каким образом было совершено ограбление. Сенсационная статья кончается словами:

"Пражская служба безопасности немедленно приняла необходимые меры по розыску неизвестных грабителей, однако до сих пор не удалось напасть на какой-нибудь след".

22

Вацлав Вацек дал нам ценную информацию. Когда мы подвели итог того, что узнали, и прочитали статью от 31 января об ограблении на Соукеницкой улице, то нам стало ясно, что, если тот делегат, кому Вацек покупал билет, был действительно Лениным, значит, он уехал из Праги около полудня 31 января 1912 года. Поскольку конференция закончилась 30 января, а 1 февраля, как совершенно точно известно, Ленин уже был в Лейпциге, где выступал на собрании, то эта

дата его отъезда представляется весьма правдоподобной. Однако с полной определенностью этого утверждать нельзя.

Помимо этого, мы записали и другие новые сведения: имя парикмахера Гакла, к кому делегаты ходили стричься и бриться (ведь и от Гакла можно будет что-нибудь узнать), затем имя хозяина ресторана в Народном доме – Бергра. Это и был тот хозяин ресторана Б., о котором упоминал в своей статье Шкатула, называя лишь первую букву его фамилии. Получили подтверждение и имевшиеся уже ранее сведения о том, что по окончании конференции состоялась прощальная встреча. Но, учитывая то, что, по словам Вацека, наибольшее участие во всех этих событиях принимал Гавлена, мы решили отыскать его и задать несколько вопросов.

Когда мы нашли его квартиру, двери нам открыла женщина в черном, оказавшаяся дочерью Гавлены.

Всего несколько месяцев тому назад Яхим Гавлена умер...

Мы сидим в старомодной комнате и ощущаем в воздухе что-то печальное и гнетущее. На столе перед нами лежит большая шкатулка с вырезками и рукописными записями, заботливо перевязанными лентой или же разложенными по конвертам.

– Это заметки отца, те, которые остались у нас...

– Как это "остались"?

Здесь не все, у отца было больше,– говорит женщина в черном. – Вот рукопись его воспоминаний о конференции 1912 года, которую он помогал организовывать русским товарищам. Несколько лет тому назад эти воспоминания были изданы маленькой брошюркой, но отец потом внес в них кое-какие исправления. Он вспомнил еще о некоторых вещах, которые упустил при написании первого варианта...

Мы берем в руки несколько листов воспоминаний Гавлены. На полях вставки – кое-где лишь от-

дельные слова, кое-где целые предложения. И наоборот, некоторые абзацы в брошюре совсем вычеркнуты...

— Это он готовил возможное второе издание, а фразы на полях он собирался вставить в текст. Но смерть помешала...

По стенам развешаны старые фотографии. Через узкое окно сюда попадает совсем немного дневного света, а выглянешь наружу, взгляд упирается в облупившуюся стену противоположного дома.

— Вы говорили, что это все, что у вас осталось?

Женщина перебирает содержимое шкатулки и говорит:

— Да. Отец сам об этом несколько раз говорил. В начале нацистской оккупации, опасаясь ареста и того, что в руки гестапо могут попасть все его записи, он отдал часть на хранение своему товарищу.

— Будьте добры, а кто это был?

— Точно не знаю. Вроде бы это был врач, отец называл его Кафка... а может быть, его звали иначе и он только работал у того врача...

— И после 1945 года отец не получил назад свои записи?

— Нет, они где-то затерялись, так как тот человек во время войны умер...

Я достаю записную книжку и к именам парикмахера Гакла, владельца ресторана Бергра добавляю и врача Кафку, после чего в скобках ставлю вопросительный знак. Потом осторожно выкладываю содержимое шкатулки на скатерть и начинаю не спеша вчитываться в записи человека, который был когда-то уполномочен организовать Пражскую конференцию.

Яхим Гавлена пишет...

23

"В ту пору я был секретарем краевого исполнительного комитета Чехословацкой социал-демократической рабочей партии в Чехии (действовавшей в чешских областях) и на мне лежали главным образом организационные вопросы... Примерно в первой половине или в конце декабря 1911 года меня пригласил на беседу председатель Центрального исполнительного комитета партии, депутат австрийского парламента Антонин Немец и в доверительном порядке сообщил, что русские товарищи обратились к нашей партии с просьбой оказать им содействие в проведении в Праге конференции русских социалистов. Он сказал, что такая помощь была обещана и что мне поручается устроить все необходимое для проведения конференции в Праге. Что для этого и как нужно делать, должен был решать я сам. На мою долю досталась организационная подготовка в Праге, за границей же русские товарищи сами приняли необходимые меры. Все нужно было осуществить таким образом, чтобы проведение конференции сохранить в тайне как от австрийской полиции, так и от царской шпионской службы... Немец обратил особое внимание на то, что речь идет о сугубо тайной конференции...

Через несколько дней после этого разговора мне представили одного русского товарища, который попросил меня организовать посредничество в получении корреспонденции из-за границы. Из предосторожности я достал для него несколько адресов надежных товарищей, имена которых не были столь известны. Потом на их адреса из-за границы приходила корреспонденция, которую я забирал у них и отдавал этому русскому.

Я подыскал достаточное количество мест для

ночлега, опять же большей частью у неприметных надежных товарищей, а также несколько мест в трех гостиницах: если не ошибаюсь, в "Бельведере" (Прага VII, за водонапорной башней), хозяином которой был тогда член нашей партии Франтишек Регнер, в "Тихом" (на Карловой улице, на Жижкове) и в "Мышке", которая теперь называется "Татра" (на Гусовой улице, на Жижкове).

Делегаты конференции приехали в Прагу не вместе, а съезжались по одному, по два в течение всего января. Поэтому прошло немало времени, пока собрались все. Среди них оказалось двое или трое одетых в непривычные для нас русские одежды, опоясанные ремнями. Чтобы они не привлекали внимания, мы достали для них обычные костюмы в магазине одежды фирмы "Зигмунд Странский", что на Гибернской улице напротив Народного дома.

Каждого делегата я лично отводил до места ночлега, иногда и по нескольку раз, пока не убеждался, что он уже ориентируется самостоятельно и без сопровождения может добраться до нужного адреса. Те делегаты, которых мы разместили в семьях наших товарищей, вообще не были зарегистрированы в полиции. В отеле "Бельведер", где хозяином был социал-демократ, их не заносили в книгу регистрации иностранцев, а для отелей "Тихий" и "Мышка" мы достали необходимые документы...

Организуя жилье, я должен был объяснить хозяевам квартир, почему пребывание у них рекомендованных мною людей должно остаться в тайне. Я говорил им, что ищу квартиры для ряда товарищей из-за границы, которые будут изучать здесь опыт нашего рабочего движения и знакомиться с деятельностью политических, профсоюзных, кооперативных, культурно-просветительских и спортивных организаций. Для этого, дескать, все уже было оформлено, как вдруг им отказали в визах, и поэтому без разрешения и без

заграничных паспортов они нелегально перешли границу. Этого было вполне достаточно. В то время международные отношения начинали обостряться и мои объяснения звучали правдоподобно...

Председательствовал на конференции Ленин. Я это установил уже потом по фотографиям в печати, так как в то время никого из участников я не знал по имени. Ленин был душой конференции. Его необыкновенно живые и страстные речи вызывали всеобщее воодушевление, выступления в прениях встречались с одобрением. Жаль, что я не знал русского языка.

Конференция работала весьма напряженно, насколько я помню, с 8 до 12 часов, а потом после обеда с 2 до 6–7 часов вечера. Точно утверждать, правда, не могу. Я обратил внимание на то, что выступления некоторых ораторов были довольно пространными и продолжительными. В дискуссии участвовало много делегатов. Думаю, что всего на конференции было около 30 человек...

Я постоянно находился на конференции в течение всего времени ее работы. Уходил буквально на минуту, если меня как партийного секретаря вызывали по какой-либо причине. Я не знал русского, но некоторые делегаты говорили на нескольких языках, в том числе по-немецки. Так что, если что-либо требовалось, они обращались ко мне на немецком языке, и я делал все необходимое.

Делегаты могли поесть и в свободные минуты побеседовать в так называемом Розовом зале Народного дома, который размещался справа от входа с первого внутреннего двора в сад, куда и выходили его окна. Когда-то потолок этого помещения был украшен лепными розами, откуда оно и получило название Розового. Учитывая, что, кроме типично ресторанного оборудования, там ничего иного не было, в этом зале обычно проводились небольшие собрания и конференции. Розовый зал был полностью изолиро-

ван от остальных ресторанных помещений, а для обслуживания делегатов был выбран абсолютно надежный человек...

Когда закончилась конференция, то ее участники устроили прощальный вечер в большом пивном зале, окна которого выходили на улицу... Делегаты пели, веселились и провозглашали тосты. В вечере приняли участие и несколько приглашенных наших товарищей...

Затем по одному, по двое делегаты незаметно выехали за границу. Полностью оправдались все меры, предпринятые для сохранения конференции в тайне... Учитывая то, что конференция проводилась тайно, а русское социалистическое движение было нелегальным, делегаты имели вымышленные имена — Василий, Николай и так далее. Я, естественно, ни у кого из них не спрашивал о настоящем имени. Я даже не знал, кто там был из выдающихся личностей и кому я обеспечивал жилье. За все время конференции никто из делегатов не представился мне своим настоящим именем.

Постоянно подвергаясь опасности, все стали чрезвычайно осмотрительными, поэтому, само собой разумеется, никто из них, и Ленин в том числе, не назвал своего настоящего имени хозяевам, у которых они тогда останавливались... В связи с этим исключается возможность, чтобы кому-то из хозяев стали известны действительные имена кого-либо из проживавших у них участников конференции. Если кто-то утверждает обратное, то это нельзя принимать на веру. Выяснить, кто где размещался, не представляется возможным. Конечно, не исключено, что некоторые делегаты запомнили адреса своего тогдашнего жительства, поэтому лишь только они могли бы в своих воспоминаниях указать место, где они останавливались в Праге. Но сделал ли так кто-нибудь из них, я не знаю".

24

Воспоминания Гавлены стали еще одной важной н весьма существенной деталью во всей мозаике понсков н находок... Они представляют нtтерес своим систематическим н подробным характером, многими новыми деталями. Кое-где Гавлена ошибается. Так, делегатов было не тридцать, как он считает, а меньше. Его разговор с Немецем, когда ему поручили заняться организацией конференции, также, по всей видимостн, состоялся раньше середины декабря. Но прн всем зтом гораздо важнее то новое, что мы почерпнули из его заметок...

В частности, они подтверждают некоторые факты, которые хотя н былн нам уже известны по предыдущим находкам, но до сих пор еще не былн проверены. Прежде всего зто касается его встречи с незнакомым русским товарнщем, для которого Гавлена обеспечил посредничество в получении корреспонденцин из-за границы. Его имени Гавлена не знал, но мы сегодня уже знаем, что зто был Пятницкий. Интересно также то место, где он рассказывает о размещенин делегатов. Здесь мы впервые узнаем названия трех пражских гостиниц, где жили делегаты: "Бельведер", "Тихий" и "Мышка". Не менее важным является упоминание Гавлены о том, как он разместил делегатов по гостиницам: те, у кого не было паспортов, шли в "Бельведер" на Летне, хозяином которого был социал-демократ. Получилн подтверждение н слова Вацека о том, что русскне питалнсь в Розовом зале. Теперь мы также знаем, под каким предлогом были размещены делегаты в пражских рабочих семьях...

Количество лнстов с записями увеличивается, круг наших понсков все расширяется. Настанет ли вообще когда-нибудь конец?..

Опять перелистываем записи Гавлены – автор сдержан и не пытается говорить о том, в чем не уверен. А ведь такая возможность у него была. Но он не хотел ни лгать, ни выдумывать лишнего, хотя на это его многие толкали. Сколько странных личностей приходило к нему, дознавшись, что он помогал организовывать Пражскую конференцию, и каждый настаивал на получении подтверждения о том, что именно у него жил Ленин... Они сулили золотые горы, но Гавлена все отверг и в своих воспоминаниях недвусмысленно написал: "Исключается возможность, чтобы кому-то из хозяев стали известны действительные имена кого-либо из проживавших у них участников конференции. Если кто-то утверждает обратное, то это нельзя принимать на веру".

Непреклонная честность и добросовестность.

Но означает ли это, что вопрос так и останется навсегда неразрешенным?

Может быть...

Лишь одну возможность допускает Гавлена на будущее: "Конечно, не исключено, что некоторые делегаты запомнили адреса своего тогдашнего жительства, поэтому лишь только они могли бы в своих воспоминаниях указать место, где они останавливались в Праге".

Это заставляет задуматься, хотя ни в записках Пятницкого, ни в рассказе Воронского или Фастена ни слова нет об адресах. Что же это – тупик?

Оказывается, нет.

Когда Гавлена писал свои воспоминания, то он и не подозревал, что еще жив один из делегатов, и не кто иной, как тот, кто во время Пражской конференции жил вместе с Лениным. Это был Е.П. Онуфриев из Ленинграда...

Вот тут от неожиданности этого известия мы как будто проглотили язык. Наконец Иржи в нерешительности прерывает молчание:

– Не кажется ли тебе довольно странным такое удивительное совпадение? Только представь себе, что здесь было около двух десятков делегатов, и лишь одному-единственному из них довелось проживать вместе с Лениным. Сегодня уже никого не осталось, кроме одного, и именно он утверждает, что жил с Владимиром Ильичем...

– Понимаю, ты хочешь сказать, что он может говорить что угодно, так как уже некому уличить его в неверности или ошибочности этих показаний. Короче говоря, он остался последним свидетелем этих событий, что дает ему возможность утверждать все, что вздумается.

– Вот именно...

– Признаюсь, и я поначалу предположил нечто подобное. Но потом я узнал о двух вещах, которые подтверждают участие Онуфриева в конференции и правдивость его воспоминаний. Во-первых, об этом писала сама Крупская, и именно она указала на Онуфриева как соседа Ленина по комнате. Во-вторых, свои первые воспоминания о Пражской конференции Онуфриев написал еще в то время, когда были живы остальные свидетели, то есть делегаты конференции, так что в случае ошибки кто-нибудь из них мог бы его поправить или чем-либо дополнить. Оба эти факта достаточно убедительны.

Вот почему Музей Ленина в Праге пригласил этого важного свидетеля, чтобы по прошествии стольких лет он помог восстановить подробности, касающиеся конференции.

25

Весна 1957 года.

Праги как будто коснулась волшебная палочка.

Тайна пребывания здесь Ленина привлекла всеобщий интерес и интриговала. Рассказ товарища Онуфриева был опубликован в печати, что толкнуло десятки людей на поиски дальнейших подробностей. Они старательно искали, осматривая замшелые от времени здания, что-то находили, чтобы опять все потерять.

Несмотря на свои преклонные годы, Е.П. Онуфриев оказался неутомимым человеком. С утра и до позднего вечера он бродил по улицам, нередко случалось, что до рассвета, когда город еще спал, он исчезал, чтобы самому обежать те места, которые ему показались знакомыми.

В поисках дома, в котором он тогда проживал вместе с Ильичем, он не давал себе ни минуты отдыха. Плутал по пражским закоулкам, бродил по Жижкову, заходя в ободранные старостью дома. Осмотрев, убеждался, что вновь ошибся. И так следующий дом, следующая улица...

Зашел он и в бывший отель "Бельведер". Осмотрелся, направился во двор, вновь вернулся в его коридоры. Молчит.

Сопровождающий его чешский товарищ напряженно спрашивает:

– Здесь? Вы тут жили?

Онуфриев не отвечает. Поднимается по лестнице, в нерешительности замирает, затем все вместе входят в одну из комнат, и только здесь пропадает неуверенность и к нему как будто возвращается дар речи.

– Вот тут стояла метла, которой мы подметали пол. А здесь – стол, стул, в углу была корзина. Только тогда перед окнами не было этих домов.

– Их построили позже, уже после 1912 года.

Онуфриев продолжает:

– В коридоре была уборная...

Все выходят в коридор – так оно и есть.

Сопровождающий счастливо улыбается, но Онуфриев снова мрачнеет:

– Погодите, вот только коридор был длиннее.

– Но может быть, вам теперь только так кажется?

Но Онуфриев упрям.

– Нет, он был определенно длиннее. Из него мы попадали прямо в нашу комнату.

Что же делать, если коридор оказался таким коротким?!

– Значит, это было не здесь,– подавленно говорит наконец Онуфриев. Молча все спускаются вниз. Никому не хочется разговаривать.

Потом он беседует с родственницей бывшего хозяина, а сопровождающий на всякий случай спрашивает:

– А что, коридор наверху и раньше был такой?

– С чего это вы взяли!– восклицает она. – Он был длинный, но потом его перегородили.

Ура! Как гора с плеч свалилась, и все с облегчением вздыхают. Гостиница "Бельведер" прошла тщательную проверку.

Воспоминания Онуфриева переполнены массой конкретных фактов, которые дополняют многое из того, что уже было известно.

...Он поудобнее усаживается, на минуту задумывается. Потом начинает говорить – четко, веско:

– От Петербургской партийной организации на Всероссийскую партийную конференцию нужно было избрать двух делегатов. Сначала одним из них намечался рабочий В.М. Цаплин (партийная кличка Воробьев). Однако к моменту созыва общегородской партийной конференции он был арестован царской охранкой. Вместо В.М. Цаплина на конференцию был избран я, молодой в то время рабочий Обуховского завода.

Темной декабрьской ночью я отправился на первый явочный пункт в Вильно, а оттуда до пограничного местечка Сувалки. Там я соединился еще с тремя делегатами, и мы вместе с "американцами" нелегально перешли границу. "Американцами" мы называли тех,

кто хотел уехать на заработки в Америку. Почти до самой границы мы ехали на санях, потом, уже на той стороне, пересели на поезд, приехали сначала в Берлин, а потом в Лейпциг. Повсюду нас поджидали наши люди, которые оказывали нам необходимую помощь. Обо всем позаботился Ленин, хотя лишь только потом мы узнали об этом. В Лейпциге нас ждал Пятницкий, который отвел нас на квартиру видного большевика В.М. Загорского, жившего в то время в этом городе. Там нашли приют несколько делегатов конференции. В сентябре 1919 года, как известно, В.М. Загорский трагически погиб в результате взрыва бомбы, брошенной эсерами в здание Московского комитета партии в Леонтьевском переулке.

На другой день мы получили письмо от Владимира Ильича, в котором он поздравлял нас с благополучным переходом границы и прибытием в Лейпциг. Он писал, что хотел бы еще до конференции предварительно обменяться с нами мнениями как о повестке дня конференции, так и по некоторым другим вопросам.

Нам неизвестно было место созыва конференции, и мы решили, что она состоится здесь, в Лейпциге. Однако вскоре мы получили указание направиться в Прагу. В целях осторожности уезжали группами по два-три человека. Мы знали, что царские ищейки с ног сбились, разыскивая следы делегатов...

— Когда же вы приехали в Прагу?

— Точную дату я уже не помню. Добрались мы, первые четверо делегатов, до Народного дома, а оттуда нас повезли через реку в какой-то большой зал, где проходил съезд. Нас приняли за гостей этого съезда, поэтому, попросив подождать перед дверью, провожатые пошли сообщить президиуму о нашем приходе. Но в это время один из нас — это был Павел Догадов — узнал за столом президиума одного человека. Мы поняли, что попали не туда, куда следовало. Повернулись кругом и поспешили обратно к Народному дому,

где выяснилось, что произошла ошибка.

Нам сразу же приходит в голову, что это происшествие могло бы послужить ориентировочной вехой в установлении даты приезда в Прагу первых делегатов. Правда, позднее мы узнали еще одну версию рассказа об этом же событии, но и в ней приводились примерно те же самые факты.

По этой версии делегатам нужно было с вокзала ехать на Гибернскую улицу, где их должен был ждать Яхим Гавлена — человек с черными усиками и голубыми, навыкате глазами. Но у главного входа Народного дома они натолкнулись на высокого роста, хорошо одетого чеха, у которого не было никаких усов и глаза вовсе не были навыкате. Тем не менее он радостно приветствовал русских.

Далее разворот событий почти повторяется — они входят в одно из помещений Народного дома, выясняют, что произошла ошибка, поспешно исчезают оттуда и все возвращаются обратно на вокзал, где их с нетерпением уже поджидал настоящий Гавлена.

В обоих воспоминаниях много общего, и они различаются лишь в том, что по первой версии ошибка произошла в Национальном доме на Смихове, а по второй — в Народном доме на Гибернской улице.

Вновь мы принялись за работу и вскоре разузнали, что в конце декабря 1911 года, а точнее с 23 по 27 декабря, в Праге действительно проходил десятый съезд Чехословацкой социал-демократической партии, в котором в качестве гостя принимал участие представитель украинской социал-демократии Лев Рыбалко (настоящая фамилия Юркевич) — известный оппортунист, националист и противник Ленина. Съезд проходил в Национальном доме на Смихове. В субботу 23 декабря 1911 года, с половины восьмого до половины десятого состоялось предварительное совещание, на котором избирался президиум и различные комиссии, а на следующий день, в воскресенье 24 декабря, съезд

был торжественно открыт.

Таким образом, все как будто становится на свои места – человек, которого испугались Онуфриев и его товарищи, видимо, был Рыбалко, также и место проведения съезда – Национальный дом – косвенно подтверждает воспоминание Онуфриева о том, что его везли через реку, так как добраться от Народного дома до Смихова можно только через Влтаву.

– Погоди, так когда же в таком случае приехали делегаты?

– Онуфриев говорил, что в ресторане Народного дома видел много людей, которые попивали пиво и играли в карты. Из этого он делает вывод, что было воскресенье, так как в будний день там не могло быть столько посетителей... Один из работников пражского Музея Ленина обратил мое внимание на упоминание Онуфриева о том, что в день их приезда в Прагу магазины были открыты...

– Но ведь съезд был открыт в воскресенье! В субботу состоялось лишь предварительное совещание, которое проходило не в главном зале и на котором не было никакого торжественного президиума. Как же в таком случае магазины могли работать в воскресенье?

– Оказывается, могли. Как раз на этот день пришелся канун рождества – "Щедрый вечер", и, хотя по календарю был выходной день – воскресенье, магазины были открыты. Зато в понедельник 25 и во вторник 26 декабря, когда были рождественские праздники, магазины не работали. Выходит, таким образом, что делегаты приехали в воскресенье 24 декабря 1911 года.

– А не могли они приехать лишь в среду 27 декабря 1911 года? Это был уже обычный день, и магазины торговали. Ведь съезд продолжался до 27-го.

– Это так, но я сильно сомневаюсь, что ошибка с гостями могла произойти в последний день съезда.

Тогда все скорее думали об отъезде... Намного более приемлемым является предположение, что Онуфриев с тремя друзьями приехал именно в день открытия, в воскресенье, когда в Народном доме была порядочная суматоха и неразбериха, когда сюда приходило немало иностранных участников съезда и вполне могло случиться, что делегатов большевистской конференции приняли за гостей или участников съезда чешских социал-демократов.

Тем самым разрешается вопрос о приезде первых делегатов, и мы заносим в нашу записную книжку дату 24 декабря 1911 года*.

– А когда приехал Ленин?

В своих воспоминаниях Онуфриев рассказывает:

"Яхим Гавлена отвел нас в гостиницу "Бельведер"... Мы жили там вчетвером. Разумеется, без Владимира Ильича, которого еще не было в Праге...** В начале 1912 года мы разослали обращение в редакции некоторых социал-демократических газет, с тем чтобы они направили на нашу конференцию своих представителей. Мы пригласили представителей Центрального комитета Латышской социал-демократической партии, социал-демократической фракции III Думы, Центрального комитета Бунда, представителей польской и литовской социал-демократии, Закавказского комитета, а также не в последнюю очередь Г.В. Плеханова, который, однако, отказался, заявив при этом: "У меня нет ни времени, ни охоты для участия в том, что на нашем партийном жаргоне называется межфракционной склокой..." Его отказ лучше всего свидетельство-

* В воспоминаниях Е. П. Онуфриева, однако, написано: "К Праге мы, делегаты конференции, подъезжали ранним январским утром 1912 г." (О н у ф р и е в Е. П. Встречи с Лениным. М., 1966, с. 12).

** В то же время в тех же воспоминаниях Е. Онуфриев писал: "Гавлена проводил в гостиницу "Бельведер". К этому времени в Прагу приехал и В. И. Ленин" (там же, с. 13).

вал о том, что Плеханов, равно как и значительная часть других эмигрантских представителей меньшевизма, совершенно не понял или не хотел понять предназначения Пражской конференции... Мы пригласили в качестве почетного гостя и Максима Горького, который в то время жил на Капри. При этом мы все время с нетерпением ждали Ленина, в отсутствие которого мы сделали все эти приглашения".

– А где в этот период был Ленин?

Об этом в заметках Онуфриева ничего не говорится, поэтому нам пришлось заглянуть в другие источники, по которым мы установили, что 30 декабря 1911 года Ленин руководил в Париже собранием заграничных большевистских групп и в тот же день выступил в заключительной дискуссии. А 18 января 1912 года он уже открывал Пражскую конференцию.

– Это слишком большой интервал времени.

– Согласен, но мы можем его сузить. Вспомним утверждение Онуфриева о том, что в начале января 1912 года несколько делегатов, среди которых был и он, пригласили на Пражскую конференцию представителей плехановцев и других социал-демократических фракций и что это они сделали в отсутствие Ленина.

– Каким же числом датированы их приглашения?

– К сожалению, дата неопределенная – "начало января". Когда позднее сам Ленин писал об этом Г. Шкловскому, то дату он не указывал, лишь отмечал, что всего было семь делегатов, выработавших и разославших приглашение[1].

– А письмо Горькому?

– На нем, к счастью, проставлено число – 7 января 1912 года. А поскольку под ним нет подписи Ленина, то из этого можно судить, что Владимир Ильич приехал в Прагу между 8 и 17 января.

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 50.

— Как реагировал Максим Горький иа приглашение?

— Горький заболел и приехать ие смог. К тому же ои был под наблюдением полиции и его приезд ие остался бы в тайне, что могло бы иавлечь угрозу иа всю конференцию. Вот почему ои извинился и иаписал: "Спасибо вам за доброе ваше письмо. Мне очень хотелось бы повидаться с вами, я зиаю, как ценно было бы для меня зто свидание, понимаю, как миого оио могло бы дать мие, и я очень огорчеи тем, что ие могу приехать".

По окончании коиференции Ленин ииформировал Горького об ее итогах и еще перед тем, как послать ему брошюру с резолюциями, выпущенную в Парижв, отправил короткое письмо с приветом:

"Дорогой А.М.!

В скором времеии пришлем Вам решения коиференции. Накоиец удалось — вопреки ликвидаторской сволочи — возродить партию и ее Цеитральиый Комитет. Надеюсь, вы порадуетесь этому вместе с иами"[1].

— Погоди-ка, вот что мие пришло в голову. Как это могло случиться, что делегаты писали письма из Праги, в то время как коиференция должна была оставаться в тайие? Ведь для царской полиции ие составляло труда по почтовому штемпелю установить ее место.

— Так, да ие так... Вся переписка делегатов велась строго коиспиративио. Например, в письме Горькому даи "транзитный" адрес, на который ои должеи ответить: Max Sayferth, Tauchauerstrasse 19/21, Leipzig. На адрес Сейферта в Лейпциге приходила почта для делегатов, и лишь он зиал, что ее иужно пересылать в Прагу.

— Кто зто такой Сейферт?

— О ием иесколько раз упомииает в своих воспо-

[1] **Л е н и н В. И.** Полн. собр. соч., т. 48, с. 44.

минаниях Пятницкий, который и раньше постоянно получал через него почту. Письма из России адресовались нескольким социал-демократам в Лейпциге, они передавали их Сейферту, бывшему в то время директором типографии газеты "Лейпцигер фольксцайтунг", а тот собирал их и отдавал Пятиицкому.

Такие же меры предосторожности были приняты при организации приезда делегатов, которые даже ие представляли, куда едут, отправляясь из России. Как об зтом говорил Оиуфриев, границу оии переходили тайно у городка Сувалки, откуда и прибыли в Лейпциг. Об зтом подробно рассказывает и Пятиицкий, который осенью 1911 года организовал все иеобходимое в Праге и затем выехал в Лейпциг. Вот что ои писал:

"В середине декабря я получил письмо от Натана с границы, что с иашим паролем и иа явку, которую ои нам дал, приехало четыре человека. Ои отправил их за границу, ко мие. Я ждал день, другой, а товарищей все ие было. На явке, куда они должны были приехать, я бывал по иескольку раз в день. Наконец их задержка стала меня сильно беспокоить. Я выяснил, когда приходят поезда из Берлина, и решил к зтому времени бывать на вокзале, полагая, что пропавшие товарищи все же явятся. Я отправился иа Баварский вокзал рано утром к первому поезду. Когда я подошел к вокзалу, то увидел, что оттуда вышли четыре человека. Я тотчас узиал в них россияи. Шли они все вместе, были в сапогах, которых в Средней Германии иикто ие иосит, и, кажется, даже в галошах, в зимних потертых пальто и в теплых русских шапках, которых иемцы тоже ие иосят. Трое из них были маленького роста, а одии – высокого роста и довольио-таки толстый (зто был Залуцкий). Я решил, что зто имеиио те товарищи, которых я ждал, ио, прежде чем подойти к иим, я их осмотрел с иог до головы. Приезжие тоже обратили на меня виимание. Накоиец я подошел к иим и спросил, какая улица им иужна. На мой вопрос я получил ответ,

что это не мое дело. Тогда я спросил у них, не нужна ли им Цейщерштрассе (улица, на которой была явка и куда они должны были явиться). Кто-то из них мне ответил, что нет. Я решил все же не отставать и пошел вслед за ними. Между ними начался спор. Одни говорили, что я шпик, а другие высказывали предположение, что я пришел их встречать. Наконец ко мне подошел, кажется, Павел Догадов и начал со мной разговор. Мы быстро установили, что ищем друг друга, и я пошел с ними вместе к Загорскому, на квартире которого для них была приготовлена комната и все нужное для того, чтобы им не пришлось днем ходить по городу. Эти четыре товарища были делегатами конференции. Из них двое рабочих — Онуфриев (обуховский рабочий) и Залуцкий — были из Питера, Павел Догадов — из Казани и Серебряков — из Николаева. Я сейчас же сообщил об их приезде Ильичу. В ответ получил от Ильича письмо, в котором он высказывал предположение, что московский делегат на конференцию, наверное, провалился, а без московского делегата не хотелось бы открывать конференцию, и поэтому Ильич просил, чтобы я послал кого-нибудь в Москву, с тем чтобы там попытаться провести новые выборы. По получении этого письма я решил немедленно отправить в Москву Лазаря Зеликсона, находившегося тогда в Лейпциге, где он работал полировщиком по дереву. Тов. Лазарь согласился ехать, и 1 января 1912 года он выехал из Лейпцига в Москву..."

Драма начиналась.

Спустя несколько дней после отъезда Зеликсона в Москву Пятницкий получил сообщение от Натана из Сувалок, что границу перешли еще двое — задержавшийся московский делегат Филипп Голощекин и другой делегат по имени Матвей. Этот Матвей оказался провокатором...

— Как его звали в действительности?

— Брендинский. Он состоял на службе у царской

полиции с апреля 1909 года. Полиция хотела воспрепятствовать отъезду делегатов на конференцию и поручила это задание Брендинскому и еще двум провокаторам. Они выдали нескольких делегатов, которые были арестованы.

– Но ты говорил, что делегаты все же выехали в Лейпциг...

– Да, вместо арестованных товарищей партия выбрала новых, поэтому охранке не удалось помешать их выезду.

– А как же Брендинский?

– Никто и не предполагал, что он агент полиции. Поэтому он стоял во главе партийной Технической комиссии, в задачу которой входило распространение в России нелегальной литературы. Царская полиция ему доверяла, и не напрасно. Он оказывал ей ценные услуги. У него был список нелегальных партийных организаций, который он передал полиции, ему также были известны переходы через границу, которыми будут пользоваться делегаты при нелегальном отъезде из России.

– Но тогда полиция могла всех их похватать на этих переходах.

– Теоретически – да, но практически – нет. Дело в том, что места переходов знали лишь Пятницкий и Брендинский, к тому же Пятницкий попросил Брендинского взять на себя доставку делегатов на границу. Таким образом, успех дела зависел целиком от Брендинского, и если бы теперь охранка воспользовалась его донесениями и похватала при переходе границы всех делегатов, то партийным работникам сразу стало бы ясно, что Брендинский – предатель. А этим полиция не хотела рисковать...

– И поэтому, будучи не в силах что-либо сделать, вынуждена была позволить делегатам уехать?

– Так оно получается. Однако Брендинский не сидел сложа руки. Он выдал члена Российской органи-

зационной комиссии Шварца, избранного делегатом конференции, и сумел поехать вместо него. Добравшись до Двинска, он остановился у старика Голощекина и стал поджидать приезда остальных делегатов.

– Эту фамилию...

– ...да, эту фамилию ты уже слышал. Младший Голощекин и был тем задержавшимся московским делегатом, а его отец жил в Двинске. Когда сын приехал к отцу, то на него произвел странное впечатление оказавшийся там квартирант. К счастью, Брендинский начал вести себя неосторожно, неоднократно похваляясь перед отцом, что у него много денег. Никто, естественно, не знал, откуда они. Старик Голощекин сразу же предупредил об этом сына, который и без того уже почувствовал, что на всем пути из Москвы за ним следили. Так возникло подозрение. К тому же и двинская партийная организация считала, что Брендинский мог быть провокатором. На вопрос Голощекина, как так получилось, что тот едет на конференцию, Брендинский ответил, что это ему поручил Шварц, который арестован. Разумеется, он не похвастал тем, что именно он засадил Шварца, чтобы занять его место.

Из Двинска Брендинский и Голощекин отправились вместе, и провокатор не догадывался, что его подозревают.

– Захватывающая история...

– Сразу по приезде в Париж Голощекин обо всем рассказал Надежде Крупской, которая опознала в Брендинском провокатора. Позже она об этом писала:

"Филипп пришел к нам на квартиру вместе с Брендинским, я им обрадовалась, но Филипп многозначительно пожал мне руку, выразительно посмотрел на меня, и я поняла, что он мне что-то хочет сказать о Брендинском. Потом в коридоре он сказал мне о своих сомнениях. Мы условились, что он уйдет и мы повидаемся с ним позже, а пока я поговорю с Брендинским, прозондирую почву, а потом решим, как быть.

Разговор с Брендинским у нас вышел очень странный. Мы получали от Пятницы извещения, что литература благополучно переправлена, что литература доставлена в Москву, а москвичи жаловались, что они ни черта не получают. Я стала спрашивать Брендинского, по какому адресу, кому он передает литературу, а он смутился, сказал, что передает не организации, ибо теперь это опасно, а своим знакомым рабочим. Я стала спрашивать фамилии. Он стал называть явно наобум — адресов-де не помнит. Видно было — врет человек. Я стала расспрашивать о его объездах, спросила что-то о каком-то городе, кажется Ярославле, он сказал, что не может туда ездить, ибо там был арестован. Я спрашиваю: "По какому делу?" А он отвечает: "По уголовному". Я так и опешила. Чем дальше, тем путанее были его ответы. Я ему что-то наплела, что конференция будет в Бретани, что Ильич и Зиновьев туда уже уехали, а потом сговорилась с Филиппом, что они с Григорием уедут ночью в Прагу и он оставит записку Брендинскому, что уезжает в Бретань. Так и сделали. Потом я откомандировалась к Бурцеву, который специализировался в то время на раскрытии провокаторов. "Явный-де провокатор",— говорила я ему. Бурцев выслушал и предложил: "Пошлите его ко мне". Посылать провокатора к Бурцеву было ни к чему. Потом пришла телеграмма от Пятницкого, у которого также появились подозрения, он писал в телеграмме, чтобы Брендинского на конференцию не пускать, позднее прислал подробное письмо".

— Так что на конференцию он не попал?

— К счастью... Для полиции это был ценный человек. В качестве агента от действовал под несколькими именами — Вяткин, Кропоткин, наконец Матвей. Родом он был из Казани и сначала работал учителем. Какое-то время был в ссылке, потом эмигрировал из России и даже был слушателем партийной школы на Капри. Вернувшись, он исполнял различные обязан-

ности в социал-демократической партии, а заодно работал на шефа московской охранки полковника Заварзина... Матвей–Вяткин выдал несколько важных вещей, касавшихся готовящейся конференции. Он выдал имена членов организационной комиссии по созыву конференции, затем известные ему имена связников, и, наконец, благодаря ему в руки полковника Заварзина попали адреса, куда должны были обращаться делегаты:

Max Seyferth, Leipzig, Tauchauerstrasse 19/21;

M. Kollman, lit. Freibergstrasse 104, Dresden A;
V. Zagorskij, Sidonienstrasse 45, III,

Ch. Eitinghof, Brull 37/39 (внутри конверт для Заг.) или

Purman, Scheckendorf 37, II.

– И чем же он закончил?

– Как будто он был приговорен к смерти революционным трибуналом в Париже весной 1914 года, когда ему была ясно доказана его предательская деятельность... Однако независимо от него другие продолжали свою грязную работу.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Вот материалы из Москвы – фотокопии донесений других агентов. Полковник Михаил Фридрихович Заварзин, стараясь показать своему министру, что он, начальник московской охранки, работает лучше, чем его коллега в Петербурге, из кожи лез вон в своем рвении. В этом ему немного помогли и везение, и случайность.

– Каким образом?

– Значит, как уже говорилось, Лазарь Зеликсон выехал из Лейпцига в Москву. Он не знал, что разминулся с опоздавшим московским делегатом Голощекиным, который в это время уже добрался до Парижа. Зеликсон прилагал все силы, чтобы выполнить задание, которое, как мы знаем, состояло в том, чтобы попытаться организовать в Москве новые выборы делегатов.

Он написал Пятницкому, что ему посчастливилось найти действительно хорошего человека. Драма достигала своего апогея...

– Кто же был этим делегатом?

– Пятницкий в своих воспоминаниях пишет: "От тов. Лазаря я получил сообщение, что ему удалось собрать товарищей, работавших в московских легальных рабочих организациях, и что последние выбрали делегата на конференцию. Найти же нелегальную организацию из-за последних провалов ему, Лазарю, не удалось. Он передал делегату адреса, явки и пароли, после чего тов. Лазарь был арестован, очевидно не без участия самого делегата..."

– то есть это означает...

– ...что делегат был полицейским осведомителем! Это был Малиновский, находившийся на службе у полиции, чего тогда никто не знал. Его шеф полковник Заварзин, узнав о том, что московский делегат опоздал (видимо, об этом ему сообщил Матвей–Вяткин), предложил своему агенту Малиновскому воспользоваться этой исключительной возможностью. Каким-то образом Малиновскому удалось быть избранным московскими рабочими дополнительным делегатом... Первое, что он сделал, так это послал телеграмму, чтобы до его приезда конференцию не начинали.

– И его ждали?

– Нет. Хотя Ленин и понимал, насколько необходимым было участие московского делегата. К тому же уже приехал задержавшийся Голощекин, так что при открытии конференции Москва все равно была представлена.

– А Малиновский?

– Он добрался до Праги с опозданием на один день после начала конференции... Он был одним из самых опасных людей, когда-либо появлявшихся в рабочем движении. Талантливый, хитрый, образованный, блестящий оратор, ставший позднее, с осени 1912 года,

депутатом и фактически руководителем парламентской социал-демократической оппозиции в царской Думе. Сначала он работал на московскую охранку, но после Пражской конференции был передан в прямое распоряжение петербургского центра. До 1914 года он был самым выдающимся царским агентом, известным под кличками Портной, Эрнест и др. ... Интересно, что Надежда Крупская была единственной, кто инстинктом распознал его истинное лицо. В первой половине января 1913 года в Кракове проходило совещание Ленина с руководящими деятелями партии, в котором участвовали Зиновьев, Сталин, депутат Бадаев, Крупская и некоторые другие, среди которых был и депутат Малиновский. Крупская об этом писала: "Первым приехал Малиновский, приехал какой-то очень возбужденный. В первую минуту он мне очень не понравился, глаза показались какими-то неприятными, не понравилась его деланная развязность, но это впечатление стерлось при первом же деловом разговоре".

Тут Иржи прерывает мой монолог:

– Вопрос в том, создалось ли у Крупской такое впечатление еще тогда, в 1913 году, или же мнение о Малиновском сформировалось у нее уже под влиянием его разоблачения.

– Крупская отличалась способностью разбираться в людях. Так или иначе, но факт, что Малиновский в качестве делегата попал на Пражскую конференцию, и, собственно, с этого момента начинается его головокружительная карьера как агента. Помимо него, в конференции также участвовал как делегат еще один царский агент, правда более мелкого пошиба, Романов, выступавший под кличкой Жорж...

– Это означает, что царская полиция была о конференции осведомлена.

– Да... Или Романов, бывший слушатель партийной школы на Капри, выступавший под именем Аля Алексинского, или Малиновский направил в Россию

обширное донесение.

– А может быть, они оба?– уточняет Иржи.

– И это не исключено. Хотя, с другой стороны, не уверен, знали ли они друг о друге, что являются агентами и, так сказать, одного поля ягодки. Первое донесение попало в Москву к полковнику Заварзину 19 января 1912 года, а это означает, что его должны были отослать из Праги в ходе работы конференции. В тот же день полковник переслал его шифротелеграммой своему руководству в Петербург. В донесении было сказано, что по информации, полученной агентурой, делегатам, едущим на конференцию социал-демократов, давался следующий нелегальный адрес: Прага, Гибернская улица, № 7, войти во двор, в конце двора стоит дом, по лестнице подняться на второй этаж к дверям с надписью "Администрация", где спросить Яхима Гавлену и сказать ему пароль. Также сообщалось, что схематический план к названному адресу направляется почтой...

– Даже трудно в это поверить...

– Согласен, но это еще не все. У полковника Заварзина, видимо, были и другие донесения от обоих своих агентов, на основе которых он составил обобщающую информацию для своего петербургского начальника Зуева. В ней говорилось: "Местом проведения конференции был выбран, как это указывалось и в предыдущих сообщениях, чешский город Прага. Заседания проходили в здании чешских профсоюзных организаций, находящемся во дворе дома № 7 по Гибернской улице, которое чехи любезно предоставили в распоряжение руководителей конференции. Всех заседаний было 23, работа велась утром и вечером. Днем открытия конференции было 6 января с.г., окончилась она 17-го. В конференции принимало участие 18 человек, из них 15 имели право решающего голоса, а остальные трое – с совещательным голосом. По составу своих участников конференция имела

исключительно большевистский характер, поскольку на ней не было делегатов других соц.-дем. организаций (бундовцев, поляков, латышей) и представителей других, небольшевистских фракционных течений в РСДРП. Два меньшевика (из Екатеринослава и Киева), которые, несмотря на официальный отказ Плеханова, участвовали в конференции с преобладающим большинством большевиков, были совершенно изолированы и влияния на ход конференции иметь не могли".

– Это просто невероятно!

– И все же это правда. Во всем этом весьма подробном донесении лишь несколько неточностей: делегатов с решающим голосом было 14, а не 15, как сказано в нем, конференция была открыта не 6 января, а 5 января... Именно эта вторая ошибка могла бы свидетельствовать о том, что автором донесения, скорее всего, был Малиновский, который приехал в Прагу с некоторым опозданием и мог напутать в количестве рабочих дней.

– Там стоит какая-нибудь дата?

– Разумеется. Донесение датировано 27 января 1912 года и адресовано начальнику департамента полиции Нилу Петровичу Зуеву. В нем указывается, что оно направляется в дополнение к телеграмме от 19 января № 289022 и к рапорту от того же числа № 291619.

– Как это донесение звучит целиком?

– Начало я уже цитировал, далее в нем указывается, что по месту своего делегирования участники конференции делятся следующим образом:

1) из Санкт-Петербурга – два большевика: "Фома" и "Степан", оба рабочие-металлисты;

2) из Москвы – три большевика: "Филипп" и приглашенный им делегат Григорий Зиновьев из-за границы, оба представляют Московский комитет, а также "Константин" как представитель "профсоюзных рабочих организаций";

3) из Тулы – большевик "Жорж", делегированный местной социал-демократической группой;

4) из Екатеринослава – меньшевик "Савва", или "Савка";

5) из Киева – меньшевик "Виктор";

6) из Николаева – большевик "Ерема";

7) из Вильно – большевик "Матвей", направленный местной организацией;

8) из Казани – большевик "Павел";

9) из Саратова – представитель интеллигенции "Валентин";

10) из Баку – большевик "Тимофей";

11) из Тифлиса – большевик "Серго".

Далее сообщается, что, кроме поименованных, ожидаются также делегаты и из некоторых других городов империи, таких, как Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Умань и т.д.

Пятнадцатым участником конференции с правом решающего голоса был Ленин, с правом совещательного голоса в заседаниях приняли участие Александров, Каменев и распорядитель "Альберт". Несмотря на протест екатеринославского делегата, пишется в донесении, участники признали свое заседание в качестве общепартийной конференции, провозгласив ее высшим руководящим партийным органом в данный момент, и приняли ряд резолюций, наиболее важными из которых являются такие и такие... После этого в донесении перечислены все резолюции, принятые Пражской конференцией.

– Просто удивительно.

– Да... В донесении также сказано об отдельных решениях и постановлениях, например о работе партии в предстоящий предвыборный период, о помощи голодающим, о финансовом положении партии. Затем там говорится, что тайным голосованием был избран новый состав Центрального комитета в количестве семи человек: Ленин и Зиновьев, которые и в дальней-

шем останутся за границей, а также делегаты конференции "Тимофей", "Серго", "Филипп", "Виктор" и "Константин".

– Этот "Серго"...

– Это Орджоникидзе. А под псевдонимом "Александров" скрывался доктор Семашко, Пятницкий же выступал как "Альберт".

– А "Виктор"? Ведь это как будто меньшевик? По крайней мере в списке он приведен под номером пять как меньшевик из Киева.

Правильно. И в донесении говорилось, что избрание меньшевика "Виктора" явилось уступкой общественному партийному мнению, как доказательство того, что конференция не имела характера исключительно фракционного собрания.

– А "Константин"?

– О нем упоминается в другом полицейском документе о конференции, датированном 9 февраля 1912 года. Этот документ, опять же секретный, разделен на несколько частей. Первый раздел, посвященный слежке за делегатами конференции, содержит описание того, что происходило до ее начала,– как проводились выборы делегатов, как Российская организационная комиссия выдавала им средства на дорогу, как они получали явочные адреса, хотя до самого конца так и не знали места проведения конференции. Здесь говорится о технике переправы делегатов через границу это было возложено на "Альберта",– затем здесь же приводится адрес, куда должны были делегаты обращаться в Лейпциге: Сидонинштрассе, 30, Владимир Михайлович Загорский, которому нужно было сказать пароль: "Аус металл" и "От Пети". Оттуда делегаты ехали в Прагу, где, как говорится в донесении, в случае, если в момент приезда на вокзале никого не окажется, нужно было как можно быстрее идти на Гибернскую улицу, дом номер 7, войти в редакцию газеты "Право лиду" и спросить Яхима Гавлену,

который даст дальнейшие указания.

Во втором разделе полицейского сообщения, названном "Участники конференции", приведены подробные характеристики отдельных делегатов.

– А как с Онуфриевым? Что сказано о нем?

– Он приведен вторым по счету: «"Степан", соц.-дем., большевик, около 25–27 лет, среднего роста, худой, бледное продолговатое лицо, темно-русый, коротко остриженный, без бороды, маленькие усики, вид типичного фабричного рабочего, родом из Смоленской губернии, токарь Обуховского завода. В конце ноября или в первые дни декабря 1911 года, уже после его отъезда за границу, в его квартире недалеко от Невской набережной был произведен ночной обыск... Указано, что он отличается исключительной сметливостью и основательно знаком как теоретически, так и практически с методами партийной работы. Уравновешенный, спокойный, весьма заинтересовал Ленина; его выступления на конференции выслушивались с исключительным и неослабевающим вниманием...»

– Но о том, где он жил с Лениным, ничего нет?

– Нет, ни у одного делегата не указан его тогдашний адрес. Царскую полицию это не интересовало. Однако слова "весьма заинтересовал Ленина", безусловно, говорят о многом...

– А другие характеристики?

– Есть и другие, хотя бы Зиновьева: известен полиции как Овсей, Гершон, Аронов, Радомысльский, приглашен "Филиппом" представлять на конференции другого делегата московского подполья. Дается описание: 35–37 лет, среднего роста, полный, круглолицый, темно-русый, без усов и бороды, внешность актера.

– Эти последние два слова чрезвычайно интересны, особенно с учетом того, что разыгралось потом. Я имею в виду отход Зиновьева от Ленина.

– Безусловно... В донесении также говорится, что

первые делегаты начали появляться в Лейпциге уже в ноябре 1911 года, а в начале декабря того же года в Праге собралось восемь человек. Здесь они получили все материалы, касающиеся подготовки конференции. Не дожидаясь официального открытия конференции, эти делегаты выбрали своим руководителем "Степана", приехавшего из Петербурга, провели отдельные рабочие встречи, просмотрели весь представленный им материал, выработали ряд резолюций (естественно, в общих чертах) и от имени собравшихся разослали приглашения на конференцию другим группам социал-демократической партии (полякам, латышам, бундовцам), за исключением явно ликвидаторских элементов. Таким образом они пытались предотвратить возможные протесты.

– То есть?

– Чтобы предстоящая конференция не была названа фракционной. Поэтому были приглашены и те, о которых заведомо было известно, что они не согласятся с Лениным. Когда Владимир Ильич прибыл в Прагу, то сначала он не очень-то похвально отнесся к этим действиям из опасения, как бы это не нарушило нормальный ход конференции. Хотя все равно никто из приглашенных не приехал, тем не менее потом у них не было оснований для протестов против того, что Пражская конференция была проведена за их спиной – ведь они могли приехать...

– Теперь я понимаю, почему Ленин выбрал своим соседом по комнате именно Онуфриева. Это был инициативный, решительный человек...

– Тут говорится еще об одной интересной вещи, что делегаты "Тимофей", "Константин" и "Жорж" прибыли на конференцию позже. Известно, что осведомитель, сообщивший обо всем полиции, также приехал позже и был из Москвы.

– Кто же из этих троих был из Москвы?

– "Константин"... В конце полицейского материа-

ла обращается внимание на то, что в случае, если эти факты будут переданы в департамент полиции только из московского отделения охранки, то использование этих данных следовало бы разрешить лишь по истечении определенного периода времени, чтобы не поставить под угрозу источник информации.

— Понятно. Шеф московской охранки полковник Заварзин, получивший подробную информацию о Пражской конференции от "московского делегата", опасался, как бы большевики не установили, что его "источник информации" исходит из Москвы. Однако вопреки своему желанию этой заключительной фразой он "засветил" московского делегата Малиновского.

— И что же предприняла полиция?

— Через какое-то время она попыталась арестовать участников конференции. Об этом, в частности, свидетельствует предписание начальнику саратовского управления от 26 февраля, в котором писалось, что, как стало известно из департамента полиции, с 6 по 17 января с. г. в Праге проходила конференция РСДРП большевистской ориентации. Среди участников конференции был делегат из Саратова, представитель интеллигенции большевик "Валентин". В этой связи департамент полиции просит сообщить ему место нахождения делегата и все имеющиеся в распоряжении данные.

— Да, положение оказалось неважным.

— Чего уж хорошего. Хотя и не столь уж безвыходным. В полицейской информации было много неточностей и пробелов. Взять хотя бы ошибочное указание времени приезда первых делегатов в Прагу. Вспомним, что Пятницкий в своем письме, которое я цитировал, сам утверждал, что только в середине декабря получил сообщение от Натана о приезде первых четырех делегатов. И дальнейшие ошибки: например, количество участников и так далее. В общем, забота Ленина о конспирации оказалась полезной, и она настолько затруднила работу осведомителей, что

некоторые их донесения неизбежно оказались неверными.

– Согласен, но если мы доведем мысль до конца, то, с другой стороны, сам факт этих донесений означает, что агенты должны были иметь связь с пражской полицией, – рассуждает Иржи. – Учитывая, что из Праги посылалась столь секретная и подробная информация, исключается, что это делалось частным образом с главпочтамта.

– Ты прав.

– Одновременно из этого вытекает, что Гавлена и Шкатула ошибались, считая, что полиции ничего не было известно.

Но это была не их вина. Чешские организаторы сделали все, чтобы сохранить конференцию в тайне. Чтобы проверить, насколько много (или мало) об этом говорилось в руководстве партии, мы обратились к протоколам заседаний Исполнительного комитета социал-демократической партии.

Это оказалась настоящая книга в твердом темном переплете с темно-зеленым корешком, в центре школьная наклейка с каллиграфической надписью: "Протоколы". Первая запись относилась к 14 ноября 1907 года. Наше внимание привлек в первую очередь протокол внеочередного заседания, состоявшегося 29 сентября 1908 года:

"...товарищи социал-демократы из русской Польши намерены организовать в Праге в течение ноября свой съезд. На съезде будет 30–40 товарищей, он продлится 6–7 дней. Через тов. Розу Люксембург они спрашивают, можно ли рассчитывать на Прагу. Решено, что осуществим необходимые приготовления. Покроем возможные расходы на жилье и др. Записал Бруга".

Иржи вопросительно смотрит на меня:

– Но это ведь не "наша" конференция?..

– Нет, эта состоялась в 1908 году, и ее проводили, как мы только что прочитали, социал-демократы из

русской части Польши.

В "Протоколах" еще дважды упоминается об этой конференции. В шестидесятой записи о заседании Исполкома партии от 5 ноября 1908 года говорится: "С сообщением о съезде русских товарищей выступает т. Бруга. Съезд будет проходить в Рабочем доме. Подробности были обсуждены с представителем русских товарищей. Решено в небольших гостиницах договориться насчет размещения. Участников будет около 45–50..."

И наконец, последней является запись о заседании Исполкома от 13 декабря 1908 года: "Решено за период съезда выплатить т. Гавлене суточные в размере 6 крон в день".

Листаем эту толстую книгу дальше.

Когда добираемся до записей конца 1911 года, замедляем темп. Иржи предупреждает:

– Помедленнее, ничего не пропусти.

Антонин Немец получил письмо от Ленина с просьбой об организации конференции примерно в середине ноября, значит, тогда же он должен был доложить об этом Исполкому. Но, несмотря на то что мы трижды просмотрели ноябрьские и декабрьские записи, так ничего и не нашли о большевистской конференции в отличие от конференции 1908 года, о которой неоднократно говорилось на заседаниях Исполкома.

Читаем дальше, теперь уже протоколы от января 1912 года. Опять ничего. К пожеланию Ленина сохранить конференцию в тайне отнеслись всерьез. Хотя тут говорилось, по-видимому, о многом, но в протоколы не проникло ни слова.

– Стоп! – вдруг закричал Иржи. – Посмотри... вот тут.

На странице 176 книги "Протоколы" в записи о заседании Исполкома партии, состоявшемся 31 января 1912 г. в Праге в помещении секретариата, говорится: "Присутствовали товарищи Немец, Шмераль, Стивин,

Махач, Петрах, Стейнерова, Теска и Бруга. На заседании председательствовал т. Шмераль... Решено покрыть из партийной кассы расходы, связанные с пребыванием товарища Главачека в Чехии, а также расходы по съезду русских товарищей. Краевой комитет в Чехии представит казначею партии подробные счета о расходах".

И ничего более.

– Если ты не забыл,– напоминаю Иржи,– в газете за декабрь 1911 года мы обнаружили упоминание о том, что редактор Йозеф Франтишек Главачек был здесь гостем декабрьского съезда партии. Он приехал из Америки как представитель местных чешских рабочих кругов.

Вновь перечитываем имена людей, участвовавших в тот день в заседании Исполкома. Все они должны были быть посвящены в секреты организации конференции... Председательствовал Богумир Шмераль. Здесь был и Стивин, тот самый, который летом 1917 года написал ту самую статью. Поэтому он и знал подробности...

Восемь человек. Был ли среди них кто-нибудь, кто мог оказаться предателем, связанным с пражской тайной полицией? Трудно сказать, однако ясно одно, что донесения, которые переправляли в Москву оба осведомителя, участвовавшие в конференции в качестве делегатов, были настолько подробными, что никто из чехов не мог бы знать обо всех этих деталях. Малиновский и Романов должны были иметь прямую связь с пражской полицией, которая и предоставила им возможность посылать сообщения еще в ходе работы конференции.

– Давай попробуем найти счета о расходах, которые должен был представить краевой комитет,– предлагает Иржи. – Там могут оказаться гостиничные счета, которые бы нам подсказали, где жили делегаты.

Опять тишина, пока я листаю страницы. Но напрас-

ный труд – никаких счетов не сохранилось.

– Мне лично кажется, что самым важным во всем этом деле является следующее. Хотя полиция и узнала о конференции, она не смогла воспрепятствовать принятию здесь важнейших решений. В конечном счете она не сумела помешать тому, чтобы Пражская конференция открыла новый этап в развитии рабочего движения. И хотя по доносу обоих осведомителей многие делегаты по возвращении в Россию были арестованы, это не могло остановить подпольную работу русского пролетариата. Арестованных заменили другие, и борьба продолжалась...

– А что сталось с агентами?

Они оказались в незавидном положении. С одной стороны, чтобы выслужиться перед полицией, они должны были поставлять подробные и точные донесения, с другой стороны, чтобы не выдать себя, им приходилось помогать партии в распространении марксизма. Впрочем, рано или поздно все они были разоблачены, и после Октябрьской революции их настигла заслуженная кара. Они закончили, как любой предатель...

Но теперь вернемся к рассказу Онуфриева, продолжение которого не менее интересно.

26

"Вскоре после приезда в Прагу мы, четверо делегатов, разместившихся в одном гостиничном номере, после плотного обеда уселись за небольшим шахматным столиком. Двое играли, двое наблюдали за жаркой схваткой, развернувшейся на шахматной доске. Все были так увлечены игрой, что никто не обратил внимания на тихий стук в дверь, не заметил, как в

комнату кто-то вошел.

– Ну, теперь, кажется, белым крышка!– услышал я над самым ухом чей-то голос, показавшийся мне таким знакомым.

Все обернулись в сторону произнесшего эти слова. Это был Ленин. Мы вскочили со своих мест и плотным кольцом обступили Ильича. А он стоял у шахматного столика и с характерной для него улыбкой пожимал протянутые к нему руки. И тут же начал анализировать неудачную позицию товарища, игравшего белыми фигурами.

– Во-первых, вы опоздали с рокировкой,– сказал он. –А во-вторых, зачем было ходить слоном? Надо было вот сюда поставить ферзя.

Но нас уже не интересовали шахматы... За шесть лет, прошедших после того памятного дня, когда я слушал Ленина, он сильно изменился, но не узнать его было нельзя. Все те же лучистые, прищуренные глаза, громадный лоб, резкие, порывистые жесты и необыкновенная простота в обращении с людьми.

Ленин сразу же засыпал нас вопросами. Каждого из нас он спросил о семье, о заработках. Владимир Ильич интересовался настроением рабочих, спрашивал, чего они ждут от конференции. Ленин умел расспрашивать и умел слушать. Он спрашивал только о том, что его больше всего интересовало в данный момент. Энергичный, бодрый, жизнерадостный, он как-то сразу сблизился с нами, и нам казалось, что мы близко знаем Ильича уже долгие годы, и мы чувствовали себя с ним совершенно непринужденно, как с самым близким товарищем.

Побеседовав с нами и предупредив, чтобы мы и здесь, в Праге, соблюдали все меры предосторожности и называли друг друга только по кличкам, Ленин ушел. Но примерно через час зашел к нам снова и, как только закрыл за собой дверь, сказал:

– Товарищи, я хочу познакомить вас с тезисами

своего доклада на конференции.

Он тут же вынул из кармана небольшие листки бумаги, исписанные мелким почерком, и стал читать. Мы слушали Ильича с большим вниманием, и у нас создавалось такое впечатление, что он объехал всю Россию, побывал на заводах, в крестьянских хатах и со всеми разговаривал и все видел собственными глазами, — так глубоко и правдиво отразил он в тезисах заветные думы и чаяния широких народных масс. Это были тезисы ленинского доклада о современном моменте и задачах партии, который был сделан через несколько дней на конференции.

Когда Ленин закончил чтение, мы некоторое время сидели молча, находясь под сильным впечатлением ленинских слов. Молчал и он и лишь легонько постукивал карандашом по столу и внимательно всматривался в наши лица, как будто желая прочесть на них, что мы думаем о его тезисах. Наконец кто-то из нас нарушил молчание. Несколько робко он заметил, что, по его мнению, один из пунктов тезисов не совсем ясен.

Ленин быстро повернулся к говорившему, попросил его более конкретно изложить свою точку зрения и стал внимательно слушать. Когда товарищ объяснил, почему ему не совсем нравится этот пункт тезисов, Ленин сказал:

— А ведь вы действительно правы. Этот пункт надо изменить.

И тут же сделал какую-то поправку, и было видно, что он очень доволен, что это сделано по совету одного из делегатов.

Когда беседа закончилась, Ленин сказал, что в гостинице жить нам нецелесообразно. Какая же это конспирация, говорил он, если мы будем жить у всех на виду? Ленин говорил, что нам надо рассредоточиться по разным местам. Он сообщил, что чешские товарищи позаботились об этом и подыскали для нас

надежные квартиры у своих людей.

Позтому примерно за два дня до открытия конференции Владимир Ильич и часть делегатов переселилнсь из гостиииц на частные квартиры. Я же на несколько дней еще остался в гостинице. Хотя квартнра Ленина была довольно далеко от моей гостиницы, я навещал его.

Однажды вечером Владимир Ильич зашел к нам в комнату и сказал:

– Один из товарнщей должен поселиться вместе со мной.

Для нас зто было полной неожиданностью, н сразу встал вопрос, кому жить вместе с Лениным. Решить зтот вопрос было не так-то просто, ибо каждому хотелось быть вместе с Ильичем. Разгорелись споры. Кто-то предложил броснть жребий. Ленин не вмешнвался в зто и только хитровато следил за тем, что у нас делается. Не помню точно, кому выпало по жребню жить вместе с Ильичем, но, кажется, Павлу, и он радостно закричал:

– На мою долю выпало, на мою долю!

Ленин взглянул на восклнкнувшего с улыбкой н шутливо заметил:

– Э, нет, батенька, вы же большой анархист по натуре. Боюсь, не поладим.Со мной вот пойдет Степан.– (Это была моя новая партнйная клнчка.)

Все былн в недоумении, почему Леннн выбрал именно меня, а не кого-либо другого. А причина заключалась в том, что я был простой рабочий н представлял пролетариат такого крупного промышленного центра, как Петербург. Ленину хотелось поблнже познакомнться со мной, чтобы подробнее расспроснть о петербургских рабочих, их жнзни, о состоянии партийных организаций Петербурга. Помню, как оживлялся Владнмир Ильнч, когда я рассказывал ему о настроениях рабочих Обуховского завода, об обуховских большевнках н их борьбе с лнквидаторами.

Поселились мы с Ильичем в квартире чешского рабочего, занимавшего две комнаты. В первой из них, являвшейся проходной, жил сам хозяин с женой и дочкой лет четырех, а следующую комнату занимали мы с Владимиром Ильичем. Это была небольшая, чистая, светлая комната с двумя окнами, выходившими на улицу. Справа от двери вдоль стены стояла кровать, на которой спал Ильич, за ней, у той же стены в одну линию с кроватью Ильича,– моя кровать. Напротив моей кровати стоял небольшой квадратный стол, за которым мы завтракали и ужинали (обедали в столовой). За этим же столом Владимир Ильич работал. В комнате стоял также комод, было несколько венских стульев.

Память моя не сохранила ни названия улицы, на которой помещался дом гостеприимного чешского рабочего, ни номера этого дома. Он находился примерно в пятнадцати минутах ходьбы от здания, где проходили заседания конференции. Я хорошо помню, что, выйдя из этого здания, мы с Владимиром Ильичем поворачивали налево и шли по правой стороне Гибернской улицы, затем сворачивали направо, на первую же улицу, которая шла параллельно какой-то насыпи. В конце этой улицы мы поворачивали направо в переулок, а затем, повернув налево, выходили на улицу, на правой стороне которой стоял тот дом, где на втором этаже была наша квартира. Недалеко от этого дома на противоположной стороне улицы находилась аптека. Вход в дом был со двора. Еще одна запомнившаяся мне примета: на второй этаж, непосредственно в нашу квартиру, вела железная лестница, расположенная снаружи, вдоль стены дома. Поднявшись по лестнице, мы попадали на открытую железную площадку, дверь с которой вела прямо в проходную комнату, где жили хозяева. Никакого коридора или прихожей не было.

И еще три подробности: на другой стороне улицы,

как нам было вндно нз окна, простиралась незастроенная площадка, свободное пространство... Посредине нашей улицы, точнее, посреди мостовой, стоял, кроме того, большой дом, как бы деливший улицу надвое... И наконец, третье: иногда по ночам до нас доносился стук поездов — очевидно, где-то поблизостн проходила железная дорога.

Поселнвшнсь вместе с Лениным, я впервые увндел его в домашней обстановке. Владимир Ильич был удивнтельно мягок, внимателен и деликатен в отношениях с людьми. Как он умел расположить к себе рабочего человека, увлечь его, вдохнуть в него знергию и веру в победу! Исключительную заботу Ленина повседневно ощущалн все делегаты конференции.

В борьбе с царской полицией Ленин научился быть всегда настороженным и бдительным. Эти качества он воспитывал у всех своих товарнщей по революцнонной работе.

Однажды, возвращаясь нз булочной, я увидел, что какой-то субъект усердно фотографирует соседнні дом. В разговоре с Ильичем я между прочим, невзначай упомянул об зтом. Леннн сразу же отложил бумагу, быстро поднялся нз-за стола:

— Где, где, Степан? Какой дом?— резко спросил он, подходя к окну. И тут же решил, что нам с ним не следует вместе ходить на конференцию.

— Почему, Владимир Ильич? — удивился я.

— А очень просто,— сказал Ленин. — Еслн меня сфотографируют и мой снимок будет помещен в газете, зто еще полбеды. Но если и вы вместе со мной попадете на фотографню, то вам будет очень худо: наверняка попадетесь в лапы полиции.

По воскресным дням заседанні конференцнн не было, н у Владимира Ильича было больше времени для прогулок, которые он очень любил. В любую погоду, пользуясь каждым свободным часом, он уходил побродить по улицам Прагн. Ленину очень нравился

этот город. Иногда Владимир Ильич приглашал с собой на прогулку и меня. Эти прогулки проходили в оживленных разговорах. Ленин с увлечением рассказывал о Праге, о ее достопримечательностях, об исторических памятниках. И я не стеснялся спрашивать его обо всем, что меня интересовало.

— Владимир Ильич, почему эта площадь называется площадью Крестоносцев?— спросил однажды я.

И Ленин коротко и ясно рассказал мне об истории крестовых походов, их целях и результатах. В другой раз, когда мы были на горе Святого Лаврентия, Владимир Ильич рассказал, почему воздвигнутая там зубчатая стена названа Стеной голодающих. И так каждый раз я узнавал о Праге что-нибудь новое, и передо мной вставала живая история чешского народа.

Во время прогулок Ленин задавал много вопросов и мне. Он расспрашивал о том, как живут петербургские рабочие, как петербургские большевики используют в своей нелегальной работе легальные организации, страхделегатов и т. д.

Возвращаясь с конференции, я обычно заходил в лавку купить на ужин булку, сливочного масла и сыру. Выпив чаю или кофе с булкой, маслом и сыром, Владимир Ильич устраивал обычно отдых в десять-пятнадцать минут. Этот отдых был своеобразным – он состоял в том, что Владимир Ильич, сосредоточенный, серьезный, ходил взад и вперед по комнате, заложив большие пальцы рук за проймы жилета. Затем он садился за стол и начинал работать. Он быстро просматривал газеты, часто делая на полях пометки. Меня поражала работоспособность Ленина. Помню, как, вернувшись однажды с конференции после восьмидесятичасовой напряженной работы, Владимир Ильич, выпив стакан чаю с бутербродом и походив минут десять по комнате, сел за стол и, повернувшись ко мне, сказал:

— Вы, товарищ Степан, отдохните или почитайте, а

я немножко поработаю.

Но что означало это "немножко"? Владимир Ильич просмотрел в этот вечер кипу журналов и газет, подчеркнув и отметив нужные места, а затем, вооружившись пером, начал писать и работал до глубокой ночи. А наутро как ни в чем не бывало пошел на конференцию.

По пути на конференцию, когда мы ходили еще вместе, Ленин иногда заходил в кофейню. Здесь Владимир Ильич заказывал себе и мне по чашке кофе и принимался что-то писать. Затем вкладывал исписанный листок бумаги в конверт, вручал мне и говорил:

– Прошу вас, Степан, опустите это, пожалуйста, в почтовый ящик.

Вынужденный длительное время находиться в эмиграции, Ленин глубоко тосковал по России, по родной русской природе. Он любил вспоминать о Волге, о русской зиме, о трескучих русских морозах. Как-то, придя с конференции и отдохнув несколько минут, Владимир Ильич оделся и сказал мне:

– Я немножечко пройдусь по воздуху, Степан.

Время шло, а Ленин не возвращался. Я уже начал беспокоиться. Наконец Владимир Ильич пришел. Был уже поздний час. Я притворился спящим, и Ленин, чтобы не потревожить меня, прошел по комнате на цыпочках, тихо разделся и лег в кровать. На другой день у него начался сильный кашель. Я дал знать об этом тов. Александрову (Семашко), который по специальности, как известно, был врачом. Тот немедленно прибыл к нам на квартиру и установил у Ильича простуду.

– Владимир Ильич, у вас температура,– сказал он,– и вам никак нельзя идти на конференцию.

– Нет, нет, я пойду,– решительно заявил Ленин. – Я не могу не идти на конференцию, и вы мне, пожалуйста, не мешайте. Я должен проводить конференцию.

Только потом, значительно позже, нам стало

известно происхождение простуды Владимира Ильича. Оказалось, что в тот вечер он был на катке и катался на коньках в одном пиджаке. Я сбегал за лекарством в ближайшую аптеку, которая находилась на той же улице, где мы жили. Насколько я помню, в эту аптеку вели ступеньки с перилами...

Строгая конспирация, при которой проходила конференция, не позволяла нам широко общаться с чехами. Тем не менее все мы чрезвычайно интересовались жизнью и революционной борьбой чешского народа. Мне часто приходилось беседовать с хозяином квартиры – рабочим-багетчиком. По крайней мере я так предполагаю.

На мой вопрос, что он делает, он тут же снял со стены картину и показал мне ее... Это был высокий, худощавый добродушный молодой человек лет 28. Хотя мы и разговаривали на разных языках, но с помощью жестов и скудного запаса чешских слов, которым я научился в короткий срок, мы все же кое-как понимали друг друга. Надо полагать, что хозяин нашей квартиры был причастен к социал-демократическому движению. Он показывал мне фотокарточку и объяснял, что на ней изображена группа чешских социал-демократических работников, и среди них я узнал Г. В. Плеханова.

Чехи чрезвычайно внимательно и дружественно относились к нам, русским людям. Вспоминается такой случай. Однажды мы, трое делегатов, пошли в город и не знали, как пройти на какую-то улицу. Кто-то из нас на ломаном немецком языке обратился к стоявшему на углу чеху.

– Нерозумим,– ответил тот.

Тогда один из делегатов заговорил по-польски, а мы помогали ему по-русски. Чех, поняв, что мы русские, сразу преобразился, стал улыбаться и охотно проводил нас на ту улицу, которая нам была нужна, хотя это оказалось не так близко.

Живо интересовался жизнью чехословацких трудящихся Владимир Ильич. Он несколько раз встречался с А. Немецем – одним из руководителей чешских социал-демократов. А. Немец часто заходил в столовую, где мы обедали, и подсаживался к Владимиру Ильичу, который всегда сидел на одном и том же месте, у окна, с газетой в руках. Лидер чешских социал-демократов очень уважал Ленина и с большим интересом следил за работой конференции. Ленин был признателен Немецу за его хлопоты по устройству в Праге русской партийной конференции и всегда охотно с ним беседовал, рассказывал о работе конференции, расспрашивал его о революционной борьбе чешских рабочих.

На столе у Ленина среди газет и книг я видел чешско-русский словарь. Ленин часто пользовался им. Я видел, как он что-то выписывал из словаря на небольшие клочки бумаги.

Ленин был очень ласков с хозяйской девочкой. И ее всегда влекло к Владимиру Ильичу. В свободные минуты он возился с ней, брал ее на руки, качал на коленке, заразительно хохотал вместе с девочкой.

Как раз в дни, когда проходила наша конференция, в Праге гастролировал известный в то время русский оперный артист, фамилию которого я, к сожалению, не помню. С его участием на сцене Пражского театра шла опера Чайковского "Евгений Онегин". Роль Онегина в чешском спектакле исполнял русский артист. Узнав об этом, Владимир Ильич сказал мне, что надо непременно сходить в театр. И вот в один из вечеров группа делегатов вместе с Лениным отправилась в театр на представление "Евгения Онегина". Спектакль прошел с большим успехом. Публика с исключительным восторгом встретила выступление русского певца. Ему горячо аплодировали, несколько раз вызывали на сцену, преподносили цветы. Много и горячо аплодировал ему и Владимир Ильич. Не отставали от него и

другие делегаты. Все находились в возбужденном состоянии и громко вызывали понравившихся артистов, кричали: "Браво!", "Бис!"

Заседания конференции проходили в доме № 7 по Гибернской улице, в помещении Народного дома. Здесь находились тогда типография и экспедиция чешской социал-демократической газеты "Право лиду". Сюда каждый день приходило множество всевозможных посетителей, и делегаты конференции были среди них не так заметны. Для того чтобы попасть в зал, нужно было пройти через двор, который со всех сторон обступали каменные дома. Обстановка зала, где проходила конференция, была чрезвычайно простой и скромной: несколько неказистых столов, простых стульев, железная стоячая вешалка, книжный шкаф, этажерка, на которой стоял бюст Карла Маркса, – вот, пожалуй, и все.

Навсегда останется в моей памяти незабываемая картина открытия конференции.

Ее открыл Ленин. Он приветствовал собравшихся делегатов и в яркой, волнующей речи наметил задачи, стоявшие перед конференцией, перед партией. Затем начались выступления делегатов. Ленин с исключительным вниманием слушал отчеты с мест и то и дело быстро записывал наиболее важное и интересное в своем блокноте. Как сейчас помню сидевшего на председательском месте родного и близкого Ильича. Он сидел, подперев голову левой рукой, в правой руке он держал карандаш. Очень хорошо запомнились серьезные, сосредоточенные лица Орджоникидзе и Спандаряна, сидевших вблизи от Ленина.

Никогда не забудутся горячие ленинские речи. Ильич выступал почти по всем вопросам, обсуждавшимся на конференции. Он говорил страстно и убедительно, уверенно отстаивая каждое положение. Особенно горячо выступал Владимир Ильич при обсуждении вопроса о ликвидаторах и ликвидаторстве. Он

предложил изгнать ликвидаторов из рядов партии, как проводников буржуазного влияния на пролетариат, и раз и навсегда покончить с формальным объединением с ними большевиков в одной партии.

На одном из заседаний Ленин предоставил слово мне – делегату петербургских большевиков. Сначала я очень волновался, но, видя ободряющее внимание Владимира Ильича, говорил все увереннее и увереннее. Я рассказал о фактах дикого контрреволюционного террора в Петербурге, о героизме питерского пролетариата, об оживлении партийной работы, о массовом митинге на Путиловском заводе в защиту томившихся в ссылке депутатов II Думы. Кто-то из делегатов с места бросил мне реплику. Не особенно искушенный в ораторских делах, я от неожиданной реплики запнулся. На помощь пришел Владимир Ильич.

– Товарищи, нельзя перебивать, дайте товарищу закончить. Продолжайте, продолжайте, товарищ Степан,– сказал он.

В своем выступлении я, между прочим, высказал пожелание, чтобы статьи в газетах писались более простым, понятным рабочему языком. Ильич поддержал меня. "Правильно, товарищ Степан, правильно!"– заметил он и записал себе что-то в блокнот. Известно, что в резолюции Пражской конференции "О Центральном органе", то есть о нелегальной газете "Социал-демократ", сказано, чтобы "статьи писались более популярно и доступно для рабочих".

На двадцать первом заседании конференция подошла наконец к последнему и чрезвычайно серьезному пункту повестки дня – к выборам Центрального Комитета партии. Выборы членов ЦК проходили тайным голосованием. Все делегаты подавали В.И. Ленину записки, в которых указывали, за кого они голосуют. Таким образом, только один Ленин знал, кто избран в члены ЦК: ему одному, своему вождю, вверили делегаты конференции это ответственное

дело. В целях конспирации результаты голосования не объявлялись, и Ленин каждого в отдельности извещал об избрании в члены ЦК, договаривался о связях, давал указания о практической работе.

На конференции царила подлинная ленинская деловитость, единство и сплоченность; заседания начинались в точно назначенное время, и продолжались до 8 часов вечера с перерывом на обед.

Владимир Ильич был настоящим руководителем и душой конференции. Если в чьем-либо выступлении он подмечал что-то неправильное, то умело, с исключительным тактом поправлял товарища. В перерывах между заседаниями Владимир Ильич подолгу беседовал с делегатами, расспрашивал их обо всем, о каждой мелочи, был очень внимателен и чуток, давал советы и указания. Характерно, что за короткое время работы конференции Ленин запомнил в лицо каждого делегата, и к каждому у него был свой собственный подход.

Пражская конференция продолжалась с 18 по 30 января 1912 года. Она имеет большое значение в истории Коммунистической партии Советского Союза.

По окончании конференции чешские социал-демократы устроили нам прощальный вечер. С речью на вечере выступил один из руководителей чешских социал-демократов – Немец. Он говорил по-немецки. Ленин переводил его речь для нас на русский язык. Между прочим, Немец в шутливой форме заметил, что, мол, "русские любят много заседать, поговорить". Ленин тут же ответил ему:

– Нет, нет. Это неверно! Русские мало говорят, очень мало. Все дело в том, что мы, русские революционеры, работаем в таких условиях, которые не позволяют нам часто собираться. А у нас столько неотложных вопросов!

Вскоре же после прощального вечера, устроенного нам чешскими социал-демократами, Ленин выехал в Лейпциг. Вслед за ним в Лейпциг направился и я, где

по указанию Владимира Ильича должен был ждать, пока не будут напечатаны резолюции конференции, чтобы захватить их с собой в Россию, зашив в жилет. Я снова поселился у товарища Загорского... Через несколько дней я уехал из Лейпцига. Вернувшись в Петербург, вместе с товарищем Орджоникидзе выступал с докладами об итогах Пражской конференции.

Вспоминая революционное прошлое, свои встречи с Лениным, я не могу не упомянуть еще об одном факте, который показывает, как трогательно заботился Владимир Ильич о простых людях. По заданию Ленина, как мне стало известно потом, товарищ Орджоникидзе записал адреса всех тех делегатов из рабочих, которые имели на своем иждивении семьи. По предложению Ильича всем семьям таких делегатов была оказана денежная помощь. По приезде домой я узнал, что моя жена получила 30 рублей. Это было очень кстати, так как, находясь на нелегальном положении, я долгое время не мог найти работу. Мы с женой и сейчас вспоминаем об этой заботе Владимира Ильича".

27

Сведения, почерпнутые из воспоминаний товарища Онуфриева, оказались для нас просто бесценными. В них было столько фактов, что найти по ним тогдашнее местожительство Ленина казалось пустячным делом. Стоило только пойти по Гиберлской улице, свернуть направо на первую же улицу, которая шла параллельно какой-то насыпи, в конце опять же взять направо в поперечную улицу, а потом повернуть налево – и вот мы уже стоим на улице, где по правой стороне должен находиться разыскиваемый нами дом.

Ну конечно же, все так удивительно просто. На

бумаге очень здорово получается, но только возьмите карту Праги и попробуйте сами... Попробуйте раз, два, три, четыре, потом немного отдохните и идите в пятый раз. Когда с картой в руке вы отправитесь в шестой раз, то не забудьте, что нужный вам дом – двухэтажный, а во дворе вдоль стены идет железная лестница. На седьмой раз ищите на этой улице и аптеку. Она должна быть чуть наискосок, и к дверям должно вести несколько ступенек с перилами.

Вы уже притомились? Что, ни у одной пражской аптеки, расположенной примерно в 15 минутах ходьбы от Народного дома, сегодня уже нет никаких ступенек?

В том-то и дело, что нет сегодня... Но полвека назад были! Вы говорите, что на Жижкове полно домов с железными лестницами, но ни одного нет там, где описывает Онуфриев? Согласен, но полстолетия назад этот дом определенно был.

Полвека назад... Прага в 1912 году! Представляете?

Разве по прошествии стольких лет имеет смысл искать дом с железной лестницей, когда его давно могли снести или перестроить? Найти иглу в стоге сена проще, потому что она там действительно есть, а кто может поручиться, что разыскиваемый дом еще существует?

По оконному стеклу стекают капли, рисуя разнообразные узоры. Над забрызганным грязью городом снеговые тучи висят настолько низко, что, кажется, остроиглые башни вот-вот проткнут серое небо.

Отвратительная погода и такое же настроение.

...Я сижу в кабачке, где назначена эта встреча. От долгого ожидания окурки от сигарет уже переполнили пепельницу.

Всему виной был случай, но с того момента мне следовало бы верить в везение. Мы встретились, слово за слово – и вот он сидит рядом со мной, и я слушаю. Громоздкая фигура Тауссига заполняет весь стул, а лицо с выставленной вперед бородой взволновано от

воспоминаний. Он рассказывает... н говорит такне вещи, которые никак не мог выдумать. Точнее, которые, видимо, не мог выдумать.

Он говорнт, что в 1912 году работал в редакции "Право лнду".

– Когда делегаты обедалн, я их обслуживал, разноснл содовую, пиво... а по вечерам иногда гулял с ннми по городу. Все зто я прекрасно помню. Они хотелн познакомиться с пражскими памятными местами. Однажды шел я с группой делегатов по Карлову мосту, они расспрашивали, я рассказывал, что знал. Ленин еще спросил о еврейской надписн...

– Какой надписн?

– На одном нз крестов можно увндеть слова: "Кодош, кодош, кодош..." Говорят, что его вынужден был поставнть в 1696 году один еврей в качестве штрафа за богохульство... Но зто предание, к тому же я не помню его точно. Может, все было и не так...

– Вы былн знакомы с Лениным?

– Тогда мы никого не зналн по нменам, лишь потом можно было по фотографням установнть, кто здесь, собственно, был... До начала конференцин я также ходил с делегатамн в магазнн Странского покупать нм одежду. Мы не платилн наличнымн, так как Странскнй за это помещал рекламу в социал-демократической печати.

– А как было с жильем?

– Этнм заннмался один Гавлена, ннкто в его дела не вмешивался, н он ничего ннкому не рассказывал. Я же несколько раз провожал Ленина к парнкмахеру Гаклу на Малой Стране, где он ночевал... В задней частн парикмахерской Гакла он еще как-то встретился с чешскнми соцнал-демократамн. Там былн Немец, оба Шмераля, затем Винтер, профессор Тошнер... Заведение Гакла размещалось на Жнтной улице. С Немецем он еще встречался у того на квартире... Сдается мне, что беседовал н с Антонином Мацеком, тем пролетар-

ским журналистом и поэтом, у которого была в то время самая обширная библиотека...

Через каждые несколько ночей делегаты меняли своих хозяев. Я только помню, как кто-то говорил, что Ленин жил еще у Войтеха Голечека на Жижкове... Возможно также, что он ночевал н в семье Нойманна. Это был механик нз типографни "Право лиду"...

Нужно быть осторожным, проверять сведения, сопоставлять нх. Поэтому я с недоверием посматриваю на пожилого человека. Правду ли он говорит? Может быть, он и гулял с делегатами и, работая в "Право лиду", знал, что тут находятся какие-то иностранцы, но чтобы провожать самого Ленина до места его ночлега?.. Трудно повернть... В то же время он уже несколько раз упомннает имя парикмахера Гакла, надо было бы сходить к нему, может быть, и он знает еще что-нибудь... Вдруг я вспоминаю н о Голечеке, и его надо найти. К кому раньше?

Иногда все решает случайность. Я отправился к Голечеку.

28

По адресной книге 1910 года в Праге в то время проживало несколько десятков человек с фамилией Голечек, среди них и такие:

Голечек Антонин, токарь, Прокопова улица, 15,

Голечек Эманузль, лакировщик, Таборитская улица, 6,

Голечек Франтншек, начальннк цеха, улица Штитного, 6,

Голечек Ян, столяр, Подебрадова улица, 76,

Голечек Войтех, нзвозчик, Гусова улица, 61,

Голечек Ян, каменщик, Гавличкова улица, 25,

Голечек Войтех, рабочий, Карлова пл., 319/3.

Из всех Голечеков нас интересовал лишь последний – рабочий с Карловой площади. Мы нашли того, кто нам был нужен... Хотя кое-что тут все-таки не сходилось. По рассказу старого работника редакции газеты "Право лиду", с которым я несколько дней назад разговаривал в закопченном кабачке, администратор "Право лиду" Голечек должен был жить на Жижкове, а между тем мы обнаружили его на Карловой площади.

От волнения кажется, что сердце стучит где-то в горле, а трамвай тянется, как нерадивый школьник, которому не хочется идти в школу. Наконец и Карлова площадь. Я выскакиваю и бегу к дому номер 319. Будет ли тут открытая галерея с железными ступеньками?

Я бегу по переулку, еще пару шагов, последние метры – и вот: есть галерея! И лестница! Идет вдоль стены и прямо с галереи ведет в квартиру. Победа...

Охватывает чувство особого удовлетворения, переходящее в радость и почти детское веселье.

– Минуточку, ведь Онуфриев говорил, что то был двухэтажный дом, а у этого целых пять. И еще – галерея с лестницей вдоль стены идет лишь с внутренней части дома, а снаружи, со стороны улицы, ничего нет...

Но вскоре прояснились и эти неувязки. Когда-то дом действительно был двухэтажным, но потом его хозяин надстроил еще три этажа. При этой перестройке с фасада, выходящего на улицу, была снята галерея, поэтому первоначальный вид дома, к которому мы были привязаны, сохранился лишь в его задней части.

– Нам тогда остается лишь установить, в какой квартире здесь жил Голечек,– констатирует Иржи.

Теперь все представлялось намного проще. Напротив дома № 319/3 расположена Карлова площадь, то есть незастроенное пространство, говоря словами Онуфриева. Недалеко и Влтава, где Ленин мог катать-

ся на коньках и простудиться, а если пройти немного по Вышеградской улице, то можно найти и аптеку "У спасителя".

– С лестницей?

– У главного входа нет, но вечером, вернее, в часы ночных дежурств в нее входили с соседней улицы, где была лестница.

– Не притянуто ли за уши такое объяснение? – с сомнением в голосе отзывается Иржи.

– Повременим пока с уточнением деталей, сначала надо установить главное: в какой квартире жил Голечек, то есть, собственно говоря, Ленин.

В адресной книге, разумеется, не был указан ни этаж, ни номер квартиры. Поэтому начинаю расспрашивать самых старых обитателей, но они ничего не помнят...

Остается последняя возможность: в конце 1910 года в Праге проводилась перепись населения и в тогдашних переписных листах должны быть указаны не только фамилия квартиросъемщика, но и его возраст, семейное положение, а также номер квартиры и этаж.

На следующий день отправляемся в бывшую дворцовую конюшню, в которой сейчас хранится часть архивов столичного города Праги. Надев халаты, входим в сопровождении работника архива в неприветливое, темное помещение, высокое и холодное. Вокруг полно запыленных кип бумаги, содержащих десятки тысяч листов с данными о более чем полумиллионе жителей. Сопровождающий улыбается и говорит:

– Где-то здесь и тот лист о Карловой площади, номер 319.

В этой фразе заключалась и веселая ирония, и часы работы, часы надежд и неопределенности. Нужно найти номер 319, номер 319, номер 319...

Поздно вечером заканчиваем работу, чтобы завтра приняться вновь.

На третий день находим.

Дело шло к обеду, когда перед глазами появилась нужная пачка бумаг, запыленная, как и все остальные. И вновь хотелось выкрикнуть: победа!

Развязываю истлевшую бечевку, пальцы нетерпеливо переворачивают листы, глаза быстро их просматривают. Наконец в руках лист, относящийся к дому № 319, теперь найти Войтеха Голечека... Колбасник, студент, кондитер... самые различные профессии и занятия... чиновник, пенсионер... но администратора нигде нет... Нет, но это невозможно, не надо спешить, надо успокоиться и просмотреть список еще раз. Медленно перечитываем фамилии различных людей и их профессии, подходим почти к концу, но администратора Войтеха Голечека все-таки нет.

Чувство разбитости, в голове пустота, полная прострация. Нет, здесь какая-то ошибка, пытаемся уговорить себя и быстро переворачиваем лист, чтобы еще раз убедиться, действительно ли он относится к дому номер 319.

Да, стоит № 319/3, где, в соответствии с адресной книгой за 1910 год, должен был проживать и Войтех Голечек. Но в этом доме жила лишь одна семья, которая отвечала описанию Онуфриева – дочка четырехпяти лет, муж тридцатилетнего возраста, который, однако, был кондитером.

В последний раз сверяем адрес Голечека, в последний раз проверяем переписной лист – Голечека там нет.

В чем же дело?

Как обычно, все объясняется просто. Да, Войтех Голечек действительно жил здесь. Но вышедшая в 1910 году адресная книга составлялась раньше, по крайней мере в 1909 году или в первой половине 1910 года. Голечек жил здесь примерно до 1909 года, у него могли тут быть и знакомые, но потом он переехал, и в период переписи населения, то есть в декабре 1910 года, примерно за тринадцать месяцев до Праж-

ской конференции, он уже тут не проживал.

Что же теперь делать?

29

В Музее Ленина в ответ лишь улыбнулись:

– Мы тоже пробовали идти этим путем, даже расспрашивали жену Войтеха Голечека...

– А почему не его самого?

– Войтех Голечек умер где-то в тридцатых годах. Это был прекрасный человек, надежный товарищ... Теперь его жена с охотой показывает различные предметы, которыми якобы пользовался когда-то Ленин. Горшочек какой-нибудь и тому подобное... От разговора с ней многого не обещаю, но попытайте счастья, вот ее адрес...

Я иду жижковской улицей, по обеим сторонам стоят мрачные дома с облупившейся штукатуркой – наследство прошлых лет... Узкие дворики, окруженные открытыми галереями с проржавленными перилами. Здесь, где видно все, что делается у соседа, у многих проходила вся их жизнь. Мостовая из круглых булыжников, по которым так здорово грохочет катящийся обруч, крутые подъемы и спуски улиц, которые долго тянутся и убегают куда-то туда, где, поднявшись на цыпочки, заглядывает в город голубое небо.

Старый Жижков.

Жижков облупившийся, отталкивающий, наполненный зловониями предместий. Жижков добры˘, честный, где в брожении созревала рабочая кровь. Трудно было назвать жизнью то, что происходило на окраине, где матери, которые часто не имели ничего, чтобы сварить обед, целый день проводили у корыта, где во дворах кричали оставленные без присмотра

дети, где в каменных мешках люди не видели ни листочка свежей зелени. Тут, на мусорных свалках окраин и на дровяных складах, в навечно закопченных закоулках и улочках, где играли дети, где уединялись влюбленные, здесь для большинства была не жизнь, а прозябание.

Ступеньки ведут наверх, и наконец появляется табличка с надписью: "Мария Голечекова".

В простой кухне за стеклом шкафа стояло два портрета: Владимира Ильича и Войтеха Голечека. Здесь даже днем горел свет, который своими отблесками озарял оба лица. Седая женщина начала рассказывать:

– Тогда я работала служанкой, это было давно, еще перед первой мировой войной... и заболел у меня глаз. Сначала, как это обычно водится, я лечила его по-домашнему, но становилось все хуже, и я вынуждена была пойти в еврейскую больницу. Возле меня лежала Анна Голечекова, у бедняжки был рак, и она уже едва двигалась. Мне было ее жалко, и иногда я за ней ухаживала. Ну вот, а к ней приходил ее муж Войтех Голечек, с которым я и познакомилась. Это был статный мужчина лет пятидесяти, мне же было немногим более двадцати. Через какое-то время после смерти жены он предложил мне выйти за него замуж. "Никто не утешит меня..."– говорил он. Понимаете, я была сиротой, он же был обеспеченным человеком, правда немного прихрамывал, но бедной девушке в моем положении было не до этого... Вот мы и сыграли свадьбу.

– А вы случайно не жили на Карловой площади?

– Там жил Войтех, но потом он переехал на Жижков и поселился на Рокицановой улице напротив аптеки, где и была свадьба. У меня еще сохранилось брачное свидетельство.

Она выдвигает ящик и вытаскивает пожелтевшие бумаги. Я беру одну из них и читаю вслух: "Войтех Голечек, администратор, 1860 года рождения, неверую-

щий, женился на Марии Пилзовой, частном лице, 1889 года рождения. Свадьба состоялась 10 апреля 1910 года в церкви Св. Климента. Проживали на Жижкове, номер 319, затем в 1911 году переселились на Благославову улицу, номер 6..."

– У вас были дети?

– У Войтеха от первого брака никого не было. У нас же родилась Павлинка, но умерла, когда ей было полтора года...

Я думаю о том, что это не соответствует воспоминаниям Онуфриева. Хотя Голечек и жил на Рокицановой улице напротив аптеки, но его ребенок умер слишком маленьким, еще не достигнув двух лет, а Онуфриев говорил, что девочке их хозяина было около четырех лет и что Ленин часто качал ее на колене... И потом, в 1912 году Голечеку уже было 52 года! Нет, это явно не то...

А старая женщина между тем продолжает:

– Это случилось на Благославовой улице. Однажды зимой 1912 года Войтех привел домой какого-то иностранца, сказал, что это – товарищ... Тот же ничего не говорил и ничего не объяснял. Он прожил у нас около трех дней, приходил всегда уже к вечеру. Я ему чистила ботинки, готовила завтрак, гладила одежду, а он был приветливый, всегда благодарил. С мужем они говорили по-немецки. Потом Войтех хотел поселить его к одному знакомому социал-демократу, который жил в гостинице на Штитной улице. Но у того было много детей, и ничего не получилось. Поэтому Голечек отвел его куда-то в другое место, куда – не знаю. И только потом Войтех рассказал мне, что у нас спал Ленин. Тогда мне это имя ничего не говорило, вы ведь знаете, он еще не был так известен...

Прощаюсь. До Благославовой улицы, где якобы все это произошло, совсем недалеко. Не думаю, что там обнаружится что-нибудь стоящее, и все-таки... Вскоре появляется номер шесть, но этот решительно

не подходит – лестница каменная н ндет не вдоль стены, а внутрь дома, и галерея не открытая, а застекленная.

Из дверей выходит старая женщина н с любопытством оглядывает незнакомого мужчину, который рассматривает нх дом.

– Будьте добры, эта лестннца всегда была здесь?

Старая женщина явно озадачена такнм вопросом, но все же отвечает:

– Когда-то она была деревянной, но всегда вела внутрь дома.

– А не жил ли здесь какой-ннбудь багетчик, который делал рамкн для фотографий и картин?

– Здесь нет, но мне кажется, в соседнем доме жил такой ремесленннк.

– Когда? Не перед первой мировой войной?

– Да что вы... Это было уже прн первой республике...

Я выхожу нз дома. Иржи тем временем с интересом рассматривает улнцу. Она довольно короткая, круто спускается вниз, а наверху завершается высоким домом.

Дует холодный ветер.

– Неплохо бы чем-нибудь согреться...

Я не возражаю. Ближайшая пивная оказалась как раз в том высоком доме, расположенном в десятке метров. Мы н направилнсь к нему. Хотя он и облуплен, на крыше торчит несколько телевизионных антенн. В этот момент Иржн хватает меня за рукав:

– Смотри. – Он взволнованно показывал наверх. Над нашимн головами, на стене сразу же над последним этажом четко проступало единственное слово: "Петроград".

– Что бы это значило?

Не знаю. Входим внутрь, где прнятно тепло. Удивленный сначала нашим вопросом, офнциант затем охотно объясняет:

– Да, эта пивная раньше называлась "Петроград". Откуда появилось это название, не знаю. Но эта надпись существует наверху вот уже много лет...

Мы благодарим и уходим.

Удивительными, просто удивительными бывают иногда случайности. Пивная "Петроград"– единственная с таким названием во всей Праге и стоит буквально в паре метров от дома, где, быть может, жил Ленин... Не правда ли, странно?

– Постой-ка, ты говоришь: "...где, быть может, жил..." Значит, ты веришь тому, что тебе понарассказывала Мария Голечекова?

– А кто его знает... Этого нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить. Ясно одно, что на Благославовой улице Ленин с Онуфриевым вместе не жили. Однако, может быть, Ленин здесь ночевал сам, еще до того, как поселился с Онуфриевым у чешского рабочего-багетчика с четырехлетней дочкой...

– Ну хорошо, а что говорит в пользу этого?

– Рассказ его жены...

– Этого мало.

Поэтому мы опять начали подробно расспрашивать оставшихся в живых свидетелей. И везде результат был одним и тем же: все подтвердили, что **по традиции** Ленин должен был ночевать у Войтеха Голечека...

Но что это за традиция? Один из свидетелей рассказывает:

– Это была такая старая семья сплавщиков, жившая в Подскалье. У них было шестеро или семеро детей, и Войтех один из них. Он поменял немало занятий, пока не стал профсоюзным деятелем. До войны был в социал-демократической партии, после войны вступил в компартию. Он руководил рабочими забастовками, за бунтарство его часто арестовывали, а люди его любили. Сам-то я до 1928 года жил в Советском Союзе, где остался после первой мировой войны.

Но потом мать писала, что уже старая, что здоровье уже подводит, и просила меня вернуться. Примерно в 1928 году я посетил Голечека – он тогда жил на Гусовой улице,– мы долго беседовали, он расспрашивал, как там, в Советском Союзе, я в свою очередь интересовался судьбой наших довоенных знакомых, и так мы говорили и говорили, пока не дошли до Ленина. Знаете, я могу одно сказать о Войтехе: это был честняга, его никогда не интересовал личный успех или выгода. Он был такой шумливый, мог и крепкое словцо ввернуть, но врать он не умел. Поэтому когда он мне сказал, что у них в квартире когда-то спал Ленин – конечно, тогда он этого не знал, лишь после Октябрьской революции, когда в газетах появились фотографии Ленина, и он узнал его,– то я ему поверил. Голечеку не нужно было обманывать. Он всегда жил бедно – и тогда и потом,– а рабочие готовы были за ним в огонь и в воду. Вот и все...

Подобными были и остальные ответы.

– Войтех? Это был парень что надо... Ведь у него ночевал Ленин. Тогда, когда здесь была Пражская конференция...

Упрямым взглядом Войтех смотрит с фотографии. У него широкие, могучие плечи, это был действительно представительный, сильный человек.

Это был просто хороший человек.

30

Он скромно вошел в комнату, и его длинная фигура не спеша сложилась в кресле.

– У меня новый след,– заявил сотрудник Музея Ленина, протирая стекла очков.

Мы навострили слух.

– Когда я в который раз перечитывал воспоминания Онуфриева, то все больше укреплялся в убеждении, что этот дом должен находиться по направлению к Карловой площади... Поэтому я ходил по расположенным там улицам и искал.

– Дом с галереей и железной лестницей?

– И его тоже. Но также и другой дом. Если вы не забыли, то Онуфриев говорит, что на той улице, где они жили, вдали стоял большой дом. Создавалось впечатление, что он как будто стоит в центре проезжей части и разделяет улицу...

– Да, помню...

– Для меня это было отправной точкой поисков. Поэтому я говорил сам себе, что целесообразнее будет прежде всего искать улицу с этим домом, а уж потом где-то поблизости и дом с лестницей вдоль стены. Ведь необходимо, чтобы совпадали все приведенные товарищем Онуфриевым детали.

Я согласно киваю: да, конечно, необходимо, и именно поэтому почти невозможно по прошествии пятидесяти лет... А посетитель продолжает:

– И вот я ходил по улицам в поисках дома, стоящего в центре проезжей части...

– И что же?

– Таким большим домом, разделяющим улицу, могла быть бывшая богадельня по Вышеградской улице, номер 16, лицевая сторона которой, выходящая на небольшую площадь у Ботанического сада, делит Вышеградскую улицу на два рукава. Поэтому я прошелся по всей Вышеградской улице, а оттуда к Карловой площади и пришел к выводу, что если говорить о доме с галереей, то стоит обратить внимание на строение номер 431/26...

– Но Онуфриев говорил, что оттуда был слышен грохот поездов. Разве там есть железная дорога? Это было бы скорее в направлении Жижкова...

– Там тоже проходит дорога, и не так уж далеко

стоит железнодорожный мост через Влтаву. Если встать во дворе дома 431/26 и минуту подождать, то можно услышать и шум поезда. Конечно, должно быть тихо, лучше всего ночью. А напротив незастроенное пространство. Эмаузский сад и сад бывшего Шаровского пивоваренного завода.

— А в том доме жил какой-нибудь багетчик?

— Хотя багетчика я там не нашел, но столяра — да, даже двух... Ведь могло же быть так, что чешский хозяин Ленина на самом деле был столяром, но, пытаясь объяснить Онуфриеву, чем он занимается, просто постучал по рамке картины или фотографии.

Я не прерываю его.

— Первый столяр — Карел Черны — родился в 1867 году, значит, зимой 1912 года ему уже было 45 лет, поэтому он отпадает. Второй столяр — собственно говоря, это был столярный рабочий Аугустин Оупиц — родился в Горжицах 22 августа 1875 года, женат, имел четырех детей: трех мальчиков и одну девочку Беатрису, которая родилась в 1905 году...

— Но тот хозяин Ленина, с одной стороны, был моложе, а с другой — должен был иметь лишь дочку.

— Знаю, и тут мне удалось раскопать весьма интересную подробность. После долгих поисков я нашел дочь бывшей владелицы этого дома, которая помнит Оупица. По ее словам, это был социал-демократ, замкнутый, тихий человек, иногда у него бывали гости, и тогда из-за нехватки места в квартире дети Оупица спали у них. И еще — у Оупицов иногда жили квартиранты, и, как мне удалось установить, как раз в то время там жили две сестры — Божена и Кристина Веселы, работницы перчаточной фабрики. Я с ними переговорил, и они мне рассказали, что в декабре 1911 года, еще до рождества, Оупиц отослал их домой к родителям, настаивая при этом на том, чтобы они возвращались не ранее февраля 1912 года.

— Это несколько странно. Ведь из-за этого он

лишился месячной платы от своих квартиранток.

– Но это еще не все. Подтвердилось, что Оупиц был знаком с Войтехом Голечеком. Голечек даже заходил к нему в гости в Вене, куда позже переехала семья Оупицов.

– Но Голечек уже умер. Не знаете ли вы какого-нибудь другого свидетеля или приятеля Оупица?

– Знаю еще Карела Грунцела.

– Кто это?

– Как и Оупиц, он работал столяром на заводе Рингхоффера на Смихове. Маленький, толстенький, кудрявый, с поседевшей козлиной бородкой и с доброй улыбкой. Перед первой мировой войной работал на различных партийных должностях, потом даже был редактором одного профсоюзного журнала.

– Так порасспрашиваем его.

– Не пойдет. Он уже умер.

– А Оупиц?

– Тоже, где-то весной 1944 года. Жена его очень старая и страдает выпадением памяти. Но брат Оупица Эдуард живет в районе Крконош.

– Стоит встречаться с ним?

– Я уже был у него, и он мне рассказал кое-что интересное. Он довольно часто ездил в Прагу, всегда, когда у него выходной день выпадал на субботу или понедельник, который он соединял с воскресеньем. Таким образом, у него всегда было два дня, на которые он останавливался у Оупицов на Вышеградской улице. Он любил ходить в театр, после чего заходил посидеть где-нибудь в ресторане. Однажды он приехал в Прагу в январе 1912 года. Было еще утро, так что брата он не застал дома, была лишь его жена. Как обычно, после обеда он ушел, потом был в театре, после которого забежал в пивную. Возвращался домой уже почти в полночь. Для него было отведено постоянное место, где он обычно спал, поэтому когда он возвращался ночью, то укладывался в постель сам, не

будя никого из Оупицов. Но на этот раз все произошло иначе... На галерее его ждала невестка, которая сказала, что муж привел каких-то двух иностранных гостей и поэтому ему придется спать в другом месте. Он спросил, что это за гости, но невестка ничего не знала. Утром, когда он проснулся, иностранцы с братом уже ушли. Невестка опять ему сказала, что муж привел этих гостей совсем неожиданно и что сразу же предупредил ее, чтобы она ни о чем не расспрашивала. Сказал лишь, что это надежные люди, которые проживут здесь несколько дней. Ей же он наказал относиться к ним внимательно и заботливо и никому об этом не рассказывать... Эдуард Оупиц почувствовал, что в данных обстоятельствах он оказался здесь лишним, поэтому собрал вещи и в то же утро вернулся в Горжице... Вот что он рассказал. Что на это скажете?

– И в самом деле интересно. А он не указал вам хотя бы примерно дату его тогдашнего приезда в Прагу?

– Он вспомнил, что приезжал, собственно говоря, на день рождения маленькой дочки Оупица. Она родилась 22 января.

– А конференция началась 18 января 1912 года, так что Эдуард Оупиц был в гостях именно в то время, когда здесь находились делегаты.

– Он сказал еще вот что: тогда он, кажется, был в Виноградском театре на какой-то оперетте, где тенор Ф. Шашек исполнял роль офицера или что-то подобное. Может быть, это была "Веселая вдова" Легара или же "Чары вальса" Штрауса.

– А вы не проверяли, что тогда играли?

– Проверял. "Веселую вдову" ставили в январе 1912 года лишь один раз – вечером в воскресенье 21 января,– и в ней действительно роль принца Леонида играл Франтишек Шашек. Тем самым можно точно установить дату приезда Оупица, а именно 21 и 22 января 1912 года.

Этот случай вызвал у нас большой интерес. И хотя некоторые детали не совпадали в точности с тем, что говорил Онуфриев (например, аптека была не напротив дома, где жил Ленин, а на той же стороне, или же лестница тут шла не вдоль стены, как это должно было быть по Онуфриеву, а частично уходила внутрь дома), тем не менее нельзя отрицать того, что Аугустин Оупиц мог иметь касательство к конференции... Но как по прошествии стольких лет установить истину?

Пусть сомнения разрешит сам товарищ Онуфриев.

Сотрудники Музея Ленина в Праге старательно записали всю эту историю, приложили чертежи дома на Вышеградской улице, фотографии семьи Оупица, их квартиры и окружающей местности и все послали в Ленинград.

Когда вы чего-нибудь с нетерпением ждете, то недели кажутся особенно длинными, а время ползет со скоростью улитки. Будет ли утвердительным ответ?

Наконец одним весенним днем из Ленинграда пришло письмо, в котором Онуфриев сообщал:

"Просмотрев план и фото дома номер 431, я должен сказать, что ни архитектурой, ни количеством этажей (если смотреть со стороны, выходящей во двор) он не соответствует тому дому, в котором я жил с В. И. Лениным. Тот дом был совершенно простой, без боковых продольных балконов, и ворота находились не посередине. Смутно припоминаю, что в этом месте жил, кажется, товарищ Павел с еще одним делегатом. Хозяин, хозяйка и девочка на снимке не те, у которых мы жили. Тот товарищ был больше меня ростом и худощав, хозяйка фигурой тоже не похожа, а девочка была очень щупленькая и маленькая.

Думаю, что дальнейшие поиски нужно будет вести в ином направлении, чем мы обычно ходили с В. И. Лениным. В этом, другом направлении мы ходили очень редко, но оно менее сложно для поисков и не будет уводить в сторону. Дорога, по которой мы ходили

когда-то с В.И. Лениным, идет по Гнберпской улице к мосту, затем мы не сворачнвали вправо, а проходили под мостом н поднимались по склону холма направо, между какими-то цистернами н канцелярскими учреждениями. Крутизна горы от моста была примерно 40 или даже 45 градусов. Мы доходилн до улицы, которая слева была застроена большими домами; и тут же, в одну линию с этой улицей, стоялн два больших дома красивой архитектуры, так что выходило, как будто это начало параллельной улицы.

На противоположной стороне от этих двух домов было довольно широкое пространство, расширяющееся к центру города, н там видны были маленькие двухэтажные домики, все до одного желтые. В одном нз этих домиков, то ли втором, то лн третьем с начала улицы, теперь уж точно не помню, н жили мы с Вл. И. Лениным.

Е. П. Онуфриев".

Итак, "дело Оупица" закончено?

Трудно сказать. Может быть, те двое иностранцев, проведших в квартнре Оупица январскую ночь 1912 года, н былн двумя другими делегатами конференции (это мог быть н Павел Догадов со своим другом), но ясно, что это не был Владимир Ильич.

Кто теперь знает правду?

Появляются новые свидетельства, а с ними новые загадки. Племянница Аугустина Оупица, теперь уже почти семидесятилетняя женщина, вспоминает, как как-то в декабре 1911 года дядя посылал ее в разные районы Праги с пакетами, в которые что-то было тщательно завернуто. Разнося нх, она побывала н на Жижкове, за Безовкой, у какого-то мужчины, который хромал. Не у Голечека лн?

Кто ответит?

31

И вновь появляется ощущение, что ты оказался в заколдованном круге. Вновь надо перечитать сделанные ранее записи и вернуться к объяснению некоторых фактов... Одновременно становится все более очевидным, с какой осторожностью нужно относиться к отдельным сведениям, так как многие хотели бы стать причастными к Пражской конференции...

Безусловный интерес представляло письмо Онуфриева, в котором он отрицал возможность того, что вместе с Лениным жил у Оупица на Вышеградской улице. Особенно та часть, где он обращал внимание на дорогу "в другом направлении".

Слова "проходили под мостом", несомненно, относятся к жижковскому виадуку. Дальнейшие подробности также указывают на жижковский район. Как пишет Онуфриев, они "поднимались по склону холма направо"... Но ведь Жижков и расположен на холме! Только где тогда стояли цистерны?

В столичном архиве нам опять показали карту Праги 1912 года, и мы стали внимательно исследовать район Жижкова.

Недалеко от виадука был газовый завод! Может быть, это и были те цистерны, о которых писал Онуфриев? Вполне правдоподобно.

Хуже обстояло дело с "желтыми домиками". Правда, в этом немного помог план, который начертил сам Онуфриев и прислал мне его из Ленинграда. На нем Онуфриев весьма приблизительно показал их путь по улицам, отметил положение какого-то костела, около которого они якобы проходили. По его словам, когда они шли обычным путем, то есть вправо от виадука вдоль вала, то костел оставался по левую руку. В другом же случае (когда они "проходили под

мостом", следовательно, под виадуком и через Жижков) костел оставался справа.

Беглого взгляда на карту достаточно, чтобы увидеть, что это же, пожалуй, жижковский костел на нынешней площади Сладковского!

Если бы в 1912 году мы свернули позади него в первую улицу направо, то подошли бы к двум стоящим отдельно домам, которые как будто разделяют улицу. За ними ряд низеньких домиков... Были ли они желтыми?

Трудно сказать. Когда-то эта улица называлась Либушина, потом – Дворжакова, а теперь – Кубеликова. Сейчас она выглядит совсем по-другому: низенькие домишки давно уже снесены и на их месте стоят пятиэтажные жилые дома.

Но аптека тут была и кафе тоже... Какое кафе?

Онуфриев вспоминает, что однажды они выпили по чашке кофе на "их" улице, на той же стороне, где стоял "их" дом. Если взять адресную книгу той поры, то на Либушиной улице на Жижкове можно действительно обнаружить два ресторанчика – Йозефа Цупика в доме 9 и Йозефа Пруши в доме 25. В который из них Ленин заходил на чашку кофе?

Мы комбинируем, ищем взаимосвязи, размышляем.

На жижковском холме нас приветствуют домики с облупившейся штукатуркой и крошечные дворики. Мы снова бродим по разным закоулкам, но желтых домиков не находим...

Возвращаемся.

Дома мы усаживаемся с Иржи за стол и перебираем картотеку. На одной из карточек указано имя Камила Нойманна, старшего механика типографии "Право лиду". Это имя сообщил нам старый работник редакции, который когда-то обратил наше внимание и на Голечека.

... Пани Нойманнова не скрывает удивления.

– Вы определенно ошиблись. Хотя муж и был большим активистом, но в то время никто у нас не ночевал, уж мне бы это было известно... Но постойте, тут есть один врач, который определенно должен кое-что знать. Спросите его. Его зовут Поппер.

И опять перед нами проходят пражские улицы, площади, лестницы, двери.

На звонок никто не откликался. Внутри полная тишина. И когда мы уже собирались уходить, за дверью послышались медленные старческие шаги. Седовласый доктор Поппер рукой предлагает войти. Глаза его стараются разгадать причину визита, они смотрят пытливо, строго. Затем, после некоторого раздумья, он начинает рассказывать.

– Сколько воды с тех пор утекло! В то время я был еще бодрым юношей, полным энергии и задора. Не то что сейчас... Некоторое время я жил тогда в Берлине и там участвовал в рабочем движении. Переводил на чешский язык различные социалистические брошюры и всегда подписывался "МП". Тогда я познакомился и с Розой Люксембург, которая жила неподалеку от меня. А она в свою очередь познакомила меня с женщиной, которая была экономкой у Карла Маркса. Она с большой симпатией рассказывала о Марксе, о его огромном трудолюбии, о том, как он в Лондоне ходил на прогулки в Гайд-парк, где играл с детьми...

Позже, где-то в начале столетия, когда мы основали Союз рабочих спортивных обществ, в Штутгарте проходила конференция, и нас тогда пригласила в гости Клара Цеткин... Между прочим, знаете, что ее сын, профессор хирургии, жил здесь, в Праге, около трех лет? Когда она приезжала к нему, то жила в одиноком домике в лесу. В то время она уже вторично вышла замуж за того художника, как бишь его фамилия, кажется Цунгл, который все время рисовал охоту и оленей... Так вот, Роза тоже там была, у нас состоялась сердечная встреча, мы много говорили, а на

прощание она меня поцеловала...

– В Прагу я вернулся в 1891 году. Тогда я состоял в молодежной организации, которую мы называли прогрессивной партией, сейчас же она известна как "Омладина".

– Может быть, вы помните и о событиях 1912 года?

– Да, вы правы, разговорился я о былых временах... Значит, дело было так: однажды пришел ко мне старый Майер, отец писательницы Марии Майеровой, который работал тогда в Народном доме, и привел с собой на осмотр двух русских. У обоих была высокая температура, я уже не помню, что у них было, как будто воспаление миндалин или ангина, но подозрение было на дифтерит... Короче говоря, они заболели, и я сделал им какой-то укол.

– Простите, что перебиваю, но один маленький вопрос: среди делегатов Пражской конференции был также один русский врач по фамилии Семашко... Он даже лечил Ленина, когда тот простудился. Вот я и думаю, почему же этих русских не осмотрел Семашко, почему их привели к вам? Ведь это было рискованнее...

– Не могу вам сказать. Я вообще не припоминаю, что среди делегатов был какой-то врач. – Старик задумывается и потом говорит:– По-видимому, это можно объяснить тем, что у меня ведь была масса лекарств, а он, хотя вполне возможно и разбирался в этом лучше меня, разумеется, не возил с собой по таким конференциям медицинские принадлежности. Поэтому если он и поставил диагноз, то все равно у него не было необходимых лекарств. Я сделал русским инъекцию, чего Семашко в его положении, по всей вероятности, сделать не мог.

– Разрешите еще один вопрос: Семашко выписал Ленину какое-то лекарство от простуды... Онуфриев вспоминает, что с рецептом он ходил в аптеку. Возможно ли это? Разве тут принимались рецепты, выписанные на иностранных бланках?

– Постойте, он ходил в аптеку или в дрогерию? Потом, это был рецепт или же просто листок бумаги с названием необходимого лекарства?

– Не знаю.

Этого сегодня не знает и Онуфриев.

– Что же было потом с вашими пациентами?

– Разумеется, мне пришлось пообещать, что никому об этом не скажу. Я их осмотрел, дал лекарство и велел лечь в постель. На следующий день я отправился в гостиницу, чтобы проведать их.

– Какая это была гостиница?

– Вряд ли она вам известна, называлась она по имени своего хозяина "Мышка" и стояла недалеко от перекрестка "У Булгара"... Так вот, пришел я, а русских дома не было... Не послушались меня и, представляете, пошли на конференцию. Долго не раздумывая, я отправился за ними. Я пришел прямо в разгар заседания, указал на больных и безжалостно прогнал их назад в постель...

– И вас впустили в зал? Ведь конференция проходила тайно...

Врач вспоминает:

– Подробностей я уже не помню, знаю только, что когда я их не обнаружил в гостинице, то пошел в Народный дом к Майеру, который накануне привел их ко мне. В какое из помещений Народного дома проводил меня Майер, я не помню, но тех двоих я сразу узнал... Там я также увидел Ленина. Потом я сопровождал его и нескольких делегатов при осмотре пражских достопримечательностей.

Им все хотелось увидеть, и вот мы вшестером, по трое в ряд, шли от Пороховых ворот до самого Тынского храма, где я им показывал могилу астронома Тихо де Браге. Ленин качал головой и говорил, что думал, будто Тихо похоронен в Копенгагене... Потом мимо кладбища, которое, к сожалению, было закрыто, через Карлов мост мы отправились на Малостранскую

площадь. Русским все очень нравилось, особенно Ленину... Он производил впечатление очень энергичного человека. У него был высокий голос, и обо всем он говорил с выражением, серьезно. В нем чувствовалась какая-то особая убежденность... И вообще он не казался уставшим, шел и шел, все желая увидеть еще что-нибудь интересное. На нем была кепка, шел он уверенной походкой. Был он чуть выше меня. Я ходил с ними более часа, рассказывал, а Ленин часто перебивал. Извинится и опять спрашивает... На Карловом мосту он остановился и залюбовался Градчанами. Он восторженно смотрел наверх и произнес: "Это единственное в своем роде место во всей Европе..." Он говорил по-немецки, но на швейцарском диалекте.

– Долго вы гуляли?

– Мы использовали обеденный перерыв и вернулись около двух часов. Русские хотели, чтобы и на следующий день я проводил еще пятерых делегатов, но я не смог, у меня было дежурство в больнице, и я попросил своего приятеля доктора Сакса с Жижкова, чтобы он сходил вместе с ними вместо меня...

– И он пошел?

– К сожалению, не знаю. Может, он мне потом и говорил, но я уже не помню.

– А еще когда-нибудь вы говорили с Лениным?

– Нет, кроме той прогулки, ни разу.

Он задумчиво выбивает из мундштука окурок, берет другую сигарету и добавляет:

– Слышал я еще только, что Ленин жил у Голечека на Жижкове, но, сколько в этом правды, не знаю...

– А вы не спрашивали Ленина, где он живет?

Нет, это было бы неуместно, я ведь знал, что он здесь находится нелегально, поэтому я ни о чем его не спрашивал.

– Куда он пошел после этой экскурсии по достопримечательностям Праги?

– В Народный дом он уже не возвращался. Я

немного проводил его, и мы расстались на Пршикопах. Я ему говорю, что провожу его, чтобы не заблудился, а он только засмеялся, махнул рукой и сказал: "Вы уж идите, а то вас ждут пациенты". Я его спрашиваю: "А найдете дорогу?" А он: "Надо идти наверх, вон туда,– и указал рукой в сторону Вацлавской площади,– потом направо, напротив будет небольшой вокзал". Он подал мне руку и исчез среди прохожих...

Я нахмуриваюсь в задумчивости – ведь это новый след!

– Где бы это могло быть?– спрашиваю с нетерпением в голосе.

Доктор Поппер не спешит с ответом. Затем медленно говорит:

– Я тоже не раз об этом задумывался. На ум приходит Вышеградский вокзал, но он расположен довольно далеко. Скорее всего, это мог быть Виноградский вокзал, который уже снесли. Напротив стояла невзрачная гостиница, в которой Ленину не пришлось бы даже проходить полицейскую регистрацию.

– Как она называлась?

– "Эксельсиор". Но ее уже давно нет, она была закрыта еще при первой республике, остался лишь один ресторан.

Как видно, этот след никуда не приведет, поэтому я захожу с другой стороны:

– А кто такой доктор Сакс, который сопровождал делегатов вместо вас?

– Он жил на Жижкове, на улице Штитного. Прекрасный человек, часто выступал с лекциями в социал-демократических организациях, сам был членом партии. Я его хорошо знал... У него было несколько детей...

В памяти всплывают слова жены Войтеха Голечека о том, что ее муж отводил Ленина на улицу Штитного к какому-то товарищу, у которого было несколько

детей... Вот и получается, что различные воспоминания подвергают друг друга проверке.

Солнце давно уже перевалило за склоны Петршина, когда мы остановились перед дверью квартиры, где живет сейчас вдова доктора Сакса. Мы извиняемся за неожиданный приход, объясняем, что хотели бы коечто узнать.

– Вряд ли я чем вам помогу. Память совсем не та, ведь столько прошло лет... Да, действительно, мы тогда жили на улице Штитного, в нашем доме размещалось кафе, у нас было четверо детей, пятый ребенок родился позже, а муж был активистом социал-демократической партии. Он был одним из основателей рабочего туризма, его страстью были поездки за город или же походы по старой Праге.

– Он никогда не упоминал об этой конференции?

– Как мне кажется, нет. Помню только такую мелочь: в ту пору однажды вечером к нам пришел Яхим Гавлена – это имя вряд ли вам что-либо говорит, он работал партийным секретарем,– они о чем-то с мужем поговорили, а потом оба ушли, хотя было уже довольно поздно. Куда тогда мой муж с ним отправился, я не знаю.

Утомленная длинным разговором, старушка закашлялась. Мы благодарим ее и откланиваемся.

В ближайшем скверике цветут тюльпаны, а на скамеечке, прижавшись друг к другу, сидят парень и девушка. Их лица подняты к небу, они даже не слышат, как скрипит замок в воротах дома, из которого мы выходим. А наверху, в квартире Сакса, гаснет свет.

32

Вновь я возвращаюсь мыслью к делегату Николаю Александровичу Семашко. Будучи врачом, он лечил в

Праге Ленина... Правда, доктор Поппер об этом ничего не знал, но это и понятно, так как Семашко молчал и никому не говорил, что он врач.

– Не может быть, чтобы Семашко не оставил каких-нибудь воспоминаний,– утверждает Иржи.

Он был прав.

Семашко принадлежал к тем, кто вступил в социал-демократическую партию еще в девяностых годах, а именно в 1893 году. Каков его жизненный путь? Тюрьма, революция, эмиграция в Швейцарию. Там он познакомился с Лениным. В Париже стал секретарем Заграничного бюро ЦК партии. Участник октябрьского восстания 1917 года С 1918 по 1930 год был народным комиссаром здравоохранения молодой Советской республики.

В воспоминаниях о Пражской конференции он пишет:

"Владимир Ильич категорически запретил всем нам ехать вместе: ехали если не в разных вагонах, то в разных купе. На вокзале в Праге нас встретили чехи и разместили на частных квартирах, у рабочих. Местом сбора и местом заседаний конференции был Народный дом. Помню, с какой завистью мы входили в большой зал Народного дома, где чешские рабочие свободно обсуждали свои нужды или отдыхали за газетой с кружкой пива,– по сравнению с нелегальной жизнью в царской России жизнь чешских рабочих нам казалась раем.

Но по указанию Владимира Ильича мы не должны были останавливаться в этом "раю", чтобы не привлечь к себе внимание нежелательных элементов, а быстро взобрались по лесенке на второй этаж, где проходили заседания конференции. Это была небольшая комната с тремя, помнится, окнами, из которых открывался красивый вид на старинный патриархальный город с домами, покрытыми черепицей. В одном конце комнаты стоял небольшой длинный стол "для

президиума", по бокам – скамьи, перед столом президиума – скамьи и стулья для членов конференции. У боковых скамеек лежали перевязанные веревкой тюки с нелегальной литературой, издававшейся в Париже и доставленной на конференцию.

Я был докладчиком по вопросу о страховании рабочих. Составленный мною еще в Париже проект резолюции был тщательно отредактирован Лениным. Проект резолюции лишь с небольшими редакционными поправками был принят конференцией.

Ленин делал доклад о текущем моменте и задачах партии. Это был основной вопрос, который должен был определить лицо конференции, построение и задачи партии. Нечего и говорить, что это был блестящий доклад, настолько сильный и неотразимый, что даже колеблющиеся не могли устоять против аргументации Владимира Ильича, хотя он по обыкновению не заглаживал разногласий, а, наоборот, вскрывал их во всей остроте..."

Вот и все, что содержится в воспоминаниях Семашко. О болезни Ленина ни слова. Может быть, он не считал ее серьезной? Ничего нет и о болезни двух делегатов, которых был вынужден лечить доктор Поппер.

Более того, Н.А. Семашко неточно указывает этаж, где проходила конференция.

Вновь нас постигло разочарование.

Я вытаскиваю свою записную книжку, в которой остались еще кое-какие имена, требующие проверки. Если ничего "не получилось" с Семашко, то, может быть, нам повезет в другом месте...

Три фамилии, о которых нам ничего не известно. Или почти ничего.

Парикмахер Гакл, хозяин ресторана Бергр и доктор Кафка, после фамилии которого поставлен вопросительный знак. Доктор Кафка (или человек с похожей фамилией) должен был во время оккупации

сохранять у себя записи Гавлены, Бергру в то время принадлежал ресторан в Народном доме, и, наконец, парикмахер Гакл... По свидетельству одних, его заведение, куда заходили также делегаты, стояло во дворе Народного дома, другие же утверждали, что парикмахерская находилась на Малой Стране и что там бывал Ленин, и, наконец, третьи говорили о Житной улице.

Поэтому мы вновь призвали на помощь нашего старого знакомого – адресную книгу Праги за 1910 год, нашли в ней фамилию Гакла и вдруг обнаружили, что парикмахерская и квартира Гакла находились в Новом Месте... Что же касается Малой Страны или филиала в Народном доме, то об этом не было ни слова.

– Только не забудь, как мы опростоволосились с Голечеком. Он ведь тоже значился в адресной книге, но в 1910 году на указанном месте уже не жил. Не могло ли и тут случиться что-либо подобное? Ведь и Гакл мог переехать на Малу Страну или же в Народный дом после выхода из печати адресной книги, то есть после 1910 года. Конференция состоялась по крайней мере спустя тринадцать месяцев после издания книги, а за это время Гакл мог переехать, и не один раз...

Этого действительно нельзя было не учитывать, поэтому мы опять отложили в сторону адресную книгу. Однако и в полиции нас ожидало очередное разочарование: Гакл и его жена уже умерли...

– Но может быть, хотя бы дети остались?

– Никого. Супруги были бездетными... Но вы расспросите старых парикмахеров, те, вероятно, будут еще помнить,– посоветовал нам сотрудник общественной безопасности и поставил картотеку на прежнее место.

Если кому-либо вдруг понадобятся адреса старых пражских парикмахеров, то можете спокойно положиться на меня. Теперь у меня их полный список. Однако это ни капли не помогло мне разобраться в

истории Яна Гакла: одни утверждали одно, другие – другое, но никто из них ничего не помнил точно.

Удивленное выражение на лице доктора Поппера красноречиво говорило о том, что он никак не ожидал вновь увидеть нас.

– Гакл?– воскликнул он. – Его заведение всегда находилось только на Житной улице.

Мы расспрашивали повсюду, где могли, "вылавливали" старых очевидцев, ходили от одного к другому и получали ответ:

– Гакл? Я прекрасно помню, что его парикмахерская была на Малой Стране. Здесь еще он выдвигался кандидатом в парламент от социал-демократической партии, это было еще до первой мировой войны... Он также часто приходил сюда в партийный секретариат.

Человеческая память что дерево – кое-где ветки уже отмерли, а в другом месте еще зеленеют, некоторые из них еще полны жизненных соков, а другие уже высохли и погибли... Когда подует ветерок, то всем еще хочется зашелестеть листвой и зашуметь, ан нет, всем вместе это уже не под силу...

Мы идем по Житной улице, где в сороковом доме должен был жить Гакл. Звоним в соседние дома, переходим из одного дома в другой и расспрашиваем. И повсюду одна и та же картина: сначала удивление, затем готовность оказаться полезным и наконец разочарованное пожимание плечами: "Господи, да ведь это было так давно! Почему вы не приходили раньше?"

Улица настолько длинная, что даже остановившийся троллейбус, кажется, запыхался. Но вот в одном из домов двери так и остались открытыми: "Погодите, я пойду с вами. Хотя сама-то я этих Гаклов не очень-то и помню, но вон там на углу работает парикмахер, который когда-то учился у Гакла. Может быть, он вам что-нибудь расскажет..." Женщина быстро одевается и сбегает по лестнице. До угла Легеровой улицы рукой подать, и через минуту мы на месте. Потоптались в

нерешительности и затем открываем дверь, над которой пронзительно звенит звонок.

33

– Меня зовут Йозеф Новак. Сказать по правде, я слегка задремал, когда вдруг зазвенел звонок над уличной дверью, который меня полностью разбудил. Уже добрую пару лет я регулярно хожу сюда бриться три раза в неделю. И мастера Ецелина я знаю, и все его бритвы наперечет знаю, и большинство постоянных посетителей мне известны. Но вот того пана, что пришел, я еще здесь ни разу не видел. Он нерешительно осмотрелся, а я про себя и говорю: "Ага, считаешь, каким будешь в очереди..." Только смотрю, этот человек даже не присел, а сразу шасть к мастеру. Я тут испугался, думая, что он хочет пролезть без очереди – сейчас ведь такие люди, все куда-то спешат,– но он, оказывается, и не собирался стричься, а хотел что-то спросить у мастера. А мастер в это время как раз брил клиента под подбородком и, как вижу я, от неожиданности даже вздрогнул.

– Что вам угодно?– оборачивается он.

– Вы знали человека по фамилии Гакл?– спрашивает незнакомец.

– Гакла?– повторил Ецелин и с облегчением вздохнул. – А я уж подумал бог весть что... Конечно, знал, ведь я у него был учеником.

Не знаю почему, но незнакомец явно обрадовался, это было видно по выражению его лица.

– А где у вас была парикмахерская?– продолжает он спрашивать.

– Здесь, на Житной, где же еще ей быть...

– А у вас не было филиала в Народном доме на

Гиберской улице?

– И в самом деле, я чуть было не забыл. Ну да, Гакл тоже там работал...

– А на Малой Стране?

После этих слов иаш мастер замер и иачал вспомииать. Это длилось довольно-таки долго, но накоиец он медлеино произиес:

– Нет, тут что-то вы иапутали... Там у нас ничего не было... Только на Житной, дом 36...

– Что из себя представлял этот Гакл?– продолжает спрашивать любопытный незиакомец.

– Да как вам сказать... Такой маленький, с бородкой, этакий живчик, весь кипел знергией. В заведеиии появлялся ие часто, занимался политикой, состоял в социал-демократической партии и вроде бы даже выставлялся от иее кандидатом на выборах... Но мне ои про это, правда, ничего не рассказывал. Я был учеииком и должеи был заниматься своим делом. Так уж испокон веков заведено... Случалось, заходили всякие господа – депутаты да сенаторы, тогда уж надо было стричь и брить с особым виимаиием, а ои был сама готовность и услужливость...

– Скажите, пожалуйста, когда вы поступили в учение к Гаклу?

– Вскоре после окончаиия первой войны...

– Так до войны вас там не было?– Этот незнакомец казался иеприятио удивленным.

– Нет...

– Ах, вот оно что... – проронил ои и как будто о чем-то задумался. А потом и говорит: – А не зиаете кого-иибудь, кто был зиаком с Гаклом еще до первой мировой войны?

Наш мастер опять перестал брить, почесал в затылке и отвечает:

– Есть такой Стокласа, он жил в том же самом доме... Потом... Да, вспомиил, до меня там был учеником его племянник Вацлав Гакл, уж ои-то определеиио

многое знает. Сейчас он живет где-то у Часовиц... А теперь, простите за вопрос, зачем вам все это надо?

Я даже удивился, откуда взялась у нашего мастера такая смелость, что он решился спросить. Жаль, что я так и не расслышал ответа – вновь зазвенел звонок, оповещая о приходе старого угольщика, что живет на противоположном углу. Может, Гакл когда-то не заплатил налога и теперь его разыскивают. Всякие бывают люди, а порядок есть порядок.

Наконец и я уселся в кресло, и мастер начал меня брить. Но рука у него как-то необычно дрожала все это, конечно, наделали эти расспросы. Кто же мог ожидать такого...

34

Через неделю после этого я получил письмо, написанное корявым почерком. Когда я разорвал конверт, оттуда выпала сложенная четвертушка бумаги, на которой было написано:

"Уважаемый товарищ и друг!

Пана Гакла я знал как жильца дома № 40 по Житной улице. Я, Франтишек Стокласа, жил этажом выше. Заведение у него было в доме 36, Житная улица. Что я могу сообщить о пане Гакле? По воскресеньям он ездил на велосипеде в Штеховице. Дома у него был аквариум, в парикмахерской рекомендовал лосьон для волос Гакла, хотя сам был, естественно, плешив. Вот и все. С приветом,

Франтишек Стокласа,
сапожник, Недвези у Ржичан".

Мы не продвинулись вперед ни на шаг. Ничего не оставалось, как разузнать адрес Вацлава Гакла, племянника старого бунтаря, и отправиться к нему в

какую-то деревню у Чаковиц. Хорошо еще, что стояла хорошая погода. С полей уже свозили урожай. Автобус лениво покачивался на неровностях дороги, огороженной с обеих сторон запыленными тополями.

35

Так вы интересуетесь моим дядей... Его полное имя было Ян Павел Гакл, он был братом моего отца. Детей у него не было, поэтому он взял на воспитание девочку, звали ее Элишка. Нас же в семье было шестеро, потому однажды дядя написал моему отцу, чтобы я переехал к нему, где смогу выучиться ремеслу, а затем и взять на себя его дело.

Когда это было? Кажется, в 1907 году. Отец был рад тому, что одним голодным ртом станет меньше, и вот таким образом я оказался в Праге, где ходил в школу и где должен был совершенствоваться в немецком языке. В 1910 году я стал учеником по стрижке, бритью и театральной гримировке. Дядя не только был парикмахером, но и специалистом по изготовлению париков. Он писал об этом книги, и его имя было известно даже за границей. Он активно занимался политикой и чаще бывал в городе, чем в парикмахерской.

Еще перед мировой войной, не помню точно когда, он оборудовал филиал в Народном доме... Да, где-то около 1912 года... О заведении на Малой Стране ничего не знаю, но он часто туда ходил, так как выставлял свою кандидатуру на выборах. Помню еще, как на всех стенах было написано: "Голосуйте за Яна Павла Гакла!" Возможно, у некоторых все это связывается с его парикмахерской на Житной улице, поэтому и возникло мнение, что у него было за-

ведение и на Малой Стране. Но я об этом ничего не знаю.

Что еще можно сказать о нем? Был он маленького роста, седой, носил очки в коричневой оправе и приплюснутую блином кепку. Ежегодно ездил на Медник, где доставал кандык – такое растение, в народе его называют "собачий зуб"– и потом украшал им витрину. Все хотел чем-нибудь отличиться... В молодости участвовал в движении "Омладины", несколько раз выставлялся кандидатом на выборах, но всегда неудачно, его ни разу не избрали. Помнится, из-за этого он потом не поладил с социал-демократической партией, так как в списке на первом месте был Ладислав Запотоцкий – отец нынешнего нашего президента, а Гакл шел за ним и поэтому опять провалился...

У него были обширные связи, парики он поставлял целому свету, даже посылал их земляческим театральным обществам в Америке... Почты ему приходило целые горы.

Жил он на Житной улице, в доме 40, раньше там размещалось и его заведение, но потом передняя часть дома была снесена и он перевел парикмахерскую в дом № 36. Но сам он продолжал жить в сороковом доме, где иногда сдавал комнаты студентам. В заведение часто приходили и руководящие партийные работники, обычно они заходили в заднюю комнату и там дискутировали. Я видел Шмераля, Немеца, Гавлену, Винтера и других. Но вы же понимаете, в то время я был еще совсем мальчишкой, и он мне ничего не рассказывал, только иной раз случалось разносить приглашения на собрание. Сколько лет ему было в 1912 году? Откуда вы взяли, что двадцать восемь? Нет, совершенно точно – за сорок.

Вот и все, что я могу вам рассказать...

36

Когда мы собрали воедино весь материал, то увидели, что нам, видимо, уже не удастся более подробно осветить этот момент пребывания Ленина в Праге. Все непосредственные очевидцы уже умерли, теперь рождаются легенды...

Жил ли действительно Ленин у Гакла? Встречался ли у него с чешскими партийными работниками? Ходил ли он в сопровождении Гакла в партийный секретариат на Малой Стране?

Все это вполне могло быть, но как это доказать? Политическая деятельность Гакла, его международные связи, переписка с заграницей, знакомство с Гавленой, Шмералем и Немецом – все это представляло собой благоприятные предпосылки для того, чтобы ему поручили определенную роль в организации конференции. Но какую? Кто теперь это знает... Позже он с досады разошелся с социал-демократией и уже ни перед кем не хвастал своей деятельностью в "левице". Исчез, умер, забытый всеми. Ему так и не удалось стать депутатом, к чему он так стремился, он всегда застревал на полпути к цели... Таков Ян Павел Гакл, который брил русских делегатов и, быть может, даже принимал у себя Ленина.

Итак, в блокноте остались две последние фамилии: Бергр и Кафка. Возле фамилии Кафки стоит вопросительный знак, и в душу заранее закрадывается сомнение. Не окажется ли и этот след ложным?

По нашей просьбе в полиции подготовили формуляры с фамилией Кафка или Кавка, и мы принялись за работу. К сожалению, предчувствие не обмануло нас. С такой фамилией было несколько людей, однако один Кафка либо не был врачом, хотя и умер во время второй мировой войны, другой был врачом, но умер

уже после войны. А нам, со слов дочери Гавлены, необходим был врач, который умер при оккупации. Где же его искать?

Тут у Иржи возникает идея:

– А не мог бы нам опять помочь доктор Поппер? Ведь если этот Кафка или Кавка участвовал в рабочем движении, то Поппер должен был его знать... К тому же оба были врачами.

И то правда.

Старый доктор уже не удивился, увидев нас вновь, только задумался на минутку:

– Знал я одного Кафку, который заведовал пражской психиатрической клиникой. Попытайтесь порасспрашивать там.

Мне еще никогда не приходилось бывать в психиатрической больнице. Порой о таких заведениях складывается несколько неверное представление, а когда сталкиваешься с ними непосредственно, то бываешь приятно удивлен. В прохладе большого зеленого сада на грядках работало несколько мужчин.

Профессор Вондрачек высокого роста – еще сейчас, закрыв глаза, я совершенно отчетливо вижу его перед собой. И опять неудача.

– Вы правы, коллега, доктор Кафка был здесь руководителем. Но его постигло большое несчастье – во время оккупации его арестовали и казнили.

Теперь понятно, почему мы ничего не нашли о нем в полицейском архиве. Нацисты уничтожили его личную карточку.

– Это был замечательный человек и ученый. Он написал ряд важных исследовательских работ, таких, например, как...

Наклонив голову, профессор Вондрачек вспоминает, а губы произносят отдельные названия... Он был заведующим Центральной чешской психиатрической клиникой. Честный, хороший человек. С молодых лет участвовал в рабочем движении, всегда в "левице".

Но больше всего вы, пожалуй, узнали бы о нем от его знакомого доктора Соукупа.

... Еще немного, и я буду знать Прагу не хуже любого почтальона.

Сижу в квартире доктора Соукупа, на Смихове, и старательно записываю.

– Была среда 14 мая 1941 года, – несколько академически начинает приятель Кафки,– когда нагрянула чешская тайная полиция, схватила доктора Кафку и сразу же передала его гестапо. Захлопнулись за ним ворота, и больше мы его уже не видели...

Этому предшествовала такая история: в 1939 году после роспуска чехословацкой армии на работу в больницу был направлен унтер-офицер сверхсрочной службы Пельтан – представительный мужчина, однако тихий и малообщительный. С субботы его не было в больнице, а в понедельник ночью ворвалась тайная полиция, что-то искала своими обычными методами, все перерыла и ушла. То же самое вновь повторилось, и тогда забрали одного служащего, сидевшего возле Пельтана. Люди рассказывали, что якобы в Нусле, в районе театра имени Тыла или где-то поблизости, вспыхнула перестрелка, в которой было убито несколько гестаповцев. Там работал тайный радиопередатчик, и в этом деле был замешан наш Пельтан. В среду в девятом часу утра пришел я на работу и в подъезде увидел Франци, то есть Кафку, мы его по-приятельски называли просто Франци. Он был необычно взволнован, сказал, что его куда-то вызывают... Мне тогда понадобилось зачем-то пойти в город, а когда я вернулся, ко мне с испуганным лицом подбежал управляющий и сообщил, что заведующего увезла тайная полиция.

Это было ужасно... Полнейшая неизвестность, мы не знали, что может случиться. Хотя в душе и надеялись, что он вернется, но разум подсказывал иное... В середине дня весь квартал от бань на Слупи, проход на Альбертов, улица V Карлова, улицы Винична и Катер-

жинска были внезапно перекрыты гестапо и полицией, а в больнице произведен тщательный обыск всех помещений, подвалов, объектов и больных мужчин... Якобы искали преступника. Обыскали и квартиру Кафки. Результат был везде один и тот же: не нашли ни передатчика, ни чего-либо еще... Но Кафка уже не вернулся, и никто из нас его больше не видел. Наши врачебные кабинеты опечатали и только через шесть недель разрешили их открыть.

Кафка исчез. Впервые после этого я увидел его подпись с характерным росчерком на документе, указывающем, что он принял к сведению решение краевой управы о дисциплинарном расследовании и об его отстранении от должности... Это было страшное время. Напряженность, неуверенность. Я пытался хоть что-нибудь узнать, но сведения о нем были противоречивыми. Одни утверждали, что Франци находится в тюремной больнице, и мы было вздохнули с облегчением. Но потом дошли слухи из другого источника, что дело обстоит совсем скверно, будто бы найдено какое-то письмо, которое очень ухудшило его положение. Впоследствии мы узнали, что 4 октября 1941 года он был расстрелян, как будто без всякого суда...

– А Пельтан?

– Он состоял в подпольной группе Балабана–Машина–Маравека. У них был передатчик, который обслуживал Пельтан. Потом Маравек установил связь с парашютистами, которые произвели покушение на Гейдриха.

– А как с бумагами Кафки?– тихо спрашиваю.

Гестапо забрало все, что могло. Если Гавлена действительно передал ему какие-то записи, а это вполне возможно, так как они были знакомы, то эти бумаги, видимо, остались в полиции и их там давно уничтожили.

Какая ирония судьбы! Гавлена опасался ареста гестапо и поэтому самые важные документы передал

человеку, которого фашисты казнили, тогда как сам Гавлена остался жив и невредим.

Беру блокнот и вычеркиваю фамилию доктора Кафки. Никогда уже не разгадать нам его тайны...

Неужели в самом деле сейчас уже поздно пытаться выяснить все обстоятельства проведения Пражской конференции? Ведь осталось столько следов, столько имен... Вацек, Гавлена, Голечек, Оупиц, Гакл, Кафка... Но каждый раз освещается лишь крошечный кусочек истории, а сколько еще остается темных мест! Да, мы теперь знаем, как приезжали в Прагу делегаты, кто занимался организационными вопросами, знаем приблизительные даты их приезда и отъезда, мы также установили, когда примерно приехал и уехал Ленин, как жили здесь делегаты, мы познакомились и с некоторыми из тех, кто заботился об их пребывании, узнали о шпионских донесениях — знаем уже много, но хотим знать еще больше... А пока нередко случается, что следы заводят нас в тупик: различные рассказы не поддаются проверке, и, видимо, установить их правдивость уже никогда не удастся...

Сколько людей, чьи имена прошли пока мимо нашего взора и которые вряд ли нам удастся установить, принимало участие во всем этом деле! Сколько среди них неизвестных чешских рабочих, рядовых активистов партии, которые, вероятно, до конца жизни никогда не хвастали тем, что сделали, потому что считали это своей естественной обязанностью! Им, именно им всем, сегодня наши признательность и уважение...

37

— Постой-ка, эти слова "рядовые активисты партии" мне кое о чем напомнили,— говорит Иржи. —

Когда мы с тобой выясняли личность доктора Кафки, то между различными канцелярскими бумагами я заметил такую толстую черную книгу с любопытным названием: "Делопроизводственный протокол императорско-королевского полицейского управления в Праге".

– Ну и что?

– В этом гроссбухе день за днем отмечены все письменные сообщения, донесения и рапорты, которые приходили в пражское полицейское управление. Их было немало, и вполне возможно, что мы найдем тут что-нибудь интересное.

– Хорошо, но не забывай: все то, что официально сообщалось полиции, уже не представляло никакой тайны. Не надеешься же ты найти здесь доносы Малиновского или Романова...

– Конечно, интереснее было бы заполучить полицейский архив той поры с тайными донесениями агентов, но только где его взять? Поэтому пороемся хоть в этом "Делопроизводственном протоколе", может быть, и здесь что-нибудь обнаружится.

– Например?

– Учти, что в то время необходимо было сообщать полиции о каждом собрании, в том числе и о ежегодных отчетных собраниях. Затем в полицейское управление направлялись списки вновь избранных людей – вот тут-то мы и обнаружим тех "рядовых активистов партии", которые, безусловно, имели заслуги в подготовке конференции,– с жаром объясняет Иржи и продолжает:

– Слушай дальше: ни Ленина, ни других делегатов Гавлена не размещал на жилье у ведущих деятелей партии, потому что они были под надзором полиции. Это подтвердила и Мария Майерова. Поэтому он расквартировал их у низовых работников, которым он стопроцентно доверял, но которые все же не были так хорошо известны полиции. А поскольку самым мощ-

ным оплотом рабочего движения в Праге был Жижков, мы могли бы перебрать рабочих активистов именно этого района. И еще один довод говорит эа это: в предместьях Праги существовало лишь три багетные фабрики – две на Жижкове и одна в Либене.

– Откуда ты это энаешь?– удивляюсь я.

– Выяснил вчера в Городском архиве,– не дает перебивать себя Иржи и продолжает:– А так как Либень по самому своему расположению не годилась для размещения делегатов, то остается Жижков. Одна из фабрик находилась на Базельской площади, другая – мастерские Гаташа – на Велеславиновой улице.

– Не слишком ли все это иллюзорно? Ведь тут огромную роль будет играть простая случайность,– пытаюсь воэразить я.

– Как говорил великий Пастер, "случайность помогает лишь тем, кто вооружен знаниями и кто готов встретить ее",– почти как стихи произносит Иржи. – Ну что ты еще раздумываешь? Давай просмотрим списки всех здешних партийных активистов с 1904 по 1912 год, а дальше увидим...

– Почему ты выбрал именно эти годы?

– Потому что недостаточно проверить активистов, иэбранных в 1912 году. Что, если этого багетчика избрали на какую-то партийную должность, к примеру, еще в 1908 году? Онуфриев указывает, что в 1912 году, когда они у него жили, ему было около 28 лет, а это означает, что он родился примерно в 1884 году. Можно предположить, что ранее двадцати лет его вряд ли могли избрать на какую-нибудь должность, а поскольку двадцать лет ему исполнилось примерно в 1904 году, то мы и начнем с этого года.

– Но ты хоть понимаешь, что это всего лишь предположение? А что, если Онуфриев ошибся в определенни возраста? Допустим, этому рабочему было тридцать пять, тогда сдвигается и граница лет, когда он впервые мог быть избран на какую-нибудь

должность... Но самое главное в другом: а если это был простой член партии, не занимавший никаких постов?

Иржи только махнул рукой. Я знаю, что он хочет сказать: через сомнение лежит путь к истине, но если бы мы только и делали, что всегда и по любому случаю сомневались, то ничего путного из этого не вышло бы.

В конечном счете мы все-таки приступили к работе. Наша затея оказалась почти безумием, и очень скоро мы сами это поняли... Иной раз трудно было удержаться от смеха, когда вдруг наткнешься на извещение о собрании пражских пономарей или же благотворительного общества девушек-бесприданниц. Иногда же, напротив, мы старательно выписывали инвентарные номера, в соответствии с которыми были уложены отдельные документы. Вскоре мы пришли к выводу, что наши поиски нужно расширить и на круг работников политико-просветительских обществ. На Жижкове, например, существовало "Общество Карла Маркса". Не было ли в числе его членов двадцативосьмилетнего багетчика?

Нашли мы и несколько письменных доносов. Комиссар полиции Драшнер сообщал, что на лестнице, ведущей на галерею Национального театра, он обнаружил надпись: "Долой австрийское правительство и австрийскую династию!" Были тут и плакаты, призывающие на массовый митинг, где выступит Б. Шмераль... И вот однажды наступил наконец тот момент, когда были собраны все инвентарные номера присланных в полицию списков вновь избранных партийных руководителей и когда мы лишь нетерпеливо ожидали, чтобы в читальный зал доставили затребованные нами документы.

Пальцы выстукивают нервную дробь по крышке стола, заставляя возмущенно оборачиваться работающих рядом людей, а минуты тянутся как вечность. Служащему пришлось идти за списками в бывший

склеп, а это немалый путь. Ничего не остается, как тем временем готовить для выписок карточки, еще раз просмотреть наши старые заметки, сделанные уже более года назад... Наконец — несут!

На столе перед нами запыленные папки. Читаем длинные столбцы имен, за которыми скрыты человеческие жизни, демонстрации, стачки. Столбцы имен товарищей, которые много лет назад стояли во главе рабочего движения... Имена и имена... Кто из этих людей был посвящен в дела Пражской конференции?

И тут первая неприятная неожиданность. Жижков, оказывается, был разделен на несколько округов, и поэтому здесь было несколько социал-демократических организаций. В архиве же сохранились списки функционеров только одной организации. Что, если разыскиваемый нами товарищ был членом как раз какой-нибудь другой организации? Таким образом, вероятность того, что мы найдем его, уменьшается наполовину. И тем не менее мы все же выписали длинные столбцы имен жижковских партийных работников — десятки и десятки имен — и с ними направились на Бертоломейскую улицу, где находилось бюро регистрации жителей Праги. Там нам была уготована еще одна неожиданность, конечно же неприятная. Оказалось, что в полицейском архиве сохранились карточки только на половину людей из нашего списка, сведения же об остальных были утеряны. Это значило дальнейшее уменьшение шансов на успешный исход нашего поиска...

Мы уже и не надеялись, что среди оставшихся удастся обнаружить двадцативосьмилетнего мужчину с дочуркой. Иссякала последняя надежда, как вдруг... взгляд задерживается на имени Вацлава Кашпарека.

Обыкновенные, довольно распространенные имя и фамилия.

Родился в 1886 году, а это означает, что во время конференции ему было двадцать шесть лет. Это расхо-

днтся с данными Онуфриева лишь на два года, но при определении возраста два года можно легко "просмотреть", у него была лишь одна дочь Мария, родившаяся 6 декабря 1905 года. И наконец, ег о профессня – полировщик или позолотчик рам... Онуфриев как раз о том и говорил, что когда он спросил своего хозяина, где он работает, то тот взял в руки картинку н постучал по раме. Значит, и это подходит. Жил он на Велеславиновой улице, где находилась н деревообделочная фирма Гаташа. Неужто нам все-таки повезло?

И еще одно обстоятельство убеждало нас, что мы напали на верный след. Вацлав Кашпарек погиб в первую мировую войну, чем н объяснялось, почему уже в пору первой республики он ни словом не обмолвился, что у него жил Ленин.

Наверное, никогда еще я не спешил на Жижков с таким нетерпением, как сейчас. Трамвай медленно ползет в гору, тормозит с содроганием на остановках н затем опять потихоньку карабкается наверх. Наконец н Велеславинова улица! Быстро нахожу дом № 23, устремляюсь внутрь, а глаза ищут лестницу... И вот меня захлестывает волна радостного волнения – нет, это не мираж, вдоль дома тянется галерея, точно такая, как ее описывал Онуфриев! Значит, я у цели!

В какой квартире жил Вацлав перед уходом на войну, с которой так и не вернулся? Где нашел пристанище Ленин с его товарищем?

Я начал искать какого-нибудь старожила этого дома.

Седая женщина делает удивленное лицо:

– Вацлав Кашпарек?

"Он погиб в первую мировую!"– так н хочется закричать ей прямо в ухо, но вместо этого я только нетерпеливо сжимаю карандаш.

– А кто он такой?– спрашивает она наконец.

– Молодой человек, позолотчик, у него еще была маленькая девочка, а сам он погиб на войне...

Нет, такого она не знает, хотя и живет здесь с давних пор.

– Но ведь он должен был тут жить!

Минута молчаливого раздумья:

– Нет, этого не может быть. Я точно знаю, кто из нашего и из соседних домов погиб, ведь это была страшная трагедия для каждой семьи, и об этом всегда много говорили... Постойте, а в каком, собственно, доме он жил?

– В двадцать третьем...

– Так у нас же до войны был другой номер... Когда-то вся эта улица была пронумерована с противоположного конца, так что тогдашний двадцать третий дом нужно искать теперь с другой стороны Велеславиновой улицы.

После этих слов у меня возникает ощущение, будто земля уходит из-под ног...

– Вы не ошибаетесь?– с отчаянной надеждой в голосе спрашиваю.

Старая пани обиженно пожимает плечами: разве можно сомневаться в ее словах? С дурным предчувствием направляюсь в другой конец улицы. Старушка, к сожалению, оказалась права – там действительно стоял дом, где когда-то жил Вацлав Кашпарек, однако это был самый обыкновенный дом, совершенно не соответствующий описанию Онуфриева...

Это разочарование было, пожалуй, наиболее жестоким из всех пережитых мною за время поисков.

38

После большого напряжения охватывает равнодушие и вялость. Тело и мозг истощены, настроение на точке замерзания.

Снова в голове проплывают встречи, анализируются итоги работы последних недель, обдумываются различные версии в поисках правильного ответа. Теперь, по прошествии определенного времени, начинаешь понимать, что последний метод поисков хозяина квартиры, где жил Ленин, был действительно мало реален. Было бы невероятной случайностью, если бы из этого что-нибудь получилось. Ведь все зависело от стольких обстоятельств! Во-первых, это должен был быть функционер, во-вторых, он должен был жить на Жижкове, в-третьих, иметь принадлежность к той социал-демократической организации, чью документацию обнаружили в полиции, и, наконец, четвертым условием было то, чтобы его полицейский формуляр сохранился в архиве... Просто диву даешься, как я только мог уверовать в перспективность этого пути. "Но все было так заманчиво",– возражаешь сам себе. "И безрассудно",– добавляешь с издевкой.

Нет, теперь, набравшись горького опыта, приходишь к выводу, что на основе лишь имеющихся данных невозможно найти человека, у которого жил Ленин.

Вы не согласны?

Что же, давайте еще раз внимательно перечитаем запись рассказа Онуфриева.

Бросается в глаза, что здесь весьма точно описывается путь Ленина и Онуфриева из Народного дома до их жилища. Но можем ли мы сейчас сказать, каким выходом из Народного дома пользовались делегаты? Кто может поручиться, что из предосторожности они не выходили в боковую улицу? В этом случае совсем иной была отправная точка их пути...

Сначала Онуфриев также отвергал возможность того, что они ходили под виадуком в направлении Жижкова, однако позднее он рассудил, что и это не исключено. Но тем самым опять же менялось все описание их пути. Это означало, что они должны были

идти вверх по Гибернской улице все время прямо, а никак не сворачивать "направо, на первую же улицу, которая шла параллельно какой-то насыпи", как он первоначально утверждал. Хотя потом в письме, где он отвечает на вопрос о квартире Оупица, Онуфриев и допускает это, но тем не менее не удалось найти желтых домиков...

А как быть с улицей, начинающейся на "О"? Дело в том, что один из сотрудников пражского Музея Ленина говорил, что во время своего пребывания в Праге Онуфриев высказал предположение, что улица, на которой они жили в 1912 году, кажется, начиналась с этой буквы...

Что же, поищем на старых планах города подходящую улицу!

В 1912 году в Праге было несколько таких названий, хотя бы таких, как: Окружни, Островни, Отакарова, Облоукова, Оградни, Олдржихова, Оливова, Опатовицка, Оребитска, Орлицка, Осадни или Овенецка... Но которая из них?

К примеру, Оребитска. Она находится на Жижкове, у бывшего кинотеатра "Понец", и во всем районе только она одна начиналась с буквы "О". От нее примерно пятнадцать минут пешком до здания, где проходила конференция. Это подходит. Названа она так еще в 1885 году, и дома на ней по преимуществу старые, большинство из которых уже стояло в 1912 году.

Новый след?

Не так-то просто. Ни один из здешних домов не отвечает описанию Онуфриева. Всегда какое-нибудь отличие – или нет арочного подъезда, или же иначе размещена галерея...

Но по словам Марии Вацковой – жены пражского приматора,– один из делегатов якобы жил недалеко от кинотеатра "Понец", то есть на Оребитской улице. Только кто это сможет подтвердить? Где найти убедительное доказательство?

Или взять Олдржихову улицу. Названа в 1892 году, здесь есть и аптека со ступеньками, и дом с галереей, но он расположен в Нусле, далеко от Народного дома, откуда никак не может быть пятнадцати минут ходьбы, как утверждает в своих воспоминаниях Онуфриев.

А Оливова улица? Она находится неподалеку от Народного дома и даже могла бы хоть приблизительно подходить к тому описанию пути, которое дано у Онуфриева: свернуть направо, на первую же улицу, которая идет параллельно насыпи (которой, кстати, теперь там уже нет). Если идти затем по описанию Онуфриева, мы попадем в район Оливовой улицы, название которой можно было бы прочитать на пражских картах еще с 1890 года. Но только здесь не было ни аптеки, ни магазина, где продаются лекарства (ближайший находился на бывшей Марианской улице), к тому же Оливова улица настолько узка, что на ней никак не мог бы уместиться дом, как бы деливший ее надвое. Не было здесь в 1912 году и дома с галереей.

Что еще?

Большинство улиц, начинавшихся на "О", приходилось на окраинные районы Праги, очень удаленные от Народного дома. Например, Островни находилась на Смихове, две Отакаровых соответственно – в Бржевнове и Нусле, Облоукова – во Вршовицах, Оградни – в Михле, Окружни вместе с Осадни и Овенецкой – в Голешовицах...

Нет, путь поисков улицы на "О" нас к цели не приведет.

– А что, если попробовать выяснить, где был в Праге в 1912 году каток?– предлагает Иржи. – Ведь Онуфриев говорил, что однажды вечером Владимир Ильич пошел покататься на коньках и простудился. Безусловно, этот каток должен был находиться неподалеку от дома, где он тогда жил.

– Совсем не обязательно. Ленин мог гулять по городу, дойти даже до Влтавы, замерзшей в том году,

и на которой было несколько площадок для катания на коньках. К тому же таких небольших пятачков, залитых льдом, было немало разбросано по всему городу. На том же самом Жижкове катались на коньках на стадионе "Чехия-Жижков", на Ольшанском пруду и еще на Венделинке, где сейчас студенческое общежитие.

Нет, и этим способом мы ничего не выясним.

А может быть, пойти по пути поисков аптеки со ступеньками? Мы отыскали список пражских аптек приблизительно того времени, когда проходила Пражская конференция. Их оказалось более пятидесяти, и нелегко найти среди них ту, которая нам нужна. Посмотрите сами:

аптека на Ечной улице, дом 37,
аптека на Корунной улице, дом 36,
аптека на Мысликовой улице, дом 9,
аптеки на Юнгмановой улице, дом 99 и дом 26,
аптеки на улице Палацкого, дом 76 и дом 24,
аптека на Гусовой улице, дом 49,
аптека на Карловой улице, дом 77,
аптека на Гавличковой улице, дом 43,
аптека на Либушиной улице, дом 68,
аптека на Рокицановой улице, дом 9.

У какой из них в 1912 году были ступеньки? Фотографий того периода не сохранилось, а человеческая память ненадежна. Отдельные сведения, добытые нами, отличаются друг от друга – какому из них верить? Ведь прошло уже столько десятилетий, и за это время уровень тротуара или проезжей части мог повышаться десяток раз и ступеньки могли исчезнуть. И наоборот, некоторые аптеки, к которым позднее были пристроены ступеньки, еще вовсе не существовали в 1912 году, например аптека Сарваша на Сезимовой улице в Нусле или аптека на Французском проспекте на Виноградах.

А потом, уверены ли мы, что нам надо искать

именно аптеку? Не мог ли Онуфриев пойти тогда за лекарством в дрогерию, где раньше также продавали различные средства от кашля. В царской России в то время подобных торговых заведений не было, поэтому в аптеках там имелся широкий ассортимент – от медикаментов до москательных товаров. Можно вполне допустить, что Онуфриев зашел именно в дрогерию – а их было около двухсот,– которую в своих воспоминаниях назвал аптекой.

Но допустим, что аптека все-таки нашлась. Несмотря на это, остается немало других неразрешимых проблем. Это показал, к примеру, приезд Онуфриева в Прагу в 1957 году. Он побывал и на Сватоплуковой улице в Нусле, где в доме 18 когда-то жил жестянщик Карел Лготак, у которого была дочка Ярмила 1908 года рождения. Ей, значит, в период Пражской конференции было как раз четыре года. Онуфриев внимательно осмотрел этот дом, пытаясь сам себе ответить, жил ли он здесь с Лениным или нет.

На соседней Олдржиховой улице находилась аптека, более или менее похожая на ту, которую он искал. Дом, в котором жил Лготак, имел и галерею, хотя лестница была несколько иной. Рядом с семьей Лготаков жил какой-то слесарь Новотны, тоже социал-демократ. Тогда, в 1912 году, как раз напротив, на том месте, где сейчас стоят новостройки, был и каток. Только не было бани...

– Какой еще бани?– можете вы удивленно спросить.

В одном из своих писем Онуфриев утверждает, что неподалеку от "их" дома была баня, где он мылся. Заглянув в старую адресную книгу, вы обнаружите, что в Праге наряду с "Прокатом шарманок", "Конями-качалками" были и "Купальные ванные", которых всего насчитывалось двенадцать. Однако в том месте в Нусле, где находится Сватоплукова улица (оно называется здесь "Долинкой"), не было ни одной. Ближай-

шая была несколько дальше, на Отакаровой улице, но дорога к ней не совсем совпадала с описанием Онуфриева.

Получалось, что у нас была и аптека, и примерно похожий дом, и семья социал-демократа с маленькой девочкой, но вот только баня не там располагалась.

Когда мы зашли в этот дом, как раз галерею мыла пани Лоосова. Хотя ей было уже за восемьдесят, двигалась она как молодица. Она рассказала, как здесь все выглядело раньше:

– Вон ту ванночку еще делал пан Лготак, когда был жив... Жил ли здесь Ленин, не знаю, но я что-то слышала об этом. Аптека со ступеньками находилась за углом. Были тут и две булочные, где можно было купить булочки. И ручей здесь протекал. Да он, собственно, и сейчас есть.

Кстати, о ручье...

Ведь это еще один опознавательный знак, так как Онуфриев как-то высказал предположение, что они с Лениным переходили через ручей. Через какой-то мостик. Но в Праге только два ручья: в Либене – это ручей Рокитка и в Нусле – Ботич. Но Либень слишком далеко от Народного дома, значит, остается Ботич...

Вода в нем мутная, грязная. Сверившись со старой картой, можно легко установить, что раньше ручей протекал примерно там же, где и сейчас.

Много фактов говорило за то, что Ленин с Онуфриевым могли жить на нусельской Сватоплуковой улице, но немало фактов было и против. Не исключено, что разыскиваемый дом мог быть и на Болеславовой улице, кстати тоже в Нусле. В пользу этого района говорило и то, что в то время здесь не было трамвая, а Онуфриев в своих воспоминаниях как раз обращал на это внимание.

В нашем распоряжении достаточно конкретных указаний, позволяющих относительно точно определить их место жительства: описание пути, костел,

аптека, баня, высокий деревянный забор, вдоль которого они проходили, дом с галереей, соседство с железной дорогой, описание однокомнатной квартиры, ручей, каток и много других опознавательных знаков. Но вместе с тем все яснее осознаешь, что, чем больше появляется таких конкретных подробностей, тем труднее становятся поиски этого дома. Получается так, что отдельные опознавательные знаки взаимно исключают друг друга. Стоит найти аптеку со ступеньками, как там по соседству не окажется бани, или ручья, или железной дороги, или ресторана... Или же все наоборот.

Но разберемся в главной части рассказа Е. П. Онуфриева. Он говорит, что они жили у какого-то багетчика. Тут же напрашивается естественное решение: надо найти этого багетчика. Но вот только не существует никаких поименных списков пражских ремесленников того времени, в которых бы аккуратным образом в алфавитном порядке были перечислены все багетчики – и нам только оставалось бы проверить их адреса и найти того, кто нужен... К тому же можно ли безоговорочно принять на веру предположение Онуфриева о том, что этот человек был багетчиком? Нам уже известно, каким образом Онуфриев пришел к этому заключению. На стенах квартиры висело множество деревянных рамок, однажды хозяин снял одну и постучал по ней, желая показать, в чем состоит его профессия... Но почему мы обязательно исходим из того, что рабочий хотел обратить внимание именно на рамку, а не на то, что было в ней? Хотя бы на свидетельство об окончании профессионально-технического училища? Может быть, там как раз было какое-то удостоверение или диплом с рисунком, что и должно было ответить на вопрос Онуфриева.

А не мог ли это быть хотя бы тот самый молодой кондитер, который жил в доме 319 на Карловой площади, где незадолго до этого жил и Войтех Голечек?

Ведь этот дом полностью соответствовал описанию Онуфриева...

Ах нет, подобный метод поисков очень скоро завел бы нас в область пустопорожних догадок и предположений. Стоит нам принять за основу, что чешский рабочий показал застекленный диплом с каким-то символическим рисунком, пытаясь тем самым объяснить характер своей профессии, как круг вероятностей разрастается до бесконечности. Абсурдно начинать поиски в Праге семьи какого-то ремесленника, у которого в 1912 году была четырех- или пятилетняя дочка. А учитывая, что после 1912 года было снесено столько старых домов, было бы невероятной случайностью, если бы до сих пор этот дом еще стоял...

39

Разве человеку не свойственно ошибаться?

Попробуйте сами вспомнить о чем-либо, что имело место десять, двадцать или тридцать лет назад... Постарайтесь установить подробности, при этом совершенно точные подробности, и вы увидите, насколько ненадежна наша память.

Можно ли исключить, что и в памяти Онуфриева отдельные факты за долгие годы не затуманились или же как-то не слились воедино?

По мере наших возможностей мы старались проверить все его сведения, и смотрите, что получается: он говорит о том, что вместе с группой делегатов и с Лениным был в театре на "Евгении Онегине", где Онегина пел какой-то русский певец, пользовавшийся тогда большим успехом. Мы попытались найти сообщение об этом спектакле в ежедневных газетах. В "Народни политике" от 8 января 1912 года мы обнаружи-

ли, между прочим, извещение о том, что самый юный чешский артист, девятилетний Юлиус Фучик, будет выступать в "Маленьком лорде", который ставился тогда в Камерном театре. Затем нам попалось и сообщение о солисте московской оперы баритоне Георгии Андреевиче Бакланове, который дважды пел Онегина в Праге – 3 и 7 февраля 1912 года. Вот тут и начинаются небольшие неувязки. Онуфриев утверждает, что был на спектакле с Лениным, но это просто невозможно, поскольку уже 1 февраля Владимир Ильич был в Лейпциге, где встречался с депутатами III Государственной думы Полетаевым и Шуркановым (последний позже оказался провокатором), которые должны были приехать на Пражскую конференцию, но в дороге задержались. Оттуда Ленин поспешил в Париж, чтобы организовать публикацию резолюций конференции, которые делегаты потом увезли с собой в Россию.

Как же в таком случае объяснить это место из воспоминаний Онуфриева?

Давайте опять возьмем тогдашние газеты, хотя бы "Народни листы", где говорится, что опера Чайковского "Евгений Онегин" ставилась на сцене пражского Национального театра вечером 27 января 1912 года. Выходит, раньше мы ошибались? Нет, но только на этот раз Бакланов не выступал.

"Народни листы" от 26 января 1912 года, в рубрике "Театр", писали, что завтра вечером в опере Чайковского "Евгений Онегин" выступит Ян Вавра-младший из Городского театра в Опаве. Далее указывалось, что через неделю после завтрашнего представления начнутся гастроли Георгия Бакланова, который выступит в заглавной партии в опере Чайковского "Евгений Онегин". Билеты продаются утром и вечером в кассе на проспекте Фердинанда. Во второй раз прославленный гость выступит 5 февраля в роли Бориса Годунова в одноименной опере Мусоргского. Сообщалось также, что билеты на этот спектакль уже находятся в предва-

рительной продаже.

Какой из этого можно сделать вывод?

В субботу 27 января в Национальном театре давали "Евгения Онегина", и там могли быть Онуфриев с Лениным (27 января Владимир Ильич еще был в Праге), но только тогда не пел русский певец Бакланов. Следующее представление "Евгения Онегина" было через неделю, 3 февраля, и в нем уже участвовал Бакланов, но зато в это время Ленина не было в Праге, и делегаты могли пойти в театр без него...

– Погоди-ка,– вступает Иржи,– а не могло ли произойти изменение состава, так что Бакланов пел вместо Вавры уже в субботу 27 января?

– Исключено. В той же газете 27 января было помещено следующее сообщение: "Из канцелярии Национального театра. Сегодня вечером исполняется опера Чайковского "Евгений Онегин" с участием в заглавной роли г-на Яна Вавры-мл. из Гор. театра в Опаве. Начало в 14.30". Несколькими строчками ниже опять обращалось внимание: "Через неделю в Национальном театре вновь выступит известный русский баритон Георгий Бакланов, который во время своих последних гастрольных выступлений в Н.Т. сразу же завоевал популярность у публики... Огромен интерес к выступлениям артиста: все билеты на оперу "Евгений Онегин", **за исключением нескольких мест на галерее**, проданы (это место было выделено тогда, в 1912 году!), а на оперу "Борис Годунов" осталось всего лишь несколько мест. Третье выступление прославленного певца 7 февраля вновь будет в опере Чайковского "Евгений Онегин".

– Теперь понятно. Здесь говорится о трех выступлениях Бакланова, а если бы он заменил Вавру 27 января, то выступал бы в Праге четыре раза.

– Вот именно, к тому же после выступления Вавры в "Евгении Онегине", то есть в воскресенье 28 января, газета писала: "В субботу состоится первое

гастрольное выступлеиие артиста царской оперы в Москве Георгия Бакланова..." Также и в четвертом выпуске газеты от 1 февраля писалось, что "в субботу состоится первое выступление Георгия Бакланова в заглавиой роли оперы Чайковского "Евгений Онегии"... Так что если бы ои выступал вместо Вавры в "Евгеиии Онегиие" в субботу 27 января, то газеты от 28 января и 1 февраля ие писали бы, что ои впервые выступит в субботу, 3 февраля.

– В таком случае совершеиио точно устаиовлено, что исключеиа возможность того, что Бакланов выступал в Праге ранее 3 февраля 1912 года. Это подтвердили и газеты, вышедшие 3 февраля, которые сообщали, что "сегодня впервые выступит артист царской оперы в Москве Георгий Бакланов". Вероятно, Онуфриев с Лениным и другими делегатами были в опере в субботу 27 января, когда роль Оиегиia исполнял гость из Опавы Вавра. Не исключено, что делегаты слушали и Бакланова, но уже через иеделю и без Ленина, который уехал в Лейпциг 31 января.

– Имеиио января... В таком случае нельзя ли предположить, что после встречи в Лейпциге Лении опять вернулся в Прагу, сделал там все необходимое, затем возвратился, сходил с делегатами иа "Онегиia" и после зтого уехал в Берлии, а затем в Париж?... Правда, ни в одном из воспоминаний очевидцев коиференции ие говорится о том, что Ленин еще раз возвращался из Лейпцига.

Прежде чем покончить с зтой проблемой, обратим виимание лишь иа то, что дирижером как 27 января, так и 3 февраля был Франтишек Пицка. С зтим имеием иам еще придется встретиться...

Не следует удивляться, что воспомииание Оиуфриева о совместном посещении театра Лениным с делегатами оказалось неточиым, – слишком много воды утекло с 1912 года, все, что происходило тогда, приобрело новые очертания, события потеряли кон-

кретный характер и с огромным трудом воскрешаются сегодня в памяти.

Еще одним примером может быть история с раковиной.

Перелистывая "Делопроизводственный протокол императорско-королевского полицейского управления в Праге", мы наткнулись на запись о русском гравере по имени Гирш Свердлофф. Кто это такой? Невольно на ум приходит, что как раз на Пражской конференции кандидатом в члены ЦК партии был избран революционер Яков Михайлович Свердлов. Мы разыскали полицейские документы о гравере Свердлоффе – и что же мы узнали? Осенью 1911 года по случаю дня рождения Его апостольского величества Свердлофф преподнес в дар австрийскому императору раковину, украшенную гравировкой, чем зарекомендовал себя в глазах полиции с положительной стороны. В сделанной записи свидетельствовалось, что, судя по его подарку, он является вполне лояльным гражданином...

Но почему для него так было важно убеждать полицию в своей лояльности? Трудно ответить... Он родился в 1861 году в Лепеле под Витебском, в 1905 году эмигрировал из России. Случайность ли это, что он уезжает оттуда как раз в бурный 1905 год, когда из России вынуждены бежать многие революционеры? Он скитается по Европе, живет в Берлине, в Нюрнберге, открывает даже лавочку в Праге на тогдашней Юнгмановой улице и возвращается сюда из Германии именно в тот период, когда в Праге происходит большевистская конференция... Еще одно случайное совпадение? Был ли он родственником Якова Михайловича Свердлова или здесь просто необычайное сходство имен и совпадение времени?*

* 9 апреля 1979 года переводчик данной книги связался в Москве с братом Я. М. Свердлова Германом Михайловичем Свердловым и зачитал ему это место. Герман Михайлович сообщил, что их отец действительно был родом из Витебска

Документы молчат, так как самые важные из них давно уничтожены, Гирш Свердлофф давно уже не гравирует раковины, и от всей его жизни осталось только несколько строчек в архиве пражской полиции.

Иной раз попадались сведения, которые хотя и помогали что-то проверить, но разгадки не давали.

Взять хотя бы заметку о Карле Грунцле, друге Оупица. Обнаружил ее Иржи, который снова терпеливо сидел в университетской библиотеке и усердно перелистывал январскую подшивку "Руде право" за 1924 год. Это был месяц смерти Владимира Ильича, поэтому Иржи внимательно перечитывал все статьи, надеясь, что в этой связи кто-нибудь может вспомнить и о пребывании Ленина в Праге.

Работал он не спеша, методично, что и дало свои результаты. В номере от 26 января 1924 года сообщалось, что 27 января в три часа дня в ресторане "У Швецу" Свободное общество типографов-коммунистов организует лекцию товарища доктора Б. Шмераля на тему "Экономическое и политическое положение в Германии". Перед лекцией поэт и писатель Йозеф Гора произнесет траурную речь по поводу смерти В. И. Ленина.

Ничего больше в сообщении не было.

Но стоило перевернуть несколько страниц, пробежать различные объявления, комментарии и фельетоны, как в номере "Руде право" от 29 января на глаза попалась небольшая информация об этом мероприятии:

"Свободное общество типографов-коммунистов Большой Праги организовало многолюдное траурное заседание, посвященное памяти Ленина. О значении деятельности и жизни Ленина говорил редактор "Руде право" товарищ Й. Гора. С интересными воспомина-

и тоже был гравером (какое совпадение!), но никогда из России не уезжал, кроме того, был моложе Гирша Свердлоффа. Ни о каком другом родственнике-гравере, жившем в эмиграции, Герман Михайлович не слышал и полагает, что это простое совпадение.

ниями о пребывании Ленина в Праге в 1913 году выступил товарищ Карел Грунцл. Выступления обоих ораторов были выслушаны с большим интересом и произвели на слушателей глубокое впечатление".

Еще раз перечитываю информацию. Тут допущена типографская ошибка: ленинцы находились в Праге не в 1913, а в 1912 году. В целом же заметка заставляет задуматься. Беседа состоялась в 1924 году, то есть в пору, когда еще были живы большинство участников организационной подготовки конференции, которые могли бы уличить Грунцла в случае искажения им фактов. Поэтому следует исходить из того, что выступавший приводил точные и истинные факты. К тому же надо учитывать, что заседание было организовано обществом типографов, а среди них, безусловно, могли оказаться и те, кто лично помнил некоторые подробности (ведь конференция, как мы знаем, происходила в Народном доме, помещении, как раз принадлежавшем прессе).

Карел Грунцл уже известен нам как друг Оупица, человек левых взглядов. Одна женщина, которая работала у него, характеризовала Грунцла как "исключительно доброго человека ... он всем нам был вторым отцом, мы называли его "дядюшкой Грунцлом" и исповедовали ему наши любовные секреты... Наша дружба продолжалась многие годы, и когда потом в моей жизни случались какие-либо трудности или неурядицы, то я находила утешение в простой домашней обстановке семьи дядюшки Грунцла на Вензиговой улице, 2, на Виноградах, куда ходила поплакать и пожаловаться на жизнь и где всегда встречала доброе слово и искреннее участие со стороны дядюшки и его жены. Дядюшка Грунцл состоял (в 1918 году) в социал-демократической организации и всегда твердо придерживался левых позиций. Он часто говорил нам, что видел Ленина. Как я сейчас жалею, что мы, неразумные девчонки, тогда не расспрашивали об этом

поподробнее. Я почти убеждена, что К. Грунцл был действительно осведомлен о многом и, видимо, знал, где проживал Ленин".

Но смерть пришла раньше, чем мы... И так это было в большинстве случаев.

Да, нам уже немало известно о конференции. Мы знаем, что всего на ней было 18 делегатов (Шкатула ошибался, полагая, что делегатов было около 30) и что они представляли 20 активно действующих организаций из наиболее значительных городов России: Москвы, Петербурга, Тифлиса, Баку, Саратова, Киева и других. Известно, что 16 делегатов были большевиками, что всего было 23 заседания, продолжавшихся ежедневно, кроме воскресенья, с 10 до 13 и с 15 до 20 часов. Мы знаем, что на конференции обсуждались различные важные проблемы, среди которых на одном из первых мест стоял вопрос о современном моменте и задачах партии в связи с ликвидаторской политикой меньшевиков... И еще знаем, что на заседаниях действовал определенный регламент: докладчик имел 40 минут на доклад и 20 минут на заключительное слово, участвующие в прениях получали для первого выступления 15 минут, для повторного – 5 минут. Знаем и то, что на прощальную вечеринку делегаты не хотели звать плехановца из Екатеринослава "Савву" (настоящее имя – Я. Д. Зевин) и что только после вмешательства Ленина Савва смог прийти на вечеринку (а Ленин прекрасно разбирался в людях: позднее Савва стал настоящим ленинцем и за свои убеждения заплатил жизнью – в 1918 году он был расстрелян интервентами в Баку как народный комиссар-большевик). Нам известно, как проводились выборы в ЦК, известно... да, нам уже многое известно, и тем не менее нам вновь не дает покоя мысль, которая и раньше тревожила нас, о том, сколько еще осталось ценного в пожелтевших бумагах, которые уже никогда не раскроют всех своих тайн. Где выступления Ленина на конференции? Неко-

торые из них утеряиы, ио куда они могли деться?

В Народном доме иа Гибернской улице царит тишииа, лишь с иаходящегося иеподалеку вокзала доиосятся гудки паровозов. Посетители, которые ныие приходят сюда, молча осматривают помещения, думая о том, что здесь, по зтим комнатам, ходил Владимир Ильич, здесь ои председательствовал на коифереиции...

Здесь решался вопрос о будущем, которое иаложило свой отпечаток иа весь современный мир.

40

Кровать стояла иедалеко от окна, через которое была видна высокая сииева осеииего иеба. Я лежал в больиице в Крчи, операция прошла благополучно, и врач уже иазиачил иебольшие прогулки.

Случилось зто иа пятый день. Пришла сестра и сообщила:

– К вам посетитель. Какой-то мужчииа...

Навериое, Иржи, подумал я.

– Только ои говорит по-русски,– добавила оиа.

Размышляя, кто бы зто мог быть, я дохромал до коридора. Взаимио представляемся.

– У меня к вам письмо,– говорит профессор из Советского Союза.

– От кого?

Прошло уже более двух месяцев, как в Москве было опубликовано несколько статей о иаших поисках, и с того времени я постоянно получаю письма от советских пионеров со всех коицов страны.

– Нет, это ие от пиоиеров,– улыбается профессор и подает мне пакет. В ием я нахожу письмо, подписаниое А. Д. Ярошеико.

– Извините меня,– обращаюсь к профессору, ои с

пониманием кивает, и я углубляюсь в чтение письма. Интересно, действительно очень интересно... А. Д. Ярошенко писал, что, прочитав о попытках найти ленинские места в Праге, посылает мне прилагаемые материалы.

– А кто этот А. Д. Ярошенко? – спрашиваю я, перебирая тем временем вложенные в пакет бумаги.

– Научный работник. Когда он узнал, что я еду в Чехословакию, попросил меня разыскать вас в Праге и передать это письмо. Какое-то время назад Ярошенко опубликовал исследование о Петре Дятлове...

"Дятлов, Дятлов, кажется, я где-то уже слышал эту фамилию"– проносится в голове, а профессор, как бы угадав мои мысли, говорит:

– Дятлова вы, видимо, уже знаете...

Вспомнил: у Ленина в блокноте был записан его пражский адрес.

– Да, это был интересный парень... – Профессор совсем забыл, что сидит в больничном коридоре, и начал увлеченно рассказывать. Прошло немало времени, прежде чем он закончил свой рассказ словами:

– Для вас его история могла бы представить интерес.

Сестра объявила, что время посещения больных закончилось. Я остался один.

Петр Юрьевич Дятлов был действительно необыкновенный человек. Родился 12 февраля 1883 года в городе Стародуб на Украине. Его отец работал маляром, умер молодым, поэтому Петру Юрьевичу с малых лет довелось познать, что такое нищета. Однако в 1896 году его все же приняли в нежинскую гимназию (видимо, потому, что он был страстным книголюбом), которую он окончил в 1901 году с серебряной медалью, и записался на юридический факультет Московского университета.

Для Дятлова Москва означала все. Хотя еще в гимназии он знакомился с революционной литературой

и принимал участие в студенческих кружках, только в Москве он смог утолить жажду по революционным знаниям. Он читает нелегальные брошюры и ленинскую "Искру", издаваемую в Мюнхене и переправляемую тайными путями через Прагу в Россию.

Вскоре для царской полиции становится ясным, что этот молодой человек слишком опасен. Предлог для ареста нашелся: 9 февраля 1902 года его заключают в Бутырскую тюрьму якобы за участие в студенческой сходке, а на самом деле потому, что Дятлов становится одним из руководителей московского революционного студенчества.

По решению царского министра Петр Юрьевич Дятлов был исключен из Московского университета без права поступления в иное высшее учебное заведение и с запрещением какой-либо педагогической деятельности.

Одних людей заключение может сломить, для других оно становится суровой школой.

Когда Петр Юрьевич был выпущен из тюрьмы, царские власти для острастки отправляют его еще в ссылку: в Курск, Нижний Новгород, Ворожбу, Глухов и в другие места...

У человека, убежденного в своей правоте, никакое тюремное заключение или ссылка не могут изменить его веру и его взгляды. Именно к таким людям, до конца остающимся верными своим убеждениям, принадлежал Дятлов.

Позже ему вновь удается продолжить свое образование, на сей раз в Петербурге, где он поступает на финансово-экономический факультет университета. Решение министра образования об исключении Дятлова из всех высших учебных заведений не было отменено, была лишь плохая координация между московскими и петербургскими учебными заведениями, чем и воспользовался Дятлов. Но и на сей раз его учеба была недолгой. Он вступает в Российскую социал-демокра-

тическую рабочую партию, принимает участие в студенческих и рабочих сходках, работает в нелегальных кружках, распространяет и публикует революционные листовки – и полиция вновь нападает на его след.

В 1904 году его исключают. Но теперь полиция избирает иной метод: она его не арестовывает, а оставляет на свободе и, установив слежку, пытается добраться через него до остальных активистов революционного движения. Однако Петр Юрьевич сразу же все понял и уезжает к себе домой на Украину. Но и там он оставался под постоянным наблюдением и нередко подвергался допросам.

Проходят месяцы и годы, но царская охранка не ослабляет свой надзор. Куда бы ни двинулся Дятлов, по пятам постоянная слежка. В конце концов он приходит к выводу, что единственная возможность для продолжения революционной деятельности – это эмиграция. Тем более что он вновь оказался под угрозой ссылки, на сей раз в Архангельск.

В 1908 году он переходит границу. Сначала он направляется в Швейцарию, где находилось много русских и украинских эмигрантов, затем, в 1910 году, из Цюриха переезжает в Прагу.

Почему именно в Прагу?

Неизвестно... Он поселяется недалеко от Карловой площади, заканчивает здесь инженерно-строительный факультет. Пребывание Дятлова в Праге (он здесь прожил до 1914 года, затем переезжает в Вену, где живет до 1921 года) сыграло исключительно важную роль не только для него самого, но и для рабочего движения.

Петр Юрьевич неутомим – он учится, переводит, дает уроки, работает среди русских эмигрантов и становится душой многих их мероприятий. Наряду с чешским и немецким он овладевает французским и английским языками.

Примерно в 1908–1914 годах он восстанавливает

связи с Владимиром Ильичем и его женой Н.К. Крупской. Когда-то, в 1903–1904 годах, во время своего пребывания в Петербурге, он уже вел с ними переписку. Оказавшись в Швейцарии, он лично познакомился с Лениным. Позже Дятлов писал, что, оказавшись в 1908 году в эмиграции вместо архангельской ссылки, он и там поддерживал постоянную связь с товарищами Лениным и Крупской (до сих пор у него сохранились их письма), помогая им в организационной работе.

Это воспоминание Дятлова весьма знаменательно. С одной стороны, оно подтверждает, что он не только был связан с обоими, но и помогал им в организационной работе, с другой – указывает на то, что у Дятлова сохранились их письма.

После Великой Октябрьской социалистической революции Дятлов окончательно разошелся с украинскими социал-демократами и в 1918 году вступил в украинскую секцию Коммунистической партии Австрии. Дятлов собирает вокруг себя живших в то время в Вене украинских, польских и русских революционных эмигрантов, а в 1919 году начинает издавать "Коммунистическую библиотеку", первым томом которой стала книга Ленина "Государство и революция". На украинский язык ее перевел П.Ю. Дятлов.

Затем следовали другие переводы: "Краткая биография В.И. Ленина", "Программа большевистской партии", "Очередные задачи советской власти". Дятлов без устали работал. Его переводы появились и в Америке. Там к книге Ленина "Государство и революция", которая была опубликована в 1919 году украинской федерацией Коммунистической партии США, он приложил свою статью "Владимир Ульянов (Н. Ленин)", в которой рассказал о жизни Ленина.

Также и к изданию в Вене работы Ленина "Очередные задачи советской власти" он написал послесловие переводчика, датированное 10 мая 1920 года, в котором дал ей высокую оценку. В том же году он напра-

вил Леиину письмо с пачкой книг, изданных в Веие в "Коммунистической библиотеке".

Короче говоря, всю свою жизнь Дятлов иаходился иа левом фланге революционной борьбы.

Летом 1924 года он опять переезжает в Прагу, где работает в украинской секции Коммунистической партии Чехословакии, занимается литературным творчеством, в частиости переводит Алоиса Ирасека и Божену Немцову. В январе 1926 года по приглашению Народного комиссариата образования он возвращается домой иа Украину, где становится одним из руководящих деятелей культуриой жизни. До конца дней своих ои ие оставил ленинскую баррикаду...

Да, иадо сказать еще об одной важиой вещи. Недавио в советском журнале "Исторические архивы" были опубликованы адреса из записной книжки В.И. Ленина, и среди них следующий адрес: "P. Ďatlov. Řeznicka 14, II. pověrch, Praga II., Bogemija. Dlja grupi b – k".

Дятлов был руководителем пражской группы большевиков-эмигрантов, и, как утверждают, его связник даже должен был встретиться с Пятницким, который приехал сюда осенью 1911 года с письмом от Ленииа Антонину Немецу. В случае если бы чешские социал-демократы отказали в просьбе Ленииа, помощь якобы должеи был оказать Дятлов... Пометка в записиой книжке Леиина означает, что Дятлов действительно поддерживал с ним связь и работал иа него в Праге. Возможио, передавал ему различного рода информацию и даже деньги иа издание газеты.

(Вспоминаю, что в книге "Протоколы заседаний Исполнительиого комитета социал-демократической партии", в записи, относящейся к 14 января 1909 года, говорится о просьбе "Общества поддержки русских и польских эмигрантов" об оказании финансовой помощи. Просьба была удовлетвореиа. И хотя Дятлов приехал в Прагу годом позже, ие исключеио, что и ои

поступал подобным же образом. К сожалению, в "Протоколах" не указано, кому лично были переданы деньги...)

Много заключено в адресе Дятлова, находящемся в записной книжке Ленина предвоенных лет.

Но значит ли это, что Ленин жил у него в период Пражской конференции?

Раздумываю, лежа на больничной постели, рассуждаю, полемизирую с Иржи... После возвращения домой передаю все материалы в Музей Ленина и отправляюсь на Ржезницкую улицу. Стою на углу и говорю сам себе: "Когда-то здесь ходил Ленин".

Дом номер 14 выглядит неприглядно, вся штукатурка осыпалась. Старая надпись говорит о том, что когда-то здесь была пивная "У Лайблу". Когда входишь под высокий свод подъезда, то ощущаешь себя как в холодном тоннеле. Лестница слева поднимается наверх. Нет, этот дом был не для состоятельных...

Означают ли слова Дятлова о его помощи Ленину в организационной работе также и то, что он участвовал в подготовке и проведении Пражской конференции?

Может быть.

Проживающие в Праге две дочери П. Ю. Дятлова рассказывают, что, как говорила их мать, Ленин бывал у них в январе 1912 года и чувствовал себя как дома...

Нет, он не жил здесь с Онуфриевым – слишком много показаний противоречат воспоминаниям Онуфриева,– но это вовсе не означает, что он не заходил сюда и даже как-нибудь не переночевал...

И это допустимо.

Я мерю шагами длинную осеннюю улицу – мокрую, грязную и неприветливую.

41

Он пришел ко мне в редакцию и сказал:

– Моя фамилия Шедивы.

Я тоже представился.

– Так это вы пишете о пребывании Ленина в Праге?

– Да, я...

– Я вот прочитал вашу статью. Она помогла мне разрешить загадку пятидесятилетней давности...

Я его не прерывал. Он не выглядел стариком, хотя иэ разговора выяснилось, что он родился в 1893 году. Он был благовоспитан, учтив, точен в выражениях и соэдавал впечатление добросовестного человека. Я молчал, давая ему возможность продолжить разговор.

– Понимаете ли, этот Леман...

– Какой Леман?

– Ну, этот... на адрес Лемана в 1900 году приходила почта для Ленина. Вы еще писали об этом в вашей статье. Леман тогда жил,– тут Шедивы запнулся, вытащил иэ кармана записную книжку, посмотрел и продолжал:– в Мюнхене, на Габельсбергерштрассе, 20.

– Правильно,– кивнул я согласно.

– А у меня конверт с адресом этого Лемана!

– Как он к вам попал?

– Нашел его в поеэде.

– Когда?

– В 1912 году.

Я слегка растерялся и на всякий случай спросил:

– А где этот конверт?

– Я отдал его в пражский Музей Ленина.

– Погодите, рассказывайте все по порядку, а я запишу.

Шедивы согласился, уселся поудобнее и начал:

– Значит, от Адама... В то время, в 1912 году, мне

было девятнадцать лет. Знаете ведь как с молодыми парнями – бегают за девчонками... Моя была из Смихова. Так вот, в Берлине заболела какая-то ее родственница, и она поехала туда, чтобы ухаживать за ней. Мы условились, что я приеду к ней на Новый год, то есть 31 декабря 1911 года, но почему-то это не получилось, в общем, не смог я. Тогда я написал ей, что приеду через месяц, то есть 31 января 1912 года. Поэтому в тот самый день я отправился на Государственный вокзал к скорому поезду номер 305, который отходил около половины одиннадцатого вечера. Он шел от Вены через Прагу и Дрезден до Берлина. Когда я искал свободное место, то услышал, как двое проводников что-то говорят о депутате.

– О депутате?

– Один из проводников говорит другому: "В четвертом у тебя какой-то депутат или что-то в этом роде..." Я и подумал, почему бы мне не проехаться с депутатом, вхожу в вагон и в четвертом купе застаю человека, который как раз укладывал багаж. Я справился, могу ли сесть рядом, он ответил, что да...

– Как он вам это сказал? По-чешски?

– Он ответил: "Пожалуйста, да, да..." Сказал по-чешски, но с иностранным акцентом. Потом поезд тронулся, минуту мы сидели молча, и тут в купе вошел проводник за нашими билетами. Иностранец подал ему свой билет и спросил: "Herr Schaffner, Wann Sind Wer in Bodenbach?" Видимо, он не знал станций, поэтому спрашивал, когда прибудем в Подмоклы. Он угостил проводника сигарой, но сам всю дорогу не курил, это я точно запомнил.

– Вы разговаривали с ним?

– Да. Он спрашивал меня, куда я еду, а сам тем временем чистил яблоко. Он удивился, когда услышал, что я уже дважды побывал в Берлине. И еще больше удивился, когда я ему сказал, что ездил туда на велосипеде. "Не слишком ли это далеко?"– "Так я же ехал

с остановкой: в первый день до Дрездена и лишь во второй – до Берлина". Он кивнул и с улыбкой протянул мне яблоко: "Такой спортсмен заслуживает награды". Я поблагодарил – да, я совсем забыл сказать, что обо всем этом мы говорили по-немецки, – он мне подал нож с потемневшим черенком, и мы беседовали дальше, но подробностей я уже не помню.

– Но вы говорили, что нашли конверт с адресом Лемана...

– Минутку, сейчас дойдем и до этого. На пограничной станции Боденбах-Подмоклы наш поезд стоял примерно минут двадцать, и я сходил в ресторан. Когда я возвращался, то увидел, как мой попутчик в наброшенном на плечи пальто прохаживается по перрону. Он был низкого роста, широкоплечий, с бледноватым лицом, на голове коричневая кепка. Я остался на какое-то время в коридоре, а он вошел в купе, оперся головой о спинку сиденья и, кажется, уснул. Я только помню, когда я вернулся в купе, его кепка немного сползла набок (видимо, он только что проснулся) и он, не снимая ее, старательно поправлял волосы. Мне показалось, что это был парик...

Все это представлялось странным, но Шедивы продолжал дальше, не давая себя прервать.

– Я понимаю, вы думаете, что парики встречаются лишь в детективных рассказах, но я вам честно рассказываю о том, что помню, а вы уж сами из этого делайте выводы. Вам, должно быть, известно, носил ли кто-либо из делегатов Пражской конференции парик...

– А как все-таки с конвертом?

– При подъезде к Дрездену он приготовил свой чемоданчик такого коричневого цвета. Чемодан был перепоясан ремнем, за который был заткнут зонтик. Когда поезд остановился, он подал мне руку, попрощался и вышел. Просто из любопытства я открыл окно и вижу, как мой попутчик поставил багаж на землю недалеко от вагона, то есть на перрон, и стал

кого-то ждать. Через минуту к нему подбежал человек в черном зимнем пальто, коротком таком, на нем тоже была кепка, но другой формы, с черной блестящей лентой вокруг. Они говорили по-немецки. Вдруг к ним подбежал еще третий, долговязый такой, но он говорил или по-польски, или по-русски. Еще минуту они поговорили, потом пошли в конец поезда, либо чтобы опять сесть в него, либо чтобы высокий забрал свой багаж. В этот момент паровоз начал выпускать пар и все вокруг заволокло, как в густом тумане, по перрону пробежала какая-то веселая компания, поезд тронулся и продолжил свой путь на Берлин. Я вернулся на свое место и вдруг вижу, что наверху в сетке мой попутчик забыл сверток, завернутый в темно-зеленую бумагу. Что делать? Я развернул его и обнаружил там карту Петербурга 1776 года, несколько вырезок из немецких газет и небольшой белый конверт с адресом на нем: "Herr Dr. Carl Lehmann, Dübendorf, P.R.", а также полоску бумаги с написанными столбцом цифрами без итоговой суммы.

– Эта карта у вас сохранилась?

– Вместе с конвертом я ее отдал в пражский Музей Ленина.

– Когда?

– Сейчас.

– А почему не раньше?

– Потому что вашу статью я прочитал лишь в 1960 году.

– При чем здесь статья?

– После того как я нашел в купе сверток, я вышел в Берлине и стал ждать у выхода в надежде увидеть хотя бы того долговязого, который говорил с моим попутчиком на дрезденском вокзале. Но никого не оказалось. Тогда я сдал сверток в бюро находок. Когда на четвертый день я возвращался в Прагу – это было, кажется, воскресенье,– я зашел в бюро, где мне сказали, что никто не обращался за свертком, и вер-

нули мие его иазад.

– И как же вы поступили с ним потом?

– В Праге я иаписал письмо на адрес: "Dr. Carl Lehmann, Dübendorf, P.R." ,– в котором сообщал, что ехал в поезде с каким-то человеком, который забыл сверток с картой, газетными вырезками и коивертом, иа котором оказался адрес Лемана. Я и просил его посоветовать, как мие поступить...

– И что же?

– Письмо вернулось за иеврученнем адресату... Тогда мне не пришло в голову, что буквы "P.R." озиачают "poste restante" – "до востребования", а Леман в Дюбендорфе, видимо, никогда не жил... Потом я обо всей зтой истории забыл. И лишь в 1924 году, когда в России умер Леиин и иаши газеты поместили его фотографии, я и обратил внимание иа то, что ои похож на того человека, который в 1912 году забыл в поезде сверток... Но ие более. Я вовсе и ие подумал о том, что зто мог быть действительно он. Я и ие подозревал, что Лении был в Праге в 1912 году и что здесь проходила какая-то коифереиция...

– Так что лишь в 1960 году...

– Постойте, еще иужно сказать о лете 1927 года, когда я был в Дюбендорфе.

– Вы?

– Да. На какие-то праздники я поехал в путешествие на мотоцикле. На шоссе после Винтертура подъезжаю к перекрестку – это было в Швейцарии, иедалеко от Цюриха,– и тут вижу указатель: "Дюбендорф – 6 км". Меия зто так поразило, что я даже вздрогнул, сразу же предстала сцеиа в поезде. Вот я и решил, что раз уж иа пути попался зтот самый Дюбендорф, то почему бы не заехать туда и ие посмотреть. Это оказался красивый туристский городок, а вовсе не деревня, как я сначала подумал. Нашел я работника почты и спрашиваю, ие зиает ли ои такого доктора Лемана. Тот отрицательио покачал головой. Тогда я его спрашиваю,

сколько времени он работает на почте: оказалось, что с 1919 года. Тогда еще не все потеряно, думаю я, и еду потихоньку дальше в поисках какого-нибудь доктора. Наконец я увидел одну табличку, вошел в дом и справляюсь, не знают ли они доктора Лемана. Отвечают, что нет, что такой вообще здесь не живет. Уехал я, так и не разрешив проблему, и подумал, что, может быть, существует еще один Дюбендорф. В 1957 году я впервые прочитал статью о Пражской конференции, но это была еще не ваша статья, и в ней ничего не говорилось о докторе Лемане. И вот в 1960 году читаю я о первом пребывании Ленина в Праге. Там вы как раз пишете о том, что Карл Леман был другом Ленина и что Владимир Ильич просил посылать для него корреспонденцию на мюнхенский адрес Лемана. Вот я и решил повидаться с вами и все рассказать...

Франтишек Шедивы закончил свой рассказ.

– У вашего попутчика были усы?– спрашиваю я.

– Да, под носом усики, и еще маленькая бородка.

– В пражском Музее Ленина вы случайно не смотрели фотографии других делегатов? Может быть, вы смогли бы узнать высокого или того, другого...

– Я просматривал их, но слишком много времени прошло, так что я не уверен...

– А на конверте была почтовая марка?

– Да, на другой стороне конверта когда-то была марка, и на ней был почтовый штемпель. Но только кто-то ее отклеил, и конверт уже попал ко мне с пустым белым местом.

– Вы не обратили внимания, какое почтовое отделение было указано на штемпеле?

– В том-то и дело, что там не оказалось названия города, где письмо сдавалось на почту. Штемпель был поставлен так неудачно, что название почты оказалось как раз на марке, а на самом конверте осталась лишь нижняя часть штемпеля с буквой "S". Возможно, это означало "Suisse"– Швейцария.

– И еще один вопрос: как это вам удалось после стольких лет так точно запомнить все, что тогда произошло в поезде? Признаться, если бы мне пришлось вам рассказывать, с кем я встречался даже полгода назад, то вряд ли смог бы вспомнить, как этот человек выглядит...

– Я ведь вам говорил, что, вернувшись в Прагу, я обо всем этом подробно написал доктору Леману. Я описал внешность моего попутчика, и то, что было на нем, и как он говорил, и что делал. Я-то думал, что доктор Леман сможет узнать, кто это был, и посоветует мне, куда, точнее, кому отослать карту и вырезки. Но только письмо через какое-то время вернулось. В нем-то и было подробным образом записано все, что произошло, поэтому и по прошествии многих лет, когда на досуге я перечитывал свое письмо, то все случившееся всплывало передо мной как наяву.

– Минутку, свое письмо Леману вы направили в Дюбендорф?

– Да, я точно списал его адрес с того конверта, что нашел в поезде.

– А почта...

– ...мне его вернула. На мой обратный адрес, который я там поставил. Мне объяснили, что нужно было указать и страну, где находился Дюбендорф.

– Но в первый раз письмо дошло. Вы ведь сами говорили, что на найденном вами конверте когда-то была марка и что до сих пор там еще сохранилась часть штемпеля.

– Это действительно так. Но на конверте, который я нашел в купе, у слова "Дюбендорф" не было написано "Швейцария". И тем не менее письмо дошло... Как это возможно? Если бы его бросили в почтовый ящик в Германии или во Франции, то, видимо, оно тоже не дошло бы. Я уже говорил вам, что в нижней части штемпеля, сохранившейся на конверте, видна буква "S", означавшая, возможно, Suisse.

Мне пришлось признать, что такое объяснение представлялось разумным и логичным.

Вот такую историю рассказал мне Франтишек Шедивы.

Еще один дополнительный штрих в нашу мозаику.

Еще дополнительные вопросы: кто же был его попутчиком? Ленин?

Еще дополнительные проблемы...

Известно, что Владимиру Ильичу действительно нужно было быть 1 февраля в Лейпциге, где у него была встреча. Но между Прагой и Лейпцигом не существовало прямого сообщения, поэтому нужно было делать пересадку в Дрездене. Для этого весьма удобным был именно вечерний скорый поезд, которым ехал Шедивы...

Когда обо всей этой истории узнал Онуфриев, он написал Шедивому письмо, в котором, в частности, отмечал: "В день окончания конференции, 30.I, я вместе с товарищами получил билеты на Лейпциг, откуда мы должны были переправиться в Россию. Я знал, что В.И. Ленин тоже получил билет, но в соответствии с конспиративными соображениями я не знал, когда и куда он едет. В тот же день, 30.I, чемодан Владимира Ильича отвезли с нашей квартиры. В ночь на 31.I мы вместе переночевали на старой квартире. Нужно еще добавить, что в день окончания конференции, 30.I, мы были с Лениным на прощальной вечеринке, устроенной для делегатов руководителем чешских социал-демократов Немецем, и там долго беседовали".

Это по меньшей мере не исключало показаний Шедивого. Напротив, отвезенный 30 января на вокзал чемодан мог бы свидетельствовать в пользу того, что на следующий день, то есть 31 января (после вечеринки, которая состоялась 30 января), Ленин, видимо, хотел уехать.

И все-таки остались вопросы, на которые пока не было ответа. Кому принадлежала карта Петербурга?

Газетные вырезки, которые тоже были в том бумажном свертке, Шедивы за эти годы утерял. Остался лишь небольшой пустой белый конверт.

У кого ключ к его загадке?

42

Я сижу за письменным столом и пишу. На улице идет дождь. Вдруг настойчиво звонит телефон.

– Говорят из редакции газеты "Вечерни Прага". Тут для вас хорошие вести... Вы еще занимаетесь проблемой "Ленин в Праге"?

– Да. Что-нибудь новое?

– К нам пришло письмо, в котором говорится, что на Вышеградской улице проживает некий Войтех Бергр, который, как говорят соседи, якобы имел какое-то отношение к пребыванию Ленина в Праге... Вы его знаете?

Я задумался: Бергр, Бергр... не тот ли владелец ресторана в Народном доме? Я благодарю редактора и уточняю адрес.

– Да, разумеется, я съезжу туда.

На следующий день я вхожу в дом с облупившейся штукатуркой. Бергр должен жить на первом этаже. Звоню. Стучу. Никакого ответа...

Через кухонное окно видна часть коридора, и вот таким неприличным образом я заглядываю в квартиру. Пусто. Тишина. Никого нет дома.

Под вечер стучусь снова.

Войтех Бергр, человек с седыми усами,– старый деятель рабочего движения. Я объясняю, зачем пришел, а он даже не дает договорить:

– Да ведь это ошибка. Уверяю вас. У меня не было никакого ресторана, а тот Бергр, кому принадлежал

ресторан, уже давио умер, и ои мие даже ие родствеиник. В 1912 году я работал в Веие. В организации Пражской коиференции никакого участия не принимал. Нет, в Праге я постояиио поселился только с 1920 года.

При виде огорчеииого выражеиия на моем лице ои добавляет:

– Рад бы помочь, ио чем? Едиистветное, что могу сделать,– это иаправить тебя к товарищу Липе, может быть, ои что-нибудь зиает...

– Кто это такой Липа?

– Он живет здесь иеподалеку. Он как-то говорил, что Леиии переночевал в трактире "На Рыхте", иа Олдржиховой улице... Все остальные уже умерли – и Кухарски, и Фляйшер, и Оупиц...

– Вы зиали Оупица?

– Да, ио, какое участие ои принимал в тех событиях, ие зиаю. Я ведь говорил, что в 1912 году меия здесь ие было.

В тот же вечер я отправляюсь к Липе. Туман заволакивает нусельскую ложбиику, теперь уже раио темнеет. Октябрьские вечера холодны, уличные фоиари едва мерцают. Хотя и с трудом, я все же отыскал улицу и дом и вот сижу иа кухне и слушаю. В иебольшой печурке горит огонь...

– Что же вам, собствеиио, рассказать? О том 1912 годе?.. Да, порядочная суматоха была тогда. – Липа поудобиее устраивается на стуле и делает глубокий вдох. – Представьте себе, вдруг ни с того ни с сего Гавлена сообщает, что нашей организации – здесь в Нусле – иужно устроить иа ночлег одного иностранного товарища. Об этом иикто ие должен знать, кроме нескольких самых иадежных... Каждый хотел помочь, одии предлагал то, другой это, а Вацлав Кухарски в условленный день уже поджидал этого русского, которого привел Гавлеиа. Завели мы его в пивную "На Рыхте", где в задней комиате побеседовали. Спал же он

на втором этаже. Хозяином этого заведения был Фляйшер, хороший парень, который умел держать язык за зубами. У него часто ночевал и Гашек, наш известный писатель... Ну вот, на следующий день, рано утром, еще и шести не было, пришли за иностранцем двое товарищей с Жижкова.

– Вы их знали?

– Одного в лицо знал. Родом он из Вышеграда, его отец жил в Подскалье, но вот имени не знаю... Хромал еще на одну ногу...

При этих словах вспоминаешь слова пани Голечековой: "... правда, немного прихрамывал, но бедной девушке в ее положении было не до этого..." И еще замечание одного из знакомых Голечека о его семье: "... это была такая старая семья сплавщиков, жившая в Подскалье..."

Теперь уже ясно, кто был этот жижковец – Войтех Голечек.

– После того как русский ушел, у Фляйшера появилась полиция. Кого-то искали, но так и ушли ни с чем. Не знаю, было ли это связано с иностранцем или же просто совпадение. Позднее говорили, что этим иностранцем был Ленин.

На стене над головой Липы за стеклом висит грамота о награждении орденом Труда. В бедно обставленной кухоньке из печки приятно пышет тепло, создавая атмосферу уюта и доверия.

– А с Оупицем вы не были знакомы?

– Как же не был! Я еще называл его Густой со Славянского холма. Уж он-то знал об этом побольше моего.

– А еще какая-нибудь подробность случайно не запомнилась? – пытаюсь расшевелить его память.

Липа задумывается, потом нерешительно говорит:

– Ну, вот еще такая мелочь... но, право, не знаю, пригодится ли она вам. Как-то в январе 1912 года, кажется это было во второй половине месяца, пришел

ко мне товарищ Кухарски и передал указание нашего секретариата. Говорит, значит, чтобы я поприличнее оделся и сходил к капельмейстеру Национального театра, который даст мне конверт с билетами, и этот конверт нужно срочно отнести в Народный дом. Я, конечно, сходил и сделал все, что нужно.

– Как звали капельмейстера?

– Не знаю, но жил он недалеко от Староместских мельниц... Он был высокого роста... И курил сигары.

– И больше вы его никогда не видели?

– Однажды, года через два или три, досталась мне контрамарка в Национальный театр, было это в конце зимы, в тот вечер играли "Севильского цирюльника". Огляделся я как следует и вижу, что капельмейстер-то тот самый человек, который когда-то давал мне конверт с билетами.

– Вы не запомнили, кому в Народном доме вы передали билеты?

– Вот чего не помню, того не помню.

Жаль. Мы прощаемся, я благодарю его за рассказ. Липа встает и говорит:

– Я страшно рад, что тогда мог хоть немножечко помочь. Понимаете, сегодня вам уже трудно представить, как это нас всех взбодрило. Вдруг мы ощутили такую уверенность в своих силах... Казалось, что в нашем спертом воздухе потянуло свежим сквозняком... И пусть тот ветер не вымел еще всю грязь, но появилось такое ощущение, что что-то близится, что-то великое придет... Когда в тот вечер мы слушали иностранца, на душе у нас было как-то особенно хорошо... Ну ладно, я совсем разболтался. Будьте здоровы, может быть, еще когда-нибудь увидимся.

Что можно к этому добавить?

Вполне возможно, что капельмейстером, который в январе 1912 года устроил посещение Национального театра (не исключено, что именно делегатам конференции), был Франтишек Пицка. Он работал в Националь-

ном театре с 1900 года до своей смерти в 1918 году. Где он жил? В январе 1912 года недалеко от Староместских мельниц, на улице Каролины Светлой. Был он высок ростом и курил сигары. Все сходится.

И воспоминание Липы о "Севильском цирюльнике" можно проверить. По данным театрального архива, эта опера после многолетнего перерыва была возобновлена и впервые поставлена 25 февраля 1915 года. Поставил ее и дирижировал Франтишек Пицка!

И еще одна важная вещь связана с именем Пицки: делегат Воронский вспоминает, что они слушали оперу Оффенбаха "Сказки Гофмана", а Онуфриев – что слушали "Евгения Онегина". Обеими операми, в том числе и торжественным представлением с участием русского баритона Георгия Андреевича Бакланова, дирижировал все тот же Франтишек Пицка...

По всей видимости, Пицка принадлежал к тем, кто, ведая то или не ведая, помогал делегатам во время их пребывания в Праге. Он предоставил им возможность побывать в Национальном театре.

О том, что Пицка симпатизировал рабочему движению, свидетельствует его дневник, многие из записей в котором говорят об истинном образе его мыслей. Он превосходно владел русским языком, был в тесных контактах с социал-демократическими деятелями. Когда 30 апреля 1917 года должна была в качестве предмайского спектакля для рабочих исполняться опера Сметаны "Либуше", а главный дирижер театра Карел Коваржовиц вдруг "заболел", чтобы не дирижировать для рабочих, то на его место за дирижерским пультом встал Пицка, хотя дирижировал он "Либушей" впервые в жизни. Без единой репетиции. Но спектакль не был сорван.

К этому ничего не надо добавлять.

43

Разговор с Липой и его указание на то, что незнакомый делегат ночевал в нусельском трактире, заставили нас направить теперь внимание в иную сторону. Ведь и Яхим Гавлена в своих воспоминаниях говорил о гостиницах, мы же занимались чем угодно, но вот отели, где должны были быть размещены делегаты, как-то выпали из поля зрения.

Мы начали с гостиницы на Летне.

Она называлась "Бельведер" и принадлежала Франтишеку Региеру, старому социал-демократу, который даже был районным доверенным лицом партии. Но однажды против него выступили голошовицкие рабочие – мол, у него слишком дорогое пиво – и на общем собрании объявили своему председателю бойкот под лозунгом: "Кто пойдет к Региеру, поступится рабочей честью!" Региер ушел с поста председателя, а поскольку к нему перестали ходить на пиво, открыл оптовое производство зельца (ловкий человек, ничего не скажешь!), и дело у него пошло лучше прежнего. Между тем был созван партийный суд чести, чтобы полюбовно решить конфликт. Было это в 1904 году. В качестве судей выступали доктор Соукуп и Йоганис – давние оппортунисты. Понятно, что эти заправилы социал-демократической партии прекрасно знали, чью сторону им держать, поэтому дорогого Региера оправдали, однако потерянное доверие простых людей вернуть ему не могли...

Этот случай свел Региера не только с Соукупом и Йоганисом, но также и с другими руководителями партии, которые время от времени нелегально помещали у него тех иностранных партийных работников, которые без документов проезжали через Прагу. В 1912 году здесь поселились, по крайней мере сначала,

четыре делегата конференции и сюда же к ним пришел Ленин по приезде в Прагу.

– Где же эта гостиница? Ты говорил на Летне, но она большая...

– Сейчас там размещается студенческое общежитие имени Миколаша Алеша. Это рядом с летненской водонапорной башней, недалеко от спартаковского футбольного поля.

– А Ленин там тоже жил?

– Нет. Ведь еще у Воронского мы прочли фразу: "...нередко делегаты группой провожали Ленина до гостиницы, где он остановился..." Из этого следует, что Ленин не жил вместе с первыми четырьмя делегатами в "Бельведере".

Один из организаторов конференции – Эмануэль Шкатула – в своих воспоминаниях указывал, что, прежде чем поселиться на частной квартире, Ленин жил в одной из окраинных гостиниц, в номере, который тогда стоил 1,60 кроны. Это говорится в статье Шкатулы, которую мы уже цитировали.

– А может быть, еще раз это проверим?

– Каким образом?

– Поговорим со Шкатулой...

Можно и попробовать, тем более что недавно нам удалось установить, что Шкатула жив.

Опять наступает нервное напряжение...

Провинциальный городишко с горбатой мостовой, узкими улочками, старыми домами. Костел и школа, широкая река, вокзал – вот и все достопримечательности. Таких городов сотни.

Шкатула живет на окраине в небольшом домике с садиком. Празднично убранная нарядными накидками комната со старинной мебелью и картинами.

Сгорая от любопытства, задаем первый вопрос:

– Что бы вы могли рассказать нам о Пражской конференции?

Молчание.

– Вы помните ту статью, которую когда-то писали?

Молчание.

– Откуда вы взяли эту цифру – 1,60 кроны за номер?

Молчание.

Старость берет свое. К ней относится и забывчивость. В комнате как-то холодно. Эмануэль Шкатула беспомощно пожимает плечами, ничего не в состоянии вспомнить... Расстроенные, мы возвращаемся в Прагу.

– Этого следовало бы ожидать,– говорю я.

Иржи молчит, потом начинает вслух рассуждать:

– Первоначально Гавлена утверждал, что снял номера как в гостинице "Тихий", так и в гостинице "Мышка", в которой разместились те, у кого были австрийские документы. Но позже он начал сомневаться, была ли это именно гостиница "Мышка". В "Бельведер" Регнера он поместил делегатов, не имевших документов.

– Но у Ленина был паспорт,– добавляю я,– и это еще одно подтверждение того, что первые делегаты были размещены там без Ленина. Он же жил или в "Тихом", или в "Мышке"... В рассказах нередко упоминалась "Мышка".

– Но как это проверить?

– А не сохранились ли регистрационные книги этих гостиниц?

Для выяснения мы направились в жижковскую гостиницу "Тихий". На вид в ней не было ничего примечательного: маленький дворик, узкие коридоры, крошечные комнаты. Теперь тут только ресторан.

Разыскиваем бывшего хозяина. Находим его дочь.

– Родители мои, которым в 1912 году принадлежала гостиница, уже давно умерли, и пани Штепанова, бывшая уборщица,– тоже. Никто теперь ничего не знает,– говорит маленькая женщина. – Мне же тогда было четыре года, так что я тоже ничего не помню. Никаких регистрационных книг не осталось, мы

сохраняли их примерно десять лет, а потом выбрасывали – ведь не держать же их полвека!

Мы снова на улице, мимо едет седьмой номер трамвая, на площадке беззаботно щебечут девушки, спешащие на танцы. Я немного завидую их душевному покою. Над катком, расположенным неподалеку, мерцают фонари.

На второй день в адресной книге города Жижкова от 1910 года (тогда Жижков был еще самостоятельным городом) я обнаружил рекламное объявление:

"Отель "Тихий", Карлова улица, № 615, предлагает вновь оборудованные, обеспеченные электрическим светом комнаты стоимостью от 1,80 кроны и выше.

Подается бочковое "Смиховское" пиво и плъзеньский "Праздрой". Домашняя кухня".

Это объявление подняло наше настроение: как в нем указывалось, номера в "Тихом" стоили минимум 1,80! А Ленин должен был ночевать в гостинице, где стоимость номера была 1,60... Неужто и в самом деле это была "Мышка"?

44

Я сижу в Клубе писателей в ожидании своего знакомого. Пью неизменный кофе, листаю газеты. С Народной улицы доносится трамвайный грохот. "Ничего себе шум",– с наклоном головы говорит официант. Я согласно киваю.

Не успел я вновь вернуться глазами к газете, как в дверях увидел Зденека Сейдла. Могучая фигура художника на минуту заполняет весь вход. Он неторопливо осматривается, кивает по сторонам. Его лицо выражает душевный покой и удовлетворенность. Остановившись у моего столика, спрашивает:

– Могу вас побеспокоить?

– Прошу вас.

Когда-то он иллюстрировал мой рассказ о масленице, тогда-то мы и познакомились. У меня дома в кабинете висят его рисунки.

– Послушайте, уважаемый, знаете ли вы, что эти ваши исследования о пребывании Ленина в Праге весьма занимательны?

Я растерянно пожимаю плечами.

А он продолжает:

– Вот я и подумал: как только мы увидимся, я вам кое-что расскажу. Может быть, это пригодится вам.

– Что же это такое?

Сейдл удобно развалился в кресле и начал... Вспомнил о своем детстве, о гостинице "Мышка", об отце, о пане "Арбузе", который был очень добрым человеком, и рассказывал он так интересно, что, когда он кончил, я не удержался и категорически заявил ему:

– Все это вы мне напишите...

– Ведь я же вам рассказал.

– Но мне бы хотелось это иметь в своем архиве. Обещаете?

Пообещал. После этого прошли недели. Однажды мы встретились на мосту у Национального театра, я спешил, а он, как обычно, шел не спеша рядом с красивой женщиной. Был прекрасный день, когда лучше всего было бы не вспоминать ни о каких обязательствах и планах. Пару секунд я поколебался, потом все-таки напомнил ему об обещании.

Он извинился и поклялся прислать написанное как можно быстрее.

И в самом деле как по волшебству пришел конверт, в котором был исписанный на машинке лист бумаги:

"В то время... когда мне было десять лет, в двадцать шестом году, и я ходил в пятый класс, я это и

сейчас помню... при этом хорошо... как однажды в воскресенье утром отец сказал, чтобы я пошел с ним и он мне "кое-что" покажет. Разумеется, я пошел... Завел он меня в фойе гостиницы "Мышка", на Жижкове, где тогда служил привратником, или, как сейчас говорят, портье, товарищ отца, такой ужасно приятный человек, имя его я уже забыл, но выглядел он как большой арбуз и, как я помню, был всегда непричесанный. Отец с ним дружил, и они ходили на пиво в одну пивную на Гусовой улице, что под виадуком. Милый пан "Арбуз" принес такую большую книгу толщиной в четыре пальца, заполненную одними подписями и завернутую в белую бумагу, довольно-таки потрепанную или от использования, или скорее от старости... минуту перелистывал книгу, потом воскликнул: "Нашел, ребята!"– и открыл ее, как мне кажется, с самого конца. Мне страшно льстило, что он нас с отцом назвал "ребятами", как будто мы все трое были товарищами. Он положил книгу на стол, подпер ее под корешок и, поглаживая меня по голове, сказал: "Ну-ка посмотри, увидишь здесь "кое-что". Я хорошо помню, что вверху было восемь подписей, словно куриц на насесте, в общем-то обычных, но чересчур каких-то закрученных или же нарисованных, как под линеечку. Я даже запомнил, что там была подпись инженера Рудольфа Влаштовки из Хрудима, выполненная таким безличным каллиграфическим шрифтом.

Но меня сразу привлекла совсем особенная подпись, стоявшая почти у края книги, вокруг нее еще оставалось много свободного места. Я точно помню, что она стояла на той правой стороне, небольшая, даже маленькая и слишком скромная для подписи, скорее как символ энергии или же электрокардиографическая запись – быстрая и точная, словно молния... И именно на эту подпись указал пан "Арбуз" своим толстым пальцем, походившим на маковый рогалик, и сказал: "Ну вот, Зденечек, внимательно посмотри и хорошень-

ко запомни: этот пан у нас однажды жил. Это ведь подпись Ленина..."

Я закончил читать. Потом без лишних слов заявил:

– Иржи, пойдем в "Мышку".

Он тут же согласился, заметив лишь:

– В "Тихом" номер стоил от 1,80 кроны и выше, нужно прежде всего узнать, сколько стоил здесь.

– А также, сохранилась ли регистрационная книга.

Директор задумался, потом обнадеживающе кивнул головой:

– Возможно, что-нибудь будет в подвале. У вас есть время?

Мы спустились в самые настоящие катакомбы. Масса переходов, соединяющих подвалы, заваленные рухлядью, поломанными стульями и старыми кроватями... Тем временем я объясняю:

– Один знакомый художник мне говорил, что в 1926 году тут еще была регистрационная книга довоенного периода...

– С тех пор прошло немало лет.

Любопытный луч фонарика выхватывает из темноты старинные люстры, которыми уже давно не пользовались, побитую посуду и выцветшие кресла, из которых вылезало сено. Все вокруг покрыто пылью и сантиметровой толщины грязью. В центре стоят дватри развалившихся ящика с бумагами, вкус которых уже отведало не одно поколение мышей. Я подхожу к ящикам и с волнением вытаскиваю несколько полуразвалившихся книг.

– Посмотри,– выкрикнул Иржи,– 1914 год!

Но это было все, что мы нашли... Остальные книги были периода первой республики. Директор горестно разводит руками и говорит:

– Все другое уже, видимо, на свалке или же съедено мышами. В 1926 году тут, возможно, было кое-что еще, но сегодня... вы же сами понимаете...

Мы согласно закивали и в расстроенных чувствах

снова поднялись наверх. Стараясь хоть чем-нибудь помочь, директор посоветовал:

– Может быть, вам что-нибудь расскажет сын бывшего хозяина. Правда, он уже преклонного возраста, старше шестидесяти, но...

Он замолчал.

– Вы знаете, где он живет?

– Сейчас выясню.

Мы вымыли на кухне руки, записали адрес и через минуту уже были на улице перед гостиницей. Перед нами стоял посеревший вокзал Прага-Центр, а за нами осталось еще одно безрезультатное утро. Какое по счету?

45

На скамье в зале ожидания сидит человек. Мы уже привыкли к тому, что перед нами, как правило, сидят старые люди... Рядом лежит портфель, руки механически перебирают билет на поезд, а в глазах отражается напряженный процесс воспоминания.

– С тех пор прошла почти целая человеческая жизнь. Тогда я был совсем молодым и для приобретения опыта ездил по миру. Эта гостиница принадлежала моему отцу, затем она должна была перейти ко мне... Она и названа была "Мышка" по имени отца.

– К какой политической партии принадлежал ваш отец?

– Он не был социал-демократом, на выборах всегда голосовал за младочехов. Насколько я помню, у нас не проводились собрания социал-демократов. Зато еще раньше, когда в девяностых годах XIX века существовало нелегальное молодежное движение "Омладина", молодежь тайно собиралась у нас... Об этом

мне потом рассказывал отец.

Это сообщение интересно тем, что оно объясняет, почему Гавлена направил делегатов именно к Мышке. Ведь он и сам когда-то принадлежал к "Омладине", а потому и выбрал эту гостиницу, которую хорошо знал еще с молодых лет, когда приходил сюда на тайные собрания.

— А знал ваш отец что-нибудь о русских делегатах?

— Нет... Только позднее, уже перед самым началом первой мировой войны, ему об этом сказали...

— Кто?

— Это было так: отец иногда заходил в ресторан "У Брейшку"...

— ...а там также бывали Шкатула с Гавленой и Вацеком... — договариваю я за него, вспомнив, что мне когда-то рассказывал об этом Вацлав Вацек.

— Но не они ему об этом сказали,— возражает старик. — Однажды отец там встретился с каким-то своим знакомым из полиции, кажется советником, тот наклонился к нему и таинственно прошептал: "Знаете ли вы, пан Мышка, что у вас когда-то ночевал Ленин?"

Отец задумался, но только имя Ленина в ту пору ему ничего не говорило. Лишь позднее, в двадцатых годах, оно разлетелось по всему миру.

— Ленин?— поэтому удивленно переспросил он.

— Это тот самый русский революционер,— объяснил полицейский советник,— он спал у вас в восьмом номере.

Отец вдруг испугался и стал оправдываться, что ничего не знал, ведь все останавливавшиеся у нас иностранцы имели документы в порядке. Кто же мог подумать...

— Да, вы правы, но только у Ленина паспорт был на чужое имя...

— ...Вот и все, что мне известно, — заканчивает Мышка, пожимая плечами и, как бы извиняясь, добав-

ляет:– Не слишком, конечно, много, я же вам об этом писал...

Снова никаких доказательств. И все-таки, что, если?..

– Простите, еще одна мелочь, и не буду вас больше задерживать... Случайно не помните, сколько примерно стоил у вас номер?

– Вы знаете, ведь это было так давно, что я и в самом деле не помню. Честное слово... – смущенно говорит он после паузы.

Я с трудом удерживаюсь от вздоха разочарования и делаю последнюю попытку:

– А каких-либо бумаг или документов с того времени не сохранилось?

Мышка ожил:

– Ну как же, как же. Я тут кое-что привез в портфеле, думал, не захотите ли взглянуть...

Исполненный желания хоть чем-нибудь помочь, он начинает рыться в портфеле и через мгновение победоносно вытаскивает фирменный конверт отцовского предприятия. Беру его, читаю и с удивлением смотрю на Мышку. Ведь это же победа! Снова перечитываю про себя, а затем взволнованным голосом вслух:

"Отель "Мышка", Прага – Жижков. Ближайший отель у вокзала железной дороги Франца-Иосифа. Остановка трамвая. Телефон 1015. Электрическое освещение. Цена за номер от 1,60 кроны и выше!"

– Да, цена за номер от 1,60 кроны и выше... – говорю с улыбкой и вспоминаю статью Шкатулы, где говорится: "Хозяин одной из гостиниц на окраине города, номер в которой стоил 1 крону 60 геллеров в сутки, вряд ли догадывается, что тот, кто у него провел несколько ночей, зарекомендовавшись как австрийский гражданин Майер, является не кем иным, как нынешним председателем Совета Народных Комиссаров России".

Эти сведения Шкатулы были затем подтверждены

жижковским журналом "Вольне слово" от января 1924 года, в котором в связи со смертью Ленина вновь было написано о том, что Ленин спал в жижковской гостинице, где номер стоил 1,60 кроны.

На душе вдруг становится легко и весело, и даже кажется, что все прохожие улыбаются. Игриво плещется вода в фонтане, что рядом, а водяные брызги падают, словно стеклянные осколки, подброшенные в воздух озорным мальчишкой. С бульканьем они врезаются в воду, которая неустанно пенится, спешит куда-то и снова возвращается от металлического барьера к центру.

– Спасибо, эта реклама очень помогла...

Подходит поезд, и старый Мышка исчезает в вагоне. Пусть его рассказ не всегда точен (могут сказать, что он пытается набить цену своей гостинице), и пусть он местами вольно или невольно ошибается, несмотря на все это, у меня в руках остался старинный рекламный проспект.

А это уже важное свидетельство.

46

Размышляя потом дома, мы приходим к выводу о том, что тот факт, что полицейский советник сказал о такой вещи Мышке, означал, что об этом должен был знать и пражский полицейский аппарат. Но каким образом это стало известно? Может, из статьи, помещенной в "Право лиду" 1 июля 1917 года за подписью "J. S."?

Или же из статьи Эмануэля Шкатулы?

Нет, это невозможно, отвергаю это предположение, хотя в статье Стивина и говорится о пребывании Ленина в Праге, там не упоминается название ни одной

из гостиниц. В статье Шкатулы также не приведено название гостиницы, и, более того, нельзя упускать из виду, что полицейский советник сказал об этом старому Мышке предположительно где-то перед первой мировой войной, а обе статьи вышли тремя годами позже, уже в 1917 году. Это указывает на то, что полиция должна была получить сведения о Ленине из какого-то иного источника...

Да, она была осведомлена. Но разве мы не знаем теперь, что в Праге были два осведомителя – Малиновский и Романов? Разве не читали мы их донесений царской охранке?

Полицейский советник и в самом деле не солгал старому Мышке. Это было подтверждено, в частности, в письме, которое я однажды обнаружил в своем почтовом ящике. Послал его Александр Соловьев, пенсионер, и сообщались в нем весьма интересные вещи. Соловьев рассказывает, как задолго до первой мировой войны он уехал из России и поселился за границей, сначала в Париже. И далее он пишет:

"В Прагу я приехал в марте 1911 года. В следующем году, как православный русский, я был избран членом комитета общества "Православная беседа", которое состояло из православных чехов и русских, проживающих в Праге, и священнослужителей православной церкви святого Микулаша на Староместской площади... И вот однажды,– здесь Соловьев колеблется в определении точной даты, помнит лишь, что это было зимой 1912 года,– заместитель председателя и одновременно секретарь нашего комитета некий пан Винклер сказал мне, что в Прагу на съезд делегатов русской социал-демократической партии приехал Ленин. Меня удивило, что об этом осведомлены люди, не имеющие к партии ни малейшего отношения, тем паче что из своего практического опыта в России я прекрасно знал: такие нелегальные предприятия, как съезд делегатов партии, проводятся с величайшей

предосторожностью. И что больше всего меня поразило: Винклер не назвал вымышленную фамилию, под которой Ленин приехал в Прагу, а так прямо и сказал: "Ленин". Откуда он мог дознаться?

Только после войны, в 1919 году, вернувшись в Прагу из Швейцарии, я узнал от заместителя председателя "Православной беседы" доктора Червинки, что бывший секретарь этого общества пан Винклер был перед войной и во время нее агентом пражской тайной полиции и работал там под секретной кличкой Рак... Я упрекал доктора Червинку (я учил его русскому языку, а он в свою очередь помогал мне совершенствоваться в чешском) в том, что он продолжает поддерживать знакомство с Винклером, но тот оправдывал Винклера. Говорил, что за всю войну Винклер, хоть и был шпиком, не выдал ни одного члена "Православной беседы", что заработки его жены-портнихи были слишком малы. Я с ним не согласился и с тех пор с Винклером не встречался. Надеюсь, что мое сообщение в чем-нибудь вам поможет..."

Далее следовали подпись и адрес.

Далее следовали также и беспокойные дни. Где найти Винклера? Доктор Червинка уже умер, но что, если сам Винклер еще жив? Следы вели за пределы Праги и, казалось, внушали надежду... Через несколько недель из Нератовиц были получены результаты розысков, предпринятых районным отделением общественной безопасности:

"На ваш запрос сообщаю, что Владимир Винклер, рождения 24.12.1876 в Будогостице, район Сланы, переселился из Праги 11, Житна улица, дом 34, 1 января 1936 года в сельскую общину Залезлице, поселок Козаровице, дом 37, район Мельник. Как пенсионер, он уже нигде не работал, а чаще употреблял алкогольные напитки. В Козаровице он переехал вместе со своей женой Яной, урожденной Ульрихтовой 6.11.1876... Как затем было установлено, Винклер служил чинов-

ником при православной церкви в Праге, потом шурин устроил его в Лабское пароходное общество. Оттуда в 1936 году Виклер ушел на пенсию и переехал на вышеприведенное место... Здесь он проживал до 1952 года, до своей смерти, похоронен на местном кладбище. Его жена Яна умерла в 1944 году в больнице в Мельнике и была кремирована в Праге. Собственных детей не имели...

Начальник районного отделения общественной безопасности"

(Подпись неразборчива).

Мы сидим с Иржи над письмом и раздумываем.

— Выходит, наши ожидания не оправдались,— говорю я.

— Частично...

— Мне кажется, полностью. Ведь то, что Винклер и его жена умерли, никак не способствует разрешению нашей задачи. Естественно, полезное в этой записке то, что в ней подтверждается служба Винклера при пражской православной церкви.

Но Иржи продолжает свое:

— Представляет ценность уже само начало ответа, где указывается бывший пражский адрес Винклера: Житна улица, дом 34.

На всякий случай я молчу.

— Ведь в соседнем доме жил Ян Павел Гакл! А чуть дальше, через три дома, находилась парикмахерская Гакла, где предположительно Ленин встречался с чешскими партийными работниками. Поэтому можно допустить, что, пользуясь соседством и, возможно, будучи лично знакомым с Гаклом, тайный агент Винклер следил за ним, а об активной политической деятельности Гакла было известно всем. Может быть, от того же Гакла он и узнал о приезде Ленина. Не следует забывать, что Гакл едва ли догадывался, что Винклер был доносчиком. До войны об этом никто не знал, и лишь только после установления республики

все это всплыло наружу. Таким образом, только от расторопности Винклера зависело, сколько сведений он смог вытянуть из тщеславного парикмахера.

Это представлялось довольно убедительным.

Мы повстречались также с некоторыми родственниками Винклера, один из которых вспоминал: "Дядя вел себя иногда как-то странно, об этом в семье ходили разные толки. Частенько он сам намекал, что о чем-то знает... Говорил, что в его жизни произошли две вещи, о которых он не может рассказывать. Что бы это могло быть?.."

Житна улица, где жили Винклер и Гакл, совсем запыхалась, под машинами проносится мостовая, на маленьком клочке которой дети играют в мяч. Регулировщик с ближайшего перекрестка грозит им пальцем, стараясь при этом сохранить официально строгое выражение на своем лице.

Дома горделиво молчат, сохраняя тайны прошлого.

47

Мы пустились на поиски оставшихся после Винклера бумаг.

Стоял трескучий мороз. За ночь немного припорошило снегом, но местами еще виднелась земля, твердая как камень. У нас в машине было приподнятое настроение: здесь было тепло, километры послушно убегали назад из-под колес, приближая нас к цели. А может быть, и к разрешению всей загадки... Ведь родственник Винклера говорил: "... в его жизни произошли две вещи, о которых он не может рассказывать. Что бы это могло быть?.."

Вдали на горизонте, за равнинным пейзажем, неожиданно возник Мельник.

– Сначала заедем в суд,– предлагает Иржи. В руке у него лист бумаги, на котором написано:

"Акт ликвидации наследства Владимира Винклера, умершего 14 апреля 1952 года, назначается на 4 июня 1952 года, на 8.30. Что и удостоверяю: д-р Иржи Бразда, государственный нотариус".

Мы слегка опоздали – с того дня прошло уже немало лет. Помнит ли еще что-нибудь нотариус?

В коридорах мельницкого суда холодно и не очень-то приветливо. Нотариус с удивлением выслушал нас и, к нашему разочарованию, покачал головой: "Извините, но я в самом деле не знаю, было ли тогда что-нибудь интересное в наследстве Винклера... Да, был какой-то шкаф, полный бумаг, но подробностей я уже не помню. Прошло уже несколько лет, и за это время мы ликвидировали десятки наследств. Разве что судебный оценщик что-нибудь помнит... Он живет недалеко, я покажу вам дорогу".

Садимся в машину и едем искать человека, который несколько лет назад производил оценку оставшихся после смерти Винклера вещей. Мы застали его погруженным в работу, вокруг лежали незастекленные картины, стоял запах замазки, лежащий у его ног серый волкодав угрожающе зарычал.

– Нет, не помню, право, не помню... Этот Винклер жил совсем одиноко, когда он умер, то люди обнаружили это лишь через несколько дней. Поэтому и поспешили похоронить его. Смутно припоминаю, что в шкафу у него было какое-то церковное облачение, которое как будто сшила когда-то его жена, затем там была флотская форма – он, кажется, служил капитаном в Лабско-Одерском пароходстве,– ну и еще там были какие-то бумаги. Но я их не просматривал, понимаете, бумаги для оценщика не представляют никакой ценности. Но если не ошибаюсь, там что-то было написано русскими буквами...

Нас начинает охватывать нетерпение. Близится

полдень, мельницкие жители собираются на обед, мы же отправляемся дальше. Едем в деревню, где когда-то жил Винклер.

Вокруг все тот же пейзаж: безлюдная равнина, покрытые льдом лужи, кое-где белые островки снега. Приезжаем в деревню, находим председателя кооператива, расспрашиваем и опять испытываем горечь разочарования. Ничего, снова ничего нет.

– Э-з, да этого у нас уж давно нет... Вам бы, товарищи, лучше съездить в соседнюю деревню, тот кооператив купил тогда винклерово наследство и все увез к себе. И бумаги тоже, а их у того дедули было немало. Но кто знает, что в них написано...

Прощаемся – и снова в путь. Дорога вьется между голыми деревьями, солнце пытается пробиться сквозь тучи, и минутами ему это удается. Поля пусты и могли бы показаться совершенно вымершими, если бы то там, то здесь не промчался тощий заяц.

Но вот приехали. Выскакиваем из машины и расспрашиваем, где находится правление здешнего кооператива. Нам повезло – в канцелярии сидят несколько крестьян и совещаются. В помещении тепло, печка раскалена докрасна, вокруг стен – несколько потертых кресел да старомодный диван.

Объясняем, зачем мы приехали. На минуту воцаряется тишина, и все удивленно переглядываются друг с другом, но потом вдруг как будто прорывает плотину, и все начинают в один голос говорить – шум, неразбериха, каждый что-то объясняет... Но только о самом важном – где находятся записи Винклера – никто ничего не знает.

– Из его вещей мы купили вот эти кресла и диван да еще какой-то шкаф, а те бумаги мы сложили на чердак, а потом перенесли в хлев. Нам негде было их хранить, да мы и понятия не имели, что среди них могло быть что-нибудь о товарище Ленине...

Да, среди них должны были быть записи осведоми-

теля Винклера.

– Что же стало потом с бумагами? Они еще в хлеву?– отзывается Иржи.

– Что вы... Мы их давно уже сдали в утиль...

Январский день уже клонился к вечеру, когда мы через Мельник возвращались в Прагу. Деревни спокойно отдыхали.

48

Вновь пришла весна, а с ней все зазеленело и зацвело. Солнце зовет на улицу, а перед нами на письменном столе гора бумаг – куда ни посмотришь, повсюду листки с выписками. Наши поиски как будто подходят к концу. Пришло время сесть за стол и изложить их результаты, настал срок подготовить обещанную радиопередачу о Ленине в Праге.

Сортирую материал, и вот наступает день, когда я отвожу рукопись на радио.

– Приходите на запись.

Я кивнул головой и пришел. В уютной комнате расположились артисты, режиссер с ассистенткой... и началось. Возможно, и вам знакомо подобное состояние: немного нервничаешь, последние выкуренные сигареты, и наконец режиссер говорит:

– Сначала читаем для проверки, потом на запись...

Работа продвигалась медленно. Нередко весь эпизод приходилось повторять, делать акцент на другом слове, потом в короткие перерывы объяснять, вычеркивать, сокращать. Когда очередь дошла до заслуженного артиста Отомара Корбеляржа, он улыбнулся и погасил сигарету. Он играл роль делегата Онуфриева, который вспоминает, как жил с Лениным у какого-то чешского рабочего. Где это было, Онуфриев не знал.

Корбелярж взял текст и начал читать. После первых колебаний и поисков нужной тональности он вжился в роль и продолжал рассказ:

– "В доме, где мы жили, была открытая железная площадка, а квартира состояла из кухни и комнаты. Мы с Ильичем жили в комнате, а наш хозяин – в кухне. Он был молодым, примерно двадцативосьмилетним человеком. У них была маленькая дочка лет четырех-пяти. Иногда по вечерам, когда выпадали свободные минуты, Ленин возился с девочкой, качал ее на коленке..."

В этот момент Корбелярж вдруг перестаёт читать. Голос его непривычно задрожал, а глаза прикованы к последней фразе... Режиссер стучит карандашом и, не понимая, что случилось, говорит:

– Ну, дальше. Ведь все было хорошо.

Но Корбелярж молчит. Затем еще раз тихо повторяет фразу:

– "Качал ее на коленке..."

– Что тут особенного?

Корбелярж медленно отвечает:

– Да ведь... да ведь я эту девочку знал...

Вот тут мне пришлось удивиться.

– Вы ее знали? Не может быть! Вот уже несколько месяцев, как я ее разыскиваю – и все напрасно!

В комнате возникает чувство напряженного ожидания, репетиция на минуту прерывается, мы усаживаемся с чашками черного кофе в руках, и Корбелярж рассказывает:

– Однажды, это было где-то в начале нацистской оккупации, точную дату не помню, после спектакля я вышел из Камерного театра на Гибернской улице, в котором тогда играл, и там, у выхода, стояла она. Обычно она там продавала газеты, мы не знали, как ее в действительности звали, помню только, что все называли ее Марией. Мы с ней разговорились, и она мне рассказала, как когда-то, когда она была еще

маленькой, ее качал на коленке Ленин. Сказать по правде, больше я ее не расспрашивал, просто мне и в голову не пришло, что однажды это станет настолько важным...

Корбелярж заканчивает, и начинаются догадки.

Можно возразить, что достоверность этих сведений еще требует доказательства. Ведь та женщина просто могла где-то прочитать, что здесь жил Ленин и качал на колене маленькую девочку, а затем рассказывать, что это якобы случилось с ней. Но только – и вот тут-то заковыка – воспоминание Онуфриева о том, что Ленин жил в Праге у чешского рабочего, с дочкой которого он играл, было опубликовано в чешской печати лишь в 1956 году! Поэтому в начале нацистской оккупации продавщица Мария об этом нигде не могла прочитать. Это было исключено. Она должна была об этом узнать из другого источника!

Из какого?

Знать бы это, тогда бы мы хоть на шаг стали ближе к цели. А пока ничего не остается делать, как попытаться найти продавщицу с Гибернской улицы и порасспрашивать ее. Может быть, ее рассказ прольет свет на всю историю. Но только где ее искать?

49

Где же ее искать?

Мы пошли на Гибернскую улицу и стали расспрашивать старожилов. Безрезультатно. Мы заходили к продавцам газет времен первой республики, они помнили разных людей, но только не Марию.

Брожу по Праге и пытаюсь разыскать разносчицу газет Марию. Хожу по улицам и высматриваю ту, которая в начале оккупации сказала невзначай Корбе-

ляржу, что с ней играл Ленин... Я ищу женщину, о которой ничего не знаю: не знаю ее настоящего имени, не знаю адреса и даже того, как она выглядит, потому что и сам Корбелярж этого уже не может точно вспомнить. Определенным, видимо, является единственный факт: в 1912 году ей было около четырех-пяти лет.

Вот и найдите в Праге женщину, которую называли Марией! Она продавала газеты...

Я пересмотрел в пражской полиции всевозможные картотеки, но Марии – продавщицы газет не было нигде.

Звоню Корбеляржу:

– Послушайте, а вы не ошиблись?

– Нет, абсолютно нет.

Снова на улицы. По вечерам захожу в захудалые пивные и жду. Все напрасно. Под потолком облака сигаретного дыма, из кухни доносятся запахи разнообразных блюд, а официанты с любопытством в глазах кивают головой: "Конечно, если она здесь появится, обязательно позвоним".

Трудно даже сосчитать, в скольких пивных знают мой номер телефона.

И я снова иду в полицию.

– В одном месте мне сказали, что фамилия этой женщины могла быть Ванёва или Ванёусова. Поэтому не могли бы вы показать мне полицейские карточки всех пражских женщин, которые носят или носили эти фамилии?

Спасибо, стократ спасибо вам, товарищ поручик, за ваше внимание, за вашу неутомимость в выполнении, казалось бы, невозможных пожеланий.

– Но ведь я это делаю не для себя... – всегда слышу несколько растерянный ответ.

Сижу и перебираю старые, захватанные карточки. Никогда бы не поверил, что существует такое количество Ванёвых.

– Погоди, как же мы все-таки будем ее искать в этой массе?

– По тому признаку, что ее предположительно зовут Мария и что родиться она должна была примерно между 1906 и 1908 годами.

И вот мы нашли наконец двух: одну на Жижкове, на Сватоплуковой улице, родившуюся 1 февраля 1907 года, и вторую – на Гавличковой улице, родившуюся 27 апреля 1908 года.

Которая из них?

Оказалось, что ни та, ни другая. Ни у одной данные не совпадали с воспоминаниями Онуфриева.

Тем временем по радио прозвучали две передачи о пребывании Ленина в Праге, и на эту же тему был снят телефильм. Мы же продолжали поиски. Повсюду. Обнаружилось, что один из делегатов, видимо, жил в здании пражской водонапорной башни на Виноградах... Но продавщица газет Мария как сквозь землю провалилась.

Еще раз проверяем всех женщин с фамилиями "Ванёва" или "Ванёусова", однако в конце концов убеждаемся, что и эта тропка не приведет нас к цели.

В чем же причина?

Начинаем совместно рассуждать: один официант сказал, что фамилия разносчицы газет Марии была Ванёва. Однако была ли она замужем или нет? Не исключено, что это была ее девичья фамилия, поэтому она может быть занесена в полицейскую карточку по фамилии своего отца. Иными словами говоря, у нее просто нет "своей" карточки. А карточек на мужскую фамилию Вань в пражской полиции столько, что среди них практически невозможно найти ту единственную, которая нам нужна... Можно, однако, предположить и следующее: фамилию Ванёва она получила после выхода замуж, но в полицейских карточках фигурирует под своей девичьей фамилией. А эта фамилия нам не известна... И наконец, последнее: некоторые карточ-

ки являются неполнымн, а некоторые вообще утеряны. Это нам знакомо еще с тех пор, когда мы разыскивали доктора Кафку, так что вполне возможно, что не хватает нменно карточки продавщицы газет Марни.

Итак, что же предпрннять?

Обратнться к писателю Гезе Вчеличке, который во времена первой республикн хорошо знал бедняков из пролетарской Прагн. В своих романах н рассказах он пишет как раз об зтих отверженных, которые порой оказывались на задворках человеческого общества, хотя по своим душевным качествам и стоялн выше тех, кто был у власти...

Геза Вчеличка ответил нам:

– Я знаю трех бывших уличных разносчиков газет. Они хорошо зналн друг друга и, может быть, окажутся полезнымн. Возможно, нм была нзвестна и зта загадочная продавщица. Правда, дело зто давнее, н ничего определенного обещать нельзя. К тому же я уже позабыл нх адреса, так что вам придется немного понграть роль детектнва. Первую фамнлию – а зто, кстатн, женщина – я вообще не знаю, но вы ее без труда сможете найтн на Виноградах, у кафе "Флора", дом 123, где она со свонм слепым мужем работает в газетном кноске. Это старая коммуннстка, которая была улнчной распространительницей красной печатн и знает многое нз жизни свонх товарищей...

Я спешу к кафе "Флора", нахожу указанный дом н обращаюсь к пожилой женщине. Она направляет меня дальше. Я оказываюсь в небольшом ресторанчике посредн балконных галерей н старых домов.

Погожий вечер. Над Прагой висят большие звезды, по дорожкам парков шуршат шагн влюбленных парочек. Влтавская вода опять благоухает летом.

Я томлюсь в ожнданин.

Около десятн часов ко мне подходит какая-то женщина, небольшого роста, полная, сильно накрашенная. Волосы тоже выкрашены. Через минуту выясняет-

ся, что произошло досадное недоразумение. Извинившись, снова блуждаю по улицам, останавливаюсь у освещенных неоном витрин, читаю рекламные вывески и афиши кинотеатров и наконец останавливаюсь перед большим щитом, на котором вывешены сегодняшние газеты. Какую-то минуту стою, бессмысленно уставившись в строки букв и броские заголовки, пробегаю глазами последние известия – и вдруг меня осеняет. Нет, в этом что-то есть... Еще немного колеблюсь, но всего лишь какую-то секунду, и бегу домой, потому что уже знаю, что надо делать.

Я пишу в газету "Вечерни Прага" статью о том, что произошло при записи радиопередачи. И вот статья опубликована... "Еще раз о Ленине в Праге"– гласит заголовок, а под ним три столбца рассказывают о Корбелярже и о его давней встрече. Кончалась статья так:

"Однако поиски продавщицы газет Марии пока ни к чему не привели. Что делать? Не вспомнят ли о ней старые продавцы газет? Не помогут ли пражане? Загадка все еще ждет своего разрешения..."

На другой день в редакции непрестанно звонит телефон, валом валит информация, сообщения и воспоминания. Через неделю получаю из "Вечерни Праги" большой лист, на котором были записаны все важнейшие сообщения.

В одном из них говорилось: "Я, видимо, знала ту, которую вы разыскиваете, она продавала газеты на Вацлавской площади. У нее, кажется, есть дочь, у которой она живет где-то на Виноградах".

В другом: "У Пороховых ворот держала газетный киоск некая пани Кацафиркова. Иногда продавал там ее сын. Этим Кацафирковым время от времени помогала продавать газеты одна женщина по имени Мария. Она жила где-то на улице Революции, напротив кафе "Влтава".

Третья запись гласила: "В 1950 году я сдавал

экзамены на аттестат зрелости на площади Сладковского, на Жижкове. Член экзаменационной комиссии спросила сдававшую передо мной девушку, знает ли она, где жил в Праге Ленин. И сама же ответила, что "у одного мясника во Вршовицах". Рекомендую выяснить, кто был тогда этим членом комиссии, и встретиться с этой женщиной".

Следующее сообщение: "Фамилия женщины, которую вы разыскиваете, – Тучкова. Она заходила в кафе "Срдичко" продавать газеты и иногда цветы. Я познакомилась с ней в 1936 году, мы обе были безработными. Жила она где-то в Праге 1..."

В другом сообщении утверждалось: "Продавщица газет Мария – это Яндеуркова, у родителей которых, как говорят, жил Ленин. Она жила на Климентской улице. Была черноволоса, худощава, небольшого роста".

И наконец, последнее из того, что представлялось важным: "На Жижкове, на Есениовой улице, дом 11, живет товарищ Форейтова, которая как будто бы знает разыскиваемую женщину. Нужно переговорить с пани Форейтовой..."

Мне ничего не оставалось делать, как сопоставить все сведения, пройтись по указанным улицам и порасспрашивать. И никакого результата.

Проверяю в полиции фамилии "Тучкова" и "Яндеуркова", узнаю их прежние занятия, год рождения. При помощи органов общественной безопасности обнаруживаю один след, который приводит даже к Усти над Лабой, в маленький поселок. Но результат все тот же – отрицательный.

Встречаюсь с сыном пани Кацафирковой, у которой как будто подрабатывала Мария... К сожалению, имени он не помнит, хотя и допускает, что это могла быть она.

Проясняется и упоминание об "одном мяснике". Речь шла о ресторане "На Рыхте" и о его хозяине

Фляйшере. По словам Липы и бытующим рассказам, у Фляйшера однажды ночевал Ленин и утром за ним пришел Войтех Голечек. По-немецки слово "мясник" звучит как "фляйшер" – вот и решение загадки.

Беседую с товарищем Форейтовой: ее сведения представляются ценными, но после проверки выясняется, что это опять ложный след. И вновь никакого результата.

Хожу по городу, а перед глазами маячат все те же два слова: никакого результата, никакого результата.

Продавщица газет Мария оказалась тем "твердым орешком", перед которым спасовали все наши усилия.

50

Проходят обычные дни и обычные часы.

Так прошло и лето.

Почти ежедневно я обнаруживаю в почтовом ящике какое-нибудь письмо. На одном адрес напечатан на машинке, на другом написан трясущейся рукой. Почтовые штемпели были отовсюду: из Праги, Хрудима, Колашовиц у Раковника, Дольних-Почерниц, Младе-Вожице, Ржичан, Ичина, Градеца-Кралове, Теплой у Тоужима, Поржичи над Сазавой или Мельницкого Втелна...

Еще проходят дни, а с ними приходят новые письма.

Никогда я не видел этих людей, которые делились своими заботами и радостями, своим жизненным опытом и различными происшествиями в их жизни. Почти каждый из них заканчивал пожеланием, чтобы это оказался именно он, кто в ту пору повстречался с Лениным на своей улице...

Они рассказывали о прошлой жизни, о нищете и

голоде, о семьях с десятью голодными ртами и нищенскими доходами, обо всем том тяжком, о чем сегодня мы знаем лишь из учебников да еще из рассказов стариков.

Этих писем у меня целые папки, наполненные до предела. Сотни страниц, сотни человеческих судеб.

Обо всех них думал Владимир Ильич, когда руководил Пражской конференцией. Он думал о них, хотя никого не знал по имени. Однако он понимал, какой нищенской жизнью им приходилось жить.

В письмах указывались направления дальнейших поисков. Так, из самой Остравы приехала одна женщина, чтобы показать дом на жижковской Липанской улице, где, по слухам, должен был жить Ленин.

– За чей счет вы приехали?– спросил Иржи.

– За свой, конечно,– с недоумением ответила она.

По иной версии, на том же Жижкове, на Таборитской улице, в доме номер 6, якобы жил один железнодорожник, который одолжил одежду одному делегату, как будто Ленину. И вновь Таборитска улица, дом 23, где во внутреннем дворе стоял большой дом, который внешне будто бы соответствовал описанию Онуфриева.

Или же Подебрадова, 62...

Подобное же случилось и с другими улицами и другими домами.

Писали люди различного возраста и различных профессий. Все хотели помочь. Из Западной Чехии приехал человек, который утверждал, что тридцать лет тому назад он жил в одном доме на Жижкове, где также жили супруги, у которых когда-то якобы останавливался Ленин.

– Как их фамилия?

– Не знаю.

– А где же вы жили?

– Тоже уже не помню, но если хотите, то пойдемте на Жижков, и я, быть может, еще найду эту улицу.

Мы пошли.

Исходив за два часа вдоль и поперек весь квартал, мы наконец эту улицу нашли. Потом в архиве устанавливаем, что в указанном доме проживал Войтех Голечек. Он переехал сюда с Благославовой улицы и рассказывал соседям, что когда-то принимал Ленина.

Проходят обычные дни и обычные часы.

В почтовом ящике оказалось письмо с советской маркой. Пишет врач из города Игрень, Днепропетровской области:

"В нашем городе живет старая женщина – чешка. В двадцатых годах она приехала из Чехословакии в Советский Союз со своим мужем. Недавно мы узнали о Ваших поисках места жительства Ленина в Праге, мы прочитали об этом в ряде статей в советской печати, и она мне рассказала, что ее муж тоже как будто тогда помогал. Поэтому я Вам об этом и сообщаю..."

В ответном письме я его попросил, чтобы он выслушал женщину, задав ей несколько вопросов, которые я тут же сформулировал.

Через шесть недель пришел ответ:

"Уважаемый товарищ!

Я посетил Анну Васильевну Подлагову, и она мне сказала, что ее муж Карел Каспарович когда-то вместе с другими отвечал за безопасность Ленина во время конференции. Владимир Ильич жил в предместье в изолированном доме, который проглядывался со всех сторон. Карел Каспарович часто выставлял у дома "патрули". Несколько дней Ленин жил в чешской семье, где ему иногда готовили шницеля, как будто из конины. В двадцатых годах Ленин написал этой семье письмо, в котором вспоминал о хороших шницелях. Известно ли сегодня это письмо? Фамилию семьи Анна Васильевна уже не помнит. Перед второй мировой войной к Анне Васильевне приезжал какой-то журналист из Праги, но оставшиеся материалы во время войны затерялись или были уничтожены".

В полной растерянности еще раз перечитываем с Иржи письмо из Игреня. Впервые становится известно о письменной благодарности Ленина семье, у которой он жил в 1912 году. Упоминание об "изолированном доме" опять же противоречит воспоминаниям Онуфриева.

— А что, если Анна Васильевна спутала это с тем, что в 1901 году пани Модрачкова сварила жене Ленина Надежде Крупской конский гуляш?— высказывает предположение Иржи.

Кто его знает...

Так появился еще один след, который невозможно проверить. Так же, как и в большинстве других случаев, с которыми мы столкнулись в ходе наших поисков.

Проходят обычные дни и обычные часы.

51

Через несколько длинных недель звонит телефон.

— Говорят опять из редакции "Вечерни Прага" ... должны сообщить тебе сенсационную новость: та женщина, которую ты разыскивал, нашлась.

— Продавщица газет Мария?!

— Вот именно. Она сидит у меня, и я ей как раз даю твой адрес. И представь себе, она живет в Праге по соседству с тобой...

Я уже ничему не верю, но тем не менее беру пальто и иду на встречу, которая должна состояться в ресторане "У святого Матвея".

Слегка моросит. Сегодня праздник, и люди навещают кладбище. Из церквушки доносится пение, каштаны намокли, их листья плавают среди смятых картонных стаканчиков из-под лимонада в блестящих

лужах на красных столиках. Я закрываю глаза и вспоминаю все, что нам довелось пережить в ходе зтих удивительных поисков...

Как, оказывается, зто было давно, когда ты звонил у дверей бывшего приматора доктора Вацека и старательно записывал все, что он говорил. Ты разыскивал тогда письма Ленина Немецу, читал записки Пятницкого, поехал к Марии Майеровой... В чем-то помогло и свидетельство Крейбиха. Потом ты штудировал заметки Гавлены, которые определили направление дальнейших поисков. Но вот появился Онуфриев, а вместе с ним и проблема места жительства Ленина, проблема гостиниц "Бельведер", "Тихий" и "Мышка". Ты узнал историю тайных агентов, разыскивал Голечека, Поппера, Бергра, Липу... Не забудь также о Гакле, докторе Кафке, Дятлове, Кашпареке, о Винклере или же гравере раковин Свердлоффе. Сейчас ты лишь усмехаешься, когда все зто всплывает перед глазами, но ведь были же минуты, когда ты ощущал полную растерянность.

И все же все зто оказалось не напрасно.

Не только потому, что удалось выяснить кое-что новое, что были сопоставлены самые различные воспоминания и рассказы и что теперь у нас появилось примерное представление о том, что окружало конференцию,– все зто и в самом деле важно. Но самое ценное, что ты извлек из всех поисков и что тебе глубоко запало в душу, можно было бы выразить одной фразой: сколько же в зтом помогало людей! И не из-за стремления к выгоде (хотя попадались и такие), а в силу страстного желания хоть чем-нибудь помочь в выяснении всех проблем.

Таких людей я находил на каждой улице, в каждом доме, в архиве или в библиотеке...

Только я собрался кое-что записать в свой блокнот, как в зтот момент меня кто-то окликнул.

– Я не заставила вас ждать?

Передо мной стоит маленькая женщина с измученным заботами лицом, в котором, однако, чувствуется масса энергии. Черные волосы уже поблекли. Говорит быстро, словно торопится, словно заранее хотела бы ответить на все вопросы, которыми я ее забросаю.

— Вот фотография пана Корбеляржа. Он тогда мне ее подарил. Сколько же лет с тех пор прошло... Я продавала газеты. Знаете, как в то время жилось нелегко, нередко я оказывалась без работы.

— А когда вы с ним встретились?

— Я жила на улице Революции, недалеко от Климентской, и продавала газеты у пани Кацафирковой, так что...

— Постойте, постойте, так вы знали пани Кацафиркову?

— Да, у нее был киоск напротив Пороховых ворот, и я ей иногда помогала... Ну так вот, эта встреча с Корбеляржем состоялась примерно в начале второй мировой войны.

— Но почему же вы не дали о себе знать сразу же после опубликования той статьи в "Вечерни Праге"?

— Я ее не видела, меня даже в Праге не было в то время. Только через несколько месяцев на нее обратили мое внимание знакомые, которые начали спрашивать, не я ли это...

— Вы на самом деле тогда рассказывали о себе Корбеляржу?

— Мы же хорошие знакомые. Назовите ему мое имя, и он обязательно вспомнит. А если бы сегодня он меня увидел, то сказал бы: "Вы ли это, Мария?" Знаете, годы идут, и никому они не прибавляют молодости... Я знала и других артистов из Камерного театра, я часто стояла там у подъезда и продавала газеты.

— Так что же было в 1912 году?

— Боюсь, что вас разочарую. Как только представлю, сколько вам это стоило усилий и где только вы

меня не искали!.. Знаете, говорить-то я ему об этом говорила, все это правда, но только...

— ... но только?

— Начну лучше по порядку. Мой отец был убежденным социал-демократом, к нам часто ходил и Тоник Запотоцкий, ночевал у нас, в общем, оба они были рабочими-активистами и хорошо понимали друг друга. Тоник говорил: "Только не робеть". Он-то не робел. И был очень хорошим человеком. Как Ленин. Удивительно как-то: такие большие люди и такие простые и обыкновенные. Отец был партийным функционером, а в 1912 году работал в Праге каменщиком.

— Постойте, а разве он не был багетчиком?

— Нет, каменщиком. Я с мамой и родственниками жила в одной деревне между Сланым и Заколанами. Однажды папа взял меня с собой на несколько дней в Прагу, я была еще маленькой и спала у его квартирного хозяина, по-моему парикмахера. Ну вот, потом мы с отцом пошли на прогулку, чтобы посмотреть кое-какие пражские достопримечательности, а на обратном пути зашли к одному его знакомому. Дело было уже к вечеру, у них горел свет, а на кухне сидел какой-то пан с русыми усами и бородкой и качал на колене маленькую девочку. Папа о чем-то говорил со своим знакомым и этим паном, а я все глядела на этого пана и на ту маленькую девочку и не знаю, что бы дала за то, чтобы тоже могла сесть ему на колени. Я же была совсем ребенком... А он это каким-то образом понял, посмотрел на меня, улыбнулся и взял меня на минуту к себе на колени. Я была так счастлива. Вот и все...

— Сколько вам тогда было лет?

— Девять...

— А откуда вы знаете, что...

— А мне потом отец всегда говорил: "Мария, девчонка ты несмышленая, да тебе и приданого никакого не потребуется, ведь тебя качал на коленях сам

Ленин. А знаешь, кто это? Очень хороший человек, да чего тебе объяснять, кто такой Ленин... Просто, это — Ленин..." — Женщина в смущении замолкает.

На стол упал еще один лист. Мимо летнего ресторана, где мы сидим, прошуршали шаги, это несколько старушек проковыляли к кладбищу продавать цветы.

— Отец у нас был хороший. Ему и в голову не приходило извлечь из чего-нибудь выгоду. Поэтому я так и не узнала, где мы тогда были в гостях. Отец все делал так естественно, бескорыстно. Ну и больше я ничего не знаю. Говорить я не умею, ведь я простая женщина, так что вы сами решайте, что из этого представляет ценность... — заканчивает она растерянно.

Надолго воцаряется молчание. Все уже было сказано. Наступает полдень, и мы прощаемся...

По дороге домой раздумываю над услышанным, в голове мелькают всякие мысли и рождаются сомнения. Ясно, что у родителей продавщицы Марии Ленин не жил, ведь старый каменщик — ее отец — сам снимал в Праге комнату. Но как доказать, что ее встреча в гостях не выдумка? Чем подтвердить это?

Разговором Марии с Корбеляржем в начале оккупации?

Может быть.

Но Марии в 1912 году было уже девять лет, а в этом возрасте дети уже не хотят садиться взрослым на колени. И играть с ними. Или же все-таки это могло случиться?

Дождик кончается, тучи разорвались и спокойно шествуют куда-то за Петршин. Края туч озаряло солнце. И вдруг на волю пробились несколько лучей, разбежались по пражским куполам и засверкали на них в оставшихся каплях воды.

Небо над Жижковом уже совсем ясное.

Иду, огибая лужи, и как будто слышу голос старого каменщика: "Ленин — а знаешь, кто это? Очень хороший человек, да чего тебе объяснять, кто такой

Ленин... Просто – это Ленин..."

Праздничный полдень. Под холмом течет поседевшая Влтава, земля липнет к ногам, и уже пахнет осенним ветром.

И вдруг меня пронзает понимание того, что совсем ведь не обязательно найти дом с железной галереей. Существуют вещи, которые невозможно пощупать, измерить метром или сфотографировать. Вещи, которые не обнаружишь ни в адресной книге, ни в архиве, ни в библиотеке. Они в сердце человеческом.

И они гораздо важнее.

52

Наши поиски подошли к концу. Многое выяснилось, многое еще осталось за завесой тайны, и не исключено, что там останется навсегда. Однако значение Пражской конференции переживет годы и десятилетия... "Работа пошла и пойдет"[1], хотя и начался "бой великий из-за конференции"[2], писал после окончания ее работы Ленин.

Враги ее ненавидели, принижали ее значение, клеветали на нее. Но ничто им не помогло. Они пытались ее просто не замечать, но и из этого ничего не вышло. Пражская конференция победила. А с нею – и Владимир Ильич.

Доживают свой век последние очевидцы, и уже возникают легенды и предания...

Предания современности, предания двадцатого века о человеке, который ходил по пражским улицам, любил простых людей и поэтому посвятил им всю

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 50.
[2] Там же, с. 55.

свою жизнь. Предания об исключительно скромном человеке, который мог переночевать на полу в нусельском трактире, о ласковом человеке, который играл с маленькой девочкой и качал ее на коленях...

Предания о Владимире Ильиче.

Вот почему навсегда отмечена его присутствием Прага, ее улицы, дворы и набережные, влтавские мосты. Праге есть о чем вспомнить и чем всегда гордиться.

Ибо ветер когда-то пронесся по этому городу, и был это предвестник добрых перемен.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Наш рассказ, который не представляет собой исторического исследования, обычно противопоставляемого произведениям художественного вымысла, никогда не смог бы появиться, если бы автору не помогало много людей — знакомых и незнакомых, со всех концов страны, людей разных профессий. Прежде всего это их заслуга, что на свет родилась эта книга о пребывании Ленина в Праге, о том, как он здесь работал, о людях, которые были причастны к Пражской конференции, о людях сегодняшнего дня и той поры. Пусть же она расскажет тем, кто будет жить после нас, как мы относились к Владимиру Ильичу Ленину.

Может, будет забыто имя автора, и останется лишь небольшая книжка. Но и тогда, когда люди уже познают космос, Луну и звезды, не будет лишним оглянуться назад, на события 1912 года, которые по-своему открыли человечеству путь к новым свершениям.

Во многих местах нашей работы мы использовали воспоминания, статьи и рассказы отдельных свидетелей или непосредственных участников этих событий. Вполне понятно, что их достоверность является различной. Иногда, как, к примеру, в случае с реформистом Модрачеком, не вызывает сомнений то, что его роль не была столь значительной, как он сам позднее утверждал.

Иное дело Яхим Гавлена. В нашем рассказе мы ссылаемся на первый вариант его воспоминаний.

Потом, незадолго перед смертью, Гавлена несколько изменил интерпретацию некоторых фактов в своих записках, но мы все же исходим из первого варианта, полагая, что его он писал еще на "свежую" память. То же относится и к свидетельству доктора Вацлава Вацека.

Следующую группу составляют статьи Шкатулы, Стивина и других. В них обнаруживаются определенные неточности, и во многих случаях приводимые там сведения невозможно до конца проверить. Также и беседы с доктором Поппером, с Мышкой и другими страдают одним и тем же недостатком: как любой устный рассказ, они являются привлекательным материалом для литературного оформления произведения, но с точки зрения исторической точности некоторые содержащиеся в них сведения не поддаются проверке, поэтому их приходится принимать со значительной долей осторожности.

Заметки Киша, которые здесь цитируются, написаны с присущей ему страстностью и стремлением к правде, то же самое относится и к оценкам Зденека Неедлы в его монографии о Ленине, на фактические данные которой мы также опирались (это касается некоторых подробностей о связях Ленина с чешскими деятелями рабочего движения, например, просьбы Ленина о паспорте и т. п.).

В заключение приношу благодарность за бескорыстную помощь и ценные замечания теперь уже умершей народной писательнице Марии Майеровой, сотрудникам пражского Музея Ленина и Института марксизма-ленинизма, профессору доктору Вацлаву Гусу с философского факультета Карлова университета в Праге (умер в 1965 году), который вместе с Антонином Запотоцким воодушевил автора на это исследование. Не могу также не выразить благодарность сотрудникам Музея Клемента Готвальда, Чехословацкого радио и Чехословацкого телевидения,

редакции газеты "Вечерни Прага", редакции журнала "Свет социализму", работникам методического отдела Городской библиотеки в Праге и городского Управления общественной безопасности, Государственного центрального архива и всем другим, кто оказывал помощь в различных музеях, архивах и учреждениях.

Им всем мое искреннее и сердечное спасибо.

Мирослав Иванов

ИБ № 7116

Художник *Б. И. Астафьев*

Художественный редактор *В. А. Пушков*

Технический редактор *И. А. Низова*

Сдано в набор 11.07.1979 г.
Подписано в печать 2.01.1980 г. Формат 70×100
Бумага офсетная Гарнитура Пресс Роман
Печать офсетная Условн. печ. л. 10,32
Уч.-изд. л. 11,45 Тираж 65.000 экз. Заказ № 668
Цена 80 коп.

Издательство „Прогресс" Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Отпечатано на Можайском полиграфкомбинате Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Можайск, 143200, ул. Мира, 93

80ccm.

Цена 80 коп.

Чешский литератор Мирослав Иванов известен как писатель, работающий в жанре литературы факта. Его перу принадлежит более двух десятков книг. Во многих произведениях М. Иванов разрабатывает тему интернационального братства советского и чехословацкого народов. Например, "Операция Тетерев" рассказывает о советском партизанском отряде, действовавшем на моравско-словацкой границе в годы второй мировой войны, где плечом к плечу сражались советские партизаны и чехословацкие патриоты. В книге "Марсово поле" автор рассказывает своим читателям о героической Сталинградской битве, о сражениях под Москвой и Киевом, о мужественных защитниках блокадного Ленинграда.

Книги писателя Мирослава Иванова издаются во многих странах. На его родине – в ЧССР – лучшие труды литератора, в том числе книга "Ленин в Праге", отмечены премиями, а их автор – знаками лауреата.

ИЗДАТЕЛЬСТВО · ПРОГРЕСС ·